ПИОНЕР

АВГУСТ 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961 г.

— Наша берет!
— Давай, давай!
Страсти болельщиков в полном разгаре. Вы только посмотрите на этих мальчишек. По их лицам можно узнать, что происходит на зеленом овале стадиона.

Фото И. Гольдберга.

В столице Азербайджана, городе Баку, идет Всесоюзная спартакиада пионеров и школьников. Ребята пятнадцати советских республик встретились здесь, чтобы бороться за первенство страны.

Их путь на спартакиаду начался в школьных спортзалах, во дворцах, на пионерских стадионах и лагерных спортплощадках.

Ну, а как ты?

Верен ли ты родившейся летом дружбе со спортом? Не хочешь ли померяться силами с ребятами своего звена, отряда?

Кто из вас стал за лето сильнее и проворнее? Кто победит в пионерском четырехборье: в беге, в метаниях и прыжках?

Сделай начало учебного года продолжением твоего спортивного лета.

Пускай в звеньевых тренировках и состязаниях зреют победы следующей спартакиады и медали новых чемпионов.

№ 8 АВГУСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"
1961 ГОД

Год издания 38-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Л. ВОРОНКОВА

Рисунки П. Павлинова.

ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

НАЧАЛО ТРЕВОГИ

Автобус уходил все дальше и дальше по улице. Блеснув красным кузовом, он повернул за угол и исчез. И все исчезло: веселые и заплаканные лица детей, глядевшие из окон, их цветные шапочки, панамки... Исчез и клетчатый платок, которым махала Изюмка, прощаясь с Антоном и Зиной. Уехали...

Зина понимала, что грустить тут нечего. Маленькая сестренка поехала с детским садом на дачу, к солнышку, к речке, к лесу... Только радоваться надо, что так счастливо удалось устроить Изюмку. Впрочем, и устраивать-то особенно не пришлось: в заводском комитете знали, что у Стрешневых умерла мать. А кому же, как не сиротам, нужна особая любовь и забота?

Грустить, конечно, нечего. Однако у Зины в темных ресницах заблестели слезы. На всяких проводах, даже если человек уезжает ненадолго, присутствует затаенная печаль...

Матери и бабушки, провожавшие детей, начали расходиться. У ворот детского сада наступила тишина. Слышней стал трамвай, проходящий по соседней улице. Отчетливей прозвенел на дереве дружелюбный разговор воробьев. Зина, сморгнув слезы, поглядела на Антона. Антон все еще стоял, глядя на угол дома, за которым исчез автобус.

— Ну что ж, пойдем? — сказала Зина.

И тут же по привычке окинула брата взглядом: все ли пуговицы у него на месте, не торчит ли где вырванный клок. Ну, так и есть: рукав у рубашки разорван, штаны в известке. И почему это мальчишкам вечно надо куда-то лазить, пачкаться, рвать все на себе?

Антон поднял на Зину глаза:

— А мы с тобой к ним поедем?

— Конечно, поедем. В родительский день.

— И с папой?

— И с папой обязательно.

Зина и Антон шли рядом по узкому тротуару своей старой, осененной липами и тополями улицы. Деревья были зеленые, только что развернувшие молодую листву. Они еще не успели запылиться и стояли, празднично осыпанные маленькими солнечными огоньками. На дощатом, лиловом от времени заводском заборе лежали ребристые тени. Оттуда, из-за этого высокого забора, взлетали веселые, задорные гудки паровозика, развозившего груз по заводскому двору.

С тех самых пор, как Зина живет на свете, слышит она эти тонкоголосые, отрывистые гудки. Раньше она думала, что там ходит большой паровоз с золотой звездой на груди и с огненным глазом. Он являлся ей из дальних странствий, из тех неизвестных заманчивых далей, которые лежат за пределами московских окраин. Он приходил, промчавшись сквозь дремучие леса, он дышал жаркими запахами цветущих степей, он, может быть, пил студеную байкальскую воду...

Позже, когда со школьной экскурсией Зина вошла в заводской двор, она увидела маленький черный паровозик, бегавший по узким рельсам от склада сырья к цехам и от цехов к складам. Бегал и гудел — покрикивал, чтобы люди сторонились, хоть он и маленький, но все-таки паровоз же! Зине тогда стало очень смешно: ну и воображала этот паровозик, ну и обманщик!

Однако и сейчас, услышав знакомые гудки, Зина почувствовала то же сладкое и немного грустное волнение детских лет, те же неясные мечты о дальних странствиях затуманили ей глаза. Пятнадцатая весна... Уже пятнадцатая весна, а Зина еще нигде не была, кроме бабушкиного деревенского Подмосковья. А мир так велик и разнообразен!

Но скоро, теперь уже совсем скоро Зина наденет походный рюкзак за плечи и выйдет из ворот. Надолго, почти на все лето она уйдет из дому. Их школьная группа — все хорошие, крепкие ребята, все ее друзья и подруги. Как же весело будет им идти по солнечным дорогам, забираться в лесные чащи, купаться в реках и озерах, ночевать у костров, под звездами! Сколько песен они запишут, сколько соберут гербариев, сколько зарисовок акварелью сделает она, Зина!.. Ах, уж скорей бы!

Антон вдруг пронзительно свистнул, и Зина, очнувшись от своих весенних дум, вспомнила, что он идет рядом.

— Ты что это, Антон? — строго сказала она.

— А что?

Зина уловила в его голосе чуть-чуть вызывающую нотку. Это что-то новое, Антон был всегда послушным и мягким. Может быть, даже чересчур мягким...

— Зачем ты свистишь?

— А там Алешка Маркин идет, из нашего класса. Вот я ему и свистнул. Все так свистят.

— Кто же это все?

— Все. И Клеткин так свистит.

— Клеткин! — Зина покачала головой.— Нашел товарища! Он же на три года старше тебя. Чего ты все к нему лезешь? На голубях помешался?

— Не на голубях...— нехотя возразил Антон.— Он их сам не любит, только гоняет.

— Так что же тебе у него сладко?

Антон, не отвечая, сплюнул сквозь зубы.

— А это что, тоже клеткинский шик? — спросила Зина.

Антон поморщился. Но Зина не отставала.

— Клеткин тоже так плюет?

— Он еще дальше умеет,— возразил Антон,— он может за семь шагов в человека попасть.

— Значит, ты отстал. Только за три шага можешь попасть в человека!

Зина нахмурилась, лицо ее стало чужим, холодным.

Но Антон будто и не заметил этого. Он шел, засунув руки в карманы, рассеянно и независимо поглядывая по сторонам. С какого-то времени,— Зина не заметила, с какого именно,— Антон перестал держаться за ее руку, когда им случалось вместе идти по улице. Ну что ж, значит, большой становится, уже не хочет ходить за ручку!

Эта мысль отозвалась в ее сердце неожиданной горечью. Почему? Неужели потому, что Антон становится большим?

Прислушавшись к себе, Зина поняла: нет, не поэтому. Это очень хорошо, что Антон подрастает, что он уже не такой робкий и податливый. Только почему же, подрастая, человек должен отходить от своих близких, от тех, кто его опекает и заботится о нем? Неужели и от мамы, если бы она была жива, Антон вот так же неожиданно замыкался бы, закрывал бы свою душу, всегда такую доверчивую и открытую? Еще не так давно Зине стоило только слегка нахмуриться, сделать недовольное лицо, как Антон уже виновато заглядывал ей в глаза своими широкими голубыми глазами, в которых можно было прочесть все его мысли, все до одной! Он так всегда торопился восстановить дружбу с Зиной, он держался за нее, за старшую сестру, как листик за ветку...

А теперь вот он идет, руки в карманы, свистит, плюется. И словно дела ему нет до того, что думает об этом Зина!

Входя во двор, Антон опять плюнул сквозь зубы, словно выстрелил из рогатки.

— Продолжаешь? — холодно спросила Зина.

Антон опять ничего не ответил.

— Придется с отцом о тебе поговорить. Что с тобой творится?

— Ну, что я сделал-то? — хмуро возразил Антон.— Скорей уж с отцом! Только и знаешь.

Во дворе, на лавочке под кленом, Зину ждала Фатьма Рахимова, ее подруга с детских лет. Фатьма сидела, склонившись над книгой, длинные черные косы ее сбегали по плечам, от густых ресниц падала нежная тень на смуглые, побледневшие за зиму щеки.

Услышав шаги, она подняла ресницы. Взгляд ее был далеким, он еще глядел в тот праздничный, в тот мучительный и роковой день, когда Джемма, увидев, как Овод обрывает лепестки розы, узнала в нем своего Артура.

Фатьма улыбнулась Зине. Но тут же ее губы задрожали, и Фатьма неожиданно всхлипнула.

— Ты смеешься или плачешь? — спросила Зина, присаживаясь на скамью.

— Смеюсь,— ответила Фатьма, утирая слезы.— Это я только из-за Овода... А так — конечно, смеюсь!

— А я-то, думаешь, не плакала из-за Овода? — сказала Зина.— И если снова начну читать, то и опять заплачу. Как он их любил — и отца и Джемму!

— Любил, а мучил! Ну, зачем он Джемму так мучил? Мне очень Джемму жалко...

У Фатьмы снова навернулись слезы.

— А мне нет, а мне не жалко,— сдвинув брови, сказала Зина,— она за другого замуж вышла.

— Ну, а если Артур погиб? Ведь она же думала, что он умер!

— Все равно. Раз он умер и раз он был не виноват, значит, и она должна быть верной. А она уж скорей замуж. Я бы никогда, никогда бы так не сделала!

— А он должен был понять и простить!

— Где же Антон? — вдруг спохватилась Зина и, оглядываясь, встала со скамьи.— Куда он делся?

Двор был полон утренней свежести и тишины. Девочки-первоклашки прыгали через веревочку. Малыш из квартиры номер два с восторгом теребил кустик мокрижника, выросший у забора... Антона не было.

— Наверно, в пионерский лагерь убежал,— сказала Фатьма.

Зина озабоченно покачала головой:

— Если бы в лагерь! Иногда придешь туда посмотреть, что он там делает, а его и след простыл; бегает неизвестно где, неизвестно с кем. Обманывать начал.

— Антон? Обманывает? Что ты! — Фатьма улыбнулась.— Да он же простота, он и обмануть-то не сумеет!

— Понемножку учится,— Зина вздохнула, светло-серые глаза ее помрачнели.— Ну вот, куда он сбежал? Неужели опять к этому Клеткину?

Зина заглянула за угол флигеля. Прошла к воротам, поглядела на улицу.

— Да, может, он дома давно? — крикнула ей Фатьма.

— Дома никого нет. Ключи у меня.

— А давай сбегаем в лагерь, посмотрим!

АНТОН В ПЛЕНУ

Ветерок слегка пошевеливал красное полотнище с приветливой надписью «Добро пожаловать!», приглашающей в светлый и веселый мир пионерского лагеря.

Недалеко от старых улиц, с узенькими тротуарами и подслеповатыми домишками, недавно поднялся новый квартал. Величаво и уверенно встали одетые розоватым и белым камнем дома с большими окнами, с балконами, с цветами и газонами.

Среди этих красивых домов, кое-где еще не достроенных, была оставлена широкая площадка для городского пионерского лагеря. Всего год назад открылся этот лагерь, а уже молодые кудрявые липы окружили его, вдоль свежеокрашенного забора поднялись кусты сирени и акации, зацвели левкои, в лагере появились беседки, уголок спорта, географическая площадка, маленькая библиотека, уголок для младших школьников. Посреди лагеря поднялась мачта пионерского флага, а линейку, всегда посыпанную свежим песком, обвела зеленым квадратом полоска густого дерна.

Очень много людей потрудилось здесь: и пионеры, и комсомольцы, и учителя, и родители, и заводские шефы. Ребята, оставшиеся в городе, любили свой лагерь, он спасал их от одиночества, безделья и скуки, от пыльных, тесных дворов и темных задворков, которые особенно томительны в жаркие дни лета.

Каждый день ровно в десять над лагерем красной птицей взлетал флаг, слышались пионерский горн, голоса вожатых. И целый день лагерь звенел песнями, смехом, радостью кипучей ребячьей жизни.

Зина и Фатьма прошли мимо беседки, где занимался кружок «Умелые руки». Ребята азартно мастерили что-то из яркой цветной бумаги, резали, клеили, примеряли. Фатьма не утерпела, подбежала к ним. Оказалось, ребята делают шапочки ко Дню цветов. Шапочки эти будут не простые, они будут, как цветы: шапочка-ромашка, шапочка-колокольчик, шапочка-яблоневый цвет.

В тени старого дерева на круглой скамейке сидели две девочки с вышиваньем в руках. Пожилая, с двойным подбородком женщина в очках, видно, чья-нибудь бабушка, учила девочек вышивать. Яркие разноцветные нитки цвели в их корзиночках, как цветы.

В дальнем углу, за густыми сиреневыми кустами, слышались не очень стройные голоса, там разучивали какую-то песню...

— Дай-ка я сбегаю, большую клумбу посмотрю, проверю, как мои юннаты работают,— сказала Фатьма,— а то раза два забудут полить — и прощай георгины!

Фатьма, взметнув косами, убежала на свой юннатский участок. А Зина поспешила на площадку младших школьников, куда с самой весны ходит Антон.

На площадке раскачивались качели. В углу, под навесом, стучали молотки мастеров кружка «Сделай сам». На открытой полянке ребятишки бегали, запуская змеев. Змеи, причудливые, расписные, со смешными рожами, то беспомощно клонились к земле, то взмывали выше деревьев, выше крыш.

Зине навстречу выбежала Поля-Полянка:

— Зина, Зина пришла! Рисовать будем!

Вслед за ней, соскочив с качелей, подошел Витя Апрелев.

— Рисовать... А разве сегодня вторник?

Зина вела у них кружок рисования. Но приходить она могла только один раз в неделю, а ребятам хотелось рисовать каждый день.

Зина вышла на площадку, оглянулась. Антона не было.

Дежурная вожатая, крепкая, чуть неуклюжая и всегда веселая пионерка Саша Тюльпанова сунула Вите в руку веревочку от змея, который запускала, и подошла к Зине.

— Здравствуй, Зина! — пропела она, и тотчас со всех сторон хором откликнулись ребячьи голоса:

— Здравствуй, Зина! Здравствуй, Зина!

— Здравствуйте, здравствуйте! — ответила Зина, стараясь улыбнуться.— Саша, скажи, ты Антона не видела?

Саша беглым взглядом окинула площадку.

— Он не приходил сегодня, Зина. Я здесь с самого утра. Да он уже и давно не приходит.

— Давно?

— А разве ты не знала? Я думала, может, он заболел или к бабушке уехал.

— Да, он немножко болел,— торопливо сказала Зина, чувствуя, что краснеет от стыда,— он только сегодня вышел...

Ребята на качелях поссорились и подрались. Вожатая обернулась на крик, а Зина, торопливо пробормотав «до свидания», бросилась к выходу. Фатьма догнала ее у ворот.

— Ну, чего ты убиваешься? Придет твой Антон, никуда же не денется. Ну, хочешь, еще где поищем?

— Я знаю, где он,— ответила Зина,— только я не пойду туда.

Да и некогда было Зине идти: пора готовить обед.

Хмурая, расстроенная, она чистила картошку, жарила мясо. Хотела было, как всегда, сварить манную кашу, но вспомнила, что не для кого: Изюмки уже нет дома. Как-то она там? Наверно, приехала. Может быть, уже обедает. Вот, небось, таращит глаза: какие большие деревья кругом! Сколько цветов! Какие бабочки летают!

Ласковые мысли об Изюмке немножко развлекли Зину.

Но вспомнила про Антона, и снова стало сумрачно на душе. Как же случилось, что они так разладили с братом?

Антон явился к концу дня, перед тем как прийти отцу с работы. Он вошел как-то чересчур независимо, искоса взглянув на Зину. И словно не зная, куда себя девать, походил по комнате, взялся за книжку, отложил ее. Потом лег животом на подоконник и стал смотреть во двор.

Зина молча следила за ним. Она ждала его взгляда, ждала, что он обратится к ней, скажет что-нибудь. Но Антон делал вид, что ничего не замечает.

— Где ты был? — наконец спросила Зина.— Опять у Клеткина? Ведь я просила не ходить к нему!

— А я и не у Клеткина был! — торопливо, не глядя на нее, ответил Антон.— Почему это у Клеткина?

— А где же?

— Ну где? На пионерском дворе был.

— Антон, повернись, пожалуйста, ко мне. Что же ты, разговариваешь со мной, а глядишь куда-то в окно? Разве это хорошо?

— Ну а что ж такого? — возразил Антон.

Однако нехотя сполз с подоконника и повернулся к Зине.

— Антон,— Зина изо всех сил старалась сдержать

гнев и говорить спокойно,— ты не был на пионерском дворе. Почему ты обманываешь меня?

— Нет, был! Был! — упрямо повторил Антон.— Я там был! Спроси у ребят, спроси!

— Я спросила. Ты там не был.

— Нет, был! Нет, был!

В его голосе зазвенели слезы. В широких, открытых глазах Антона Зина увидела какое-то смятение: не то вызов, не то отчаяние... Зине стало нестерпимо жалко его. Что с ним делать? Может, успокоить его, посадить рядом с собой на диван, поговорить с ним по душам? Ведь так делала мама, чуть подметит, что у Зины какая-то неприятность. Посадит, бывало, ее рядом с собой и скажет: «Давай поговорим, дочка!» И Зина ей все расскажет. А мама выслушает и всегда найдет, чем успокоить Зину, всегда подскажет ей, как лучше поступить. Поговоришь так с мамой, и все невзгоды рассеются. Как хорошо было с мамой жить на свете! Как весело, как просто, как легко! Зачем ты умерла, мамочка?!

Поговорить с Антоном... Но ведь Зина-то никогда не обманывала маму, а этот смотрит Зине в глаза и говорит неправду. В семье у Стрешневых презирали ложь. Но что делать с Антоном, ведь он уже не в первый раз обманывает ее! Зина сколько раз объясняла ему, что лгут только трусы и подлые люди, что если человек лжет, значит, он скрывает что-то нехорошее. Но Антон никогда не сознается, что говорит неправду. Может быть, не приласкать, а наказать следует его за это?

Антон шел, засунув руки в карманы, рассеянно и независимо поглядывая по сторонам.

— Хозяйка! — закричала из кухни соседка Анна Кузьминична.— Суп-то бежит, смотри, всю плиту залило!

Зина вскочила и побежала в кухню.

Вытирая плиту, она услышала, что хлопнула входная дверь. Кто-то пришел? Нет, все тихо. Неужели Антон... Зина поспешно направилась в комнату. Антона не было. Он скрылся, словно ждал, когда выйдет Зина из комнаты.

Зина огорченно заглянула в спальню, хотя знала, что Антона и там нет. Убежал! Лишь бы не разговаривать с ней. Теперь придет вместе с отцом, дождется его во дворе и придет. Он знает, что Зина не захочет расстраивать отца и при нем ничего не скажет.

«Что хочет, то и делает! — почти со слезами подумала Зина.— Весело ему!»

Но Антону было совсем не весело. Его жизнь уже давно пошла вкривь и вкось. Если бы он был покрепче характером и если бы он знал, что дела так сложатся, он давно бы все рассказал Зине.

Это началось еще зимой. Антону встретился на улице Яшка Клеткин, парень из пятого класса их школы.

— Хочешь моих голубей поглядеть?

Антон шел встречать Зину. Но он не посмел отказать Клеткину. Уж если Клеткин заговорил с таким малявкой, как Антон, как же откажешь?

Голуби обольстили Антона. А Яшка, которого все маленькие ребятишки на улице боялись, ошеломил Антона своей добротой. Он дал ему погонять стаю, а потом сказал, что пускай Антон, когда хочет, тогда к нему и приходит.

Однако отец, услышав, что Антон сегодня гонял голубей, раз и навсегда запретил ему ходить к Яшке. И задворки, заваленные грязными сугробами, где за старым сараем заманчиво светилась зеленая крыша Яшкиной голубятни, стали для Антона запретной, но желанной зоной.

Однако все это прошло и забылось бы, если бы Яшка не являлся время от времени перед глазами Антона, если бы словно невзначай, мимоходом

не вмешивался в его жизнь. Однажды, в конце зимы, он встретил их с Зиной, когда они шли из школы. Засунув руки в карманы, Яшка остановился и осклабился:

— Уа! Уа! Деточка — за ручку держится!

Зина не обратила на него внимания. Но Антон шага через три тихонько высвободил из ее руки свою руку.

— Ты что, Антон?

— Ничего, шнурок развязался.

Он отстал на минутку, потеребил крепко завязанный шнурок. Но когда догнал ее, то за руку больше не взялся. И уже никогда больше не брал Зину за руку: Яшкино «уа, уа» запрещало ему эту ласковую детскую повадку.

В яркий, предвесенний день, когда весело позванивали сосульки под крышами, Антон шел из школы, беззаботно размахивая портфелем.

И тут снова перед ним появился Клеткин.

— Чегой-то веселый больно?

— Пятерку получил! — еле сдерживая счастливую улыбку, ответил Антон.

— Пфу! — пренебрежительно усмехнулся Яшка и сплюнул сквозь зубы. — Тоже нашел радость! А я в школу больше не хожу.

— Как не ходишь? — Антон оторопел, он не мог себе представить, чтобы это было возможно. — А отец тебе ничего?

— А отцу что? — резко ответил Клеткин, глаза его стали узкими и злыми. — Он, что ли, за меня экзамены будет сдавать? Пускай сдает. Но может? Ну и я не могу. Не хочет? Ну и я не хочу. Все. Сеанс окончен.

Клеткин засунул руки в карманы и, небрежно насвистывая, пошел по улице.

Антон задумчиво смотрел ему вслед. Он был ошеломлен. Вот смелый человек, а? Не захотел экзамены сдавать — и не стал. Ушел из школы, да и все. И никого, даже отца не боится! А вот он, Антошка, наверно, всегда будет малявкой, «уа, уа».

Вскоре Антон еще раз убедился в Яшкином геройстве.

Однажды дворник начал бранить Яшку за то, что он сломал молодое деревце. Если бы дворник так закричал на Антона, Антон летел бы домой не чуя земли и, наверно, полгода боялся бы встретиться с дворником. А Яшка не побежал. Он сунул руки в карманы, сплюнул в сторону дворника и небрежно сказал:

— Слыхали. Все. Сеанс окончен.

Дворник побежал было за ним с метлой. А Яшка лишь отскочил от него шагов на пять и пригрозил:

— Смени пленку. А то все эти твои елки-палки переломаю!

Дворник махнул рукой:

— И откуда у нас, в советское время, такой дур-

Яшкины голуби обольстили Антона.

ной народ берется? И учат их, и дворцы им строят. А на что такой дубине дворцы?

И ушел.

Антон сияющими глазами смотрел на Яшку. Сам дворник, сам Данила Петрович сдался, не справился с Клеткиным! И весь этот вечер Антон учился плевать сквозь зубы, чтобы хоть немного быть похожим на Яшку Клеткина.

И с тех пор, словно привороженный, Антон бродил по улице в надежде встретить Яшку, стоял у ворот двора, где жил этот отчаянный человек, заглядывал в калитку. Иногда, завидев стаю голубей, взлетающую над крышами в голубом утреннем сиянии, он бросал игру, отходил от ребят и мечтательно глядел, как поблескивает под солнцем голубиное крыло, как стремительно падают птицы вниз темными комочками и вдруг, взвиваясь, тонут в небесной синеве... В такие минуты Антон не слышал и не видел никого, он был там, с Яшкой, на глухом пустыре за сараем, который неотступно тянул его к себе тревожным очарованием запрета.

Яшкина жизнь обрывками доносилась до него. Антон видел, как иногда Яшка вскакивает в трамвай и уезжает куда-то в «центр». Ему было известно, что Яшка не пропускает ни одной кинокартины в их заводском клубе.

Яшка любил поговорить о кино. И все-то он знал и все-то понимал. «Попрыгунья»? Мура! «У стен Малапаги»? Тоже мура. «Смелые люди»? Это ничего, смотреть можно, «На заставе» тоже ничего... И Антону было ясно, что нет такой картины на экране, о которой у Яшки не было бы своего мнения. Это был очень знающий человек!

— А вы что знаете, улитки? — сказал однажды Яшка Антону и еще двум-трем ребятишкам, которые, разинув рот, слушали его рассказы.— А вы что видели?

Антон хотел сказать, что они с Зиной ходили в зоопарк, потом в Кукольный театр, но тут же раздумал. Яшка скажет: «Детки! В Кукольный театр, за ручку, уа, уа!»

— Да,— сказал он,— хорошо, у тебя деньги есть. В кино, небось, без билетов не пускают.

— «Деньги есть»! — передразнил Яшка.— А кто мне их дает, деньги-то? Своим разумом добываю. Вот есть у тебя разум?

Антон поежился, он что-то не знал, есть ли у него разум. Кажется, есть. Но тогда почему же он не добывает денег?

— Ну, есть или нет?

— Есть,— нерешительно сказал Антон.

— А догадка есть?

— Нету...— сдался Антон.

— Вот то-то, что нету. А денег кругом сколько хочешь.— Клеткин раздул широкие ноздри, и короткий нос его стал похож на маленький шалаш.

— Денег сколько хочешь, только бери.

Ребятишки жадными глазами глядели на Клеткина и не знали, верить ему или не верить.

— А где они? — простодушно спросил Антон.

— Где? У любого человека. Вот идет по улице человек, а у него обязательно в кармане деньги есть.

— Да! Полезешь, а он тебя за руку! — сказал кто-то из ребятишек.

— Конечно, за руку. И в милицию. А уж там тебе — все. Сеанс окончен! И правильно. Не лезь в чужой карман.

— А тогда как же? — растерялся Антон.

— Эх, догадки у вас ни у кого нет. Попросить надо: «Дяденька, дайте две копейки! Шел за хлебом, потерял, теперь не хватает, от мамки попадет!» Вот и все. Кто же две копейки пожалеет? Пожалуйста! Ты сейчас: «Спасибо, гражданин!» А как отошел, опять: «Тетенька, две копеечки... Не хватает!» — и еще тебе. Часу не пройдет, а денег у тебя уже на два сеанса. Понятно?

В этот вечер Зина заметила, что Антон, сидя за книжкой, часто задумывается о чем-то. Сидит, будто читает, а у самого глаза уперлись в скатерть и мысли где-то очень далеко.

— Ты спишь? — окликнула его тогда Зина и засмеялась: — Папа, смотри, наш Антон, наверно, стихи сочиняет, вон как задумался!

Но Антон в это время решал вопрос: попросить — так же плохо, как в карман залезть? Или это ничего?

Конечно, Антон никогда и не подумает залезть кому-нибудь в карман. Чтобы Антон стал жуликом? Да от одного этого слова мурашки бегут по спине. Антон никогда не взял бы чужих денег. Вот пришел бы он, например, в школу, а там на полу валяются деньги. Он их и то не взял бы. Просто поднял бы и отдал учительнице. Но попросить... А что плохого, если попросить? Ведь человек если не захочет, то и не даст. А если даст, значит, ему не жалко...

Мечты увлекали Антона. Зина делала уроки, готовилась к экзаменам. Отец что-то чертил, напряженно сдвинув брови,— он ведь тоже учился, хотел получить настоящее образование. Маленькая Катя, Изюмка — так ее прозвала мама,— тихо играла на диване, строила домики из спичечных коробок. А потерявший спокойствие Антон, забыв про книгу, звенел пригоршнями мифического серебра в карманах. Жизнь заманчиво и радостно раскрывалась перед ним, кинокартины одна за другой вспыхивали на экране. И разве только кино? А мороженое? Сливочное, клубничное с вафлями...

Если бы Зина повнимательней поглядела на него в тот вечер, она бы заметила, что Антон не дремлет над книгой и не сочиняет стихов, она бы поняла, что в душе ее младшего брата происходит что-то неладное, а если бы поняла, то сумела бы выспросить обо всем и вовремя предостерегла бы его. Но Зине тогда и в голову не приходило, что Антон может что-нибудь скрыть от нее!

ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ

Успех пришел не сразу. Антон начал с того, что робко остановил женщину с желтой хозяйственной сумкой, спешившую в магазин.

— Две копейки? — сурово переспросила она, остановившись на ступеньке магазина.— Это на что же тебе?

— На кино,— растерявшись, ответил Антон.

— Ишь ты, какой быстрый! — Черные глаза этой женщины так и жгли Антона.— А шлепка не хочешь? Давай-ка, веди меня к своей матери, я у нее спрошу, почему она тебе разрешает побираться! Ну-ка, веди, веди!

— У меня нету мамы! — испуганно крикнул Антон. И, видя, что женщина хочет взять его за рукав, бросился бежать.

После этого они с Яшкой Клеткиным сидели на старых досках за сараем, среди грязных предвесенних сугробов, и Яшка поучал его:

— А ты никогда к таким не подходи. Если с авоськой, то подальше. Эти на рынке из-за каждой копейки торгуются. Вот как моя мать: полдня простоит, если что на копейку дешевле. А ты хочешь, чтобы

она тебе две копейки дала! Эх, нет у тебя смекалки, чего нет, того нет!

Яшка почесал свою косматую, заросшую голову, сдвинув ушанку на ухо. Антон заметил, что руки у Яшки черные и что вообще неизвестно, когда он был в бане.

— А тебе не влетает от матери... что не умываешься? — осторожно спросил Антон.

— А ей-то какое дело? — удивился Яшка и растопырил короткие пальцы.— Грязные, да? Ну и что же? Мои руки! Не ее.

Антон легонько вздохнул: попробовал бы он так ответить Зине! Другой раз до смерти не хочется мыться, прямо тоска берет. Но Зина все равно заставит, а то еще и сама начнет щеткой тереть.

— А это потому, что ты волю над собой даешь,— объяснил ему Яшка,— вот они и делают с тобой, что хотят. Со мной, небось, никто ничего не сделает!

Смелый человек этот Яшка Клеткин, отважный. Не то что Антон, который каждого Зининого слова слушается.

— А ты подходи всегда к дядькам,— учил дальше Яшка Клеткин.— Если с работы идут, с завода, к ним не подходи. Эти строгие. А ты к тем, которые с портфелями. Они спешат всегда, а в карманах у них постоянно мелочь. Даст и не посчитает, лишь бы ты отстал от него. А ты тут же и отстанешь, целоваться не обязательно. Вот и все, сеанс окончен.

Яшка вытащил из кармана пачку папирос, с треском раскрыл ее, взял папиросу, закурил. Он сидел нога на ногу, плевался длинными плевками и пускал дым из широких ноздрей. Антон чувствовал себя ничтожеством.

— Хочешь? — Яшка протянул Антону папиросу.

Антон затянулся и тут же закашлялся до слез.

— Мал еще,— небрежно сказал Яшка.— Уа, уа!

Это «уа, уа» было нестерпимо. Подожди, Антон докажет, что никакой он не «уа».

Дня через два он пришел к Яшке, звеня монетами в кармане. Это уже не был звон, созданный мечтами. Это звенели настоящие медяки.

Забравшись за сарай, Антон и Клеткин пересчитали их. Клеткин забрал себе половину — за науку. Антону было не жалко, пусть берет. Тут осталось и ему на дневной сеанс.

В этот день Антон украдкой сбежал из школы и посмотрел «Подвиг разведчика». Вот это была картина!

Антон не сводил глаз с экрана, сердце у него замирало. Иногда Яшка напоминал ему, чтобы закрыл рот, но Антон только отмахивался.

За обедом он проговорился:

— Знаешь, Зин, а как шпион-то за ним ходил... Я чуть не умер!

— Какой шпион? — удивилась Зина.

— А ты разве не смотрела «Подвиг разведчика»?

— Я смотрела. Только тебя с нами тогда не было. Ты что, сегодня в кино ходил?

— Да.

— А кто тебе билет купил?

— Ну, мы всем классом ходили... Мы же... Анна Павловна покупала.

— Только на скатерть не плескай,— сказала Зина,— что ты так ложкой болтаешь?

Зина забеспокоилась, что Антон прольет суп, и не увидела, как он смутился, как мучительно покраснел.

Скверно было в этот час на душе у Антона. Обманул Зину, свою старшую сестру!

После обеда он помогал ей мыть посуду. Сам вызвался сходить за хлебом. Играл с Изюмкой, пока Зина готовила уроки. И все заговаривал с ней, ласкался... А Зина думала, что, может быть, Антон сегодня почему-нибудь вспомнил маму, затосковал, и старалась сама быть с ним поласковей.

«Никогда я больше не пойду к этому Яшке Клеткину,— покаянно думал Антон, лежа в постели,— не пойду — и все!»

Это он так думал сегодня. А назавтра он снова стоял у Клеткина во дворе.

— Ты уже настрелял что-нибудь? — спросил Клеткин.

— Нет еще,— ответил Антон.— И потом... я больше не буду. Вдруг наши узнают...

Клеткин презрительно сплюнул:

— Уа, уа. Сеанс окончен. А я хотел тебе одно дело сказать. Ну раз так, катись колбаской по Малой Спасской.

— А что? Какое дело? — заинтересовался Антон.

— Дело простое, как стеклышко. Ты варенье любишь?

— Какое?

— Ну, вишневое, например.

Антон улыбнулся, не понимая, к чему речь.

— Конечно, люблю.

— А поел бы сейчас вареньица?

— Конечно, поел бы. А где оно у тебя?

— Оно у меня пока что стоит вон в той квартире, за окном. Видишь?

Клеткин показывал на чье-то окно в первом этаже старого деревянного флигеля. Там, за стеклом на подоконнике, стояла литровая банка варенья, перевязанная голубой тесемкой. Антон недоумевающе посмотрел на Яшку.

— У тебя?.. Да разве это у тебя? Это же у чужих!

— Пока что у чужих. А вот если ты войдешь в квартиру и скажешь: «Можно мне, ну... Анну Ивановну?» — а тебе скажут: «Таких тут нету»,— ты опять: «А мне сказали, что она сюда переехала». Ну, и еще что-нибудь. Там старая такая тетка живет, заговори ей зубы, а потом скажи: «Ну, значит, я ошибся». Вот и все. И уходи. Целоваться не обязательно. Понял?

Антон кивнул головой.

— Понял.

— Сумеешь?

— Сумею. А для чего?

— Эх, нет у тебя смекалки! Никакой. Это игра такая. Ну, ступай. А потом приходи за сарай.

Антон все так и сделал, как велел ему Клеткин. Поговорил с доброй старой женщиной, которая открыла ему дверь. А потом отправился за сарай, радуясь, что так хорошо сумел разыграть ее. Яшка сидел на старых досках и открывал банку с темным вишневым вареньем. Голубая тесемка валялась на почерневшем, подтаявшем сугробе.

— Ой! — удивился Антон.— Откуда? Как?

— А так,— спокойно ответил Клеткин.— Садись и ешь. Разговаривать после будешь.

Они ели варенье прямо из банки через край. Темные, налитые сладостью вишни таяли на языке. Антону сначала казалось, что, если бы у них было хоть пять таких банок, он все варенье смог бы съесть один. Он старался повыше запрокинуть банку, чтобы как можно больше попало в рот этой тягучей, густой вишневой сладости. Варенье текло по подбородку, попадало за воротник; длинные медленные капли падали на рубашку, на распахнутое пальто. В банке оставалось чуть поменьше половины, когда Яшка вдруг оттолкнул варенье.

— Ешь сам. Не хочу больше.

Но и Антон, к своему удивлению, больше не хотел: чересчур сладко, приторно до отвращения.

Антон и Клеткин пересчитали деньги. Половину Клеткин взял себе — за науку.

Ни одной этой набухшей сладостью ягоды он больше не мог взять в рот.

— Ешь, чего ты,— сказал Яшка,— сам же хотел варенья!

— Отнеси лучше домой,— попросил Антон.

То, что полчаса назад казалось ему необыкновенной, похожей на чудо удачей, сейчас было невыносимо тягостным и противным.

— Ешь, ешь,— настаивал Клеткин,— куда это мне домой нести? Думаешь, мать за ворованное похвалит?

Ворованное!

Антон вдруг прозрел. Пока он разговаривал со старой женщиной, Яшка вытащил банку в форточку. У Антона что-то задрожало внутри. Он встал и начал мыть жестким остекленевшим снегом липкие руки, оттирать пальто. Брошенная тесемка от банки пронзительно голубела на сугробе.

— Ты что это? — насторожился Клеткин и понедоброму прищурил и без того узкие глаза.— Может, пойдешь расскажешь? Предателем хочешь быть?

Предателем? Антон всегда знал, что предатели — это самый подлый народ на земле, что предателей все презирают, что лучше умереть, чем стать предателем...

— Никакой я не предатель,— сказал Антон расстроенно,— только я не хочу... ворованное.

— А, когда наелся, теперь «не хочу»? Ну и не надо. Но смотри,— добавил Яшка с угрозой,— если кому доведешь, то ведь и я доведу. Воровали вместе и ели вместе. Мне-то мой отец ничего не скажет, а вот твой-то отец с тобой поговорит.

У Антона по спине пробежал озноб.

— А я и не скажу... Чего ты еще! Буду я говорить, что ли? Я и не собираюсь даже...

— Пока ты не соберешься, до тех пор и я не соберусь,— сказал Яшка, снова принимаясь за варенье,— а если ты соберешься, пощады не жди. Все. Сеанс окончен, целоваться не обязательно.

Антон ушел от Клеткина с внутренней дрожью. Несчастный, презирающий себя, он пришел домой и сразу стал укладываться спать.

— Ты что это? — удивилась Зина.— Еще и восьми нет!

Антон молча снимал рубашку. Зина, приглядевшись к нему, испугалась.

— Да ты болен, Антон! Сейчас я тебе чаю с малиновым вареньем дам.

— Не хочу я варенья, не хочу! — вдруг зарыдал Антон и зарылся головой в подушку.

— Ну, так и есть, заболел! — Зина принялась укрывать Антона поверх одеяла теплой шалью.— Ой, скорей бы папа приходил! Надо доктора...

— Да не заболел я, не заболел! — с рыданиями повторял Антон.— Не надо мне доктора, не заболел, я!

У отца сразу осунулось лицо, когда он увидел Антона в постели. Смерили температуру, оказался легкий жар. Отец заставил Антона проглотить таблетку и все подходил к нему, все прикладывал руку к его вспотевшему лбу, заглядывая ему в глаза темными встревоженными глазами.

— Ты что ж это, брат? Смотри у меня. Никто тебе разрешения не давал болеть-то!

У Антона от этих ласк и забот еще безысходней томилась душа. Он снова и снова начинал плакать из-за того, что отец и Зина его так любят, а он их обманывает; из-за того, что он теперь вор и если отец узнает, то выгонит его из дома. А если и не узнает, то все равно Антону — вору и обманщику — невозможно будет жить на свете.

Изюмка, увидев, что Антон плачет, тоже заревела.

— Ну, полно, что вы, я ведь тут, с вами...— отец начал и не договорил, сел рядом с Антоном у его постели. Он чувствовал, что если скажет еще чтонибудь, то и у самого сорвется голос, и тогда он совсем расстроит своих детей, которые так рано остались у него без матери.

Антон взглянул на него, на его усталое, осунувшееся лицо... Может, взять сейчас да и рассказать обо всем отцу? Вот тогда и болезнь сразу пройдет и все станет ясно, как жить дальше. Антон приподнялся было... Но решимость тут же оставила его. Он глубоко вздохнул и закрыл глаза. Нет, он не может сказать отцу такие страшные слова, что его Антон — вор и обманщик... Ему было тошно, вишневое варенье душило его тягучей сладостью. А из глаз все не уходила — куда бы ни глядел — тесемка от банки, пронзительно голубеющая на темном дырчатом снегу.

Антон глубоко вздохнул и закрыл глаза. Нет, он ничего не скажет отцу! Но уж теперь-то он больше никогда не пойдет к Клеткину. Никогда!

ИЗМЕНА

Клеткин был противен Зине. И потому, что он ходил вечно немытым, с оторванными пуговицами. И потому, что он нахально смеялся над пионерами и над всеми их делами, считая все их заботы детскими забавами, «уа, уа». И больше всего потому, что он уводил у нее Антона, что он делал их кроткого, простодушного Антона похожим на себя,

со своими плевками, со своим презрением ко всем хорошим ребячьим делам.

Теперь, когда Изюмка уехала и занятия в школе окончились, Зина решила как следует заботиться о своем младшем брате.

— Больше не отпущу от себя Антошку!

И утром, прибрав комнату, она весело сказала:

— Антон, знаешь что: не поехать ли нам с тобой на Выставку?

Антон едва поверил своим ушам:

— На Выставку? И меня возьмешь?

— Конечно.

Он глядел на Зину прежними, открытыми, широкими глазами, в которых так и лучилась огромная ребячья радость.

— А кто еще поедет?

— Я и ты.

Антон со счастливым визгом запрыгал на одной ноге.

Зина почувствовала угрызения совести: как же мало занимается она Антошкой, как мало думает о его радостях! Правда, некогда ей: то уроки, то хозяйство, то пионерские поручения... Но нет, нет, это не оправдание. У них нет матери, а она старшая сестра!

Зина с нежностью посмотрела на Антона. Дурачок! В третий класс перешел, скоро в пионеры будут принимать, а он еще вон какой дурачок! Зина засмеялась, поймала Антона и шутя отшлепала его.

— Расти, Фома, прибавляй ума!

— Прибавлю, прибавлю! — смеясь, закричал Антон.

И, заглядывая сестре в глаза, спросил:

— Зина, а можно нам и Петушка взять?

— Петушка? Ну, что ж. Если мама пустит, возьмем и его.

Антон побежал звать Петушка. Зина оделась, натянула на голову свой старенький съежившийся голубой берет и подошла к зеркалу. Зеркало, висевшее в простенке, было словно кусочек зеленоватой неподвижной воды, ни одного луча солнца не добиралось к нему. И, словно из воды, проглянул оттуда милый облик белокурой девочки с серьезными светло-серыми глазами, с нежно очерченными темными ресницами. Эти неожиданно черные ресницы на безбровом светлоглазом лице придавали ей какую-то особую трогательную прелесть. Но Зина не видела этой прелести, она не нравилась себе: вся белесая, как опенок какой. Если бы ей хоть чуточку быть похожей на Тамару Белокурову! Для Тамары природа красок не пожалела: яркие каштановые кудри, яркие синие глаза, черные бровки дугой, словно выведенные кисточкой. Родятся же на свет такие красивые люди!

Зина со вздохом отошла от зеркала. Ну, где они там, эти малявки?

Сильно хлопнула в прихожей дверь. Антон и Петушок бурно ворвались в комнату.

— Пустила! — кричали они в два голоса.— Мама пустила! Только не велела убегать от Зины!

Вслед за ними неслышно вошла Фатьма.

— Это что здесь такое? Новгородское вече, что ли, крик на всю улицу!

Узнав, что они собрались на Выставку, Фатьма разочарованно подняла брови.

— Ну вот. А я ведь за тобой, Зина!

Зина сунула в карман ключи от квартиры и, проверяя, не забыла ли взять с собой деньги, рассеянно спросила:

— А что? Куда?

— К Тамаре. К двум часам. Какой-то пир затеяла, вот и зовет теперь нас всех. Антонина Андроновна говорит, пусть к тебе все твои подружки соберутся, надо же попрощаться на лето.

Антон и Петушок сразу притихли. Они со страхом глядели на Зину, ожидая, что сейчас все может рухнуть, и в то же время не веря этому. Не может быть, чтобы Зина допустила такую несправедливость, ведь она же им обещала!

Зина медленно, словно еще не сознавая, что делает, стащила с головы свой голубой берет.

— А кого еще она позвала?

— Симу Агатову позвала, Андрюшку! Кажется, Васю Горшкова.

— Горшкова-то надо бы. Он ей всю зиму по математике помогал.

— Еще Гришку Брянцева.

— Ну, уж Брянцева-то обязательно, она его из-за одного галстука позовет! Он же теперь при галстуке ходит!

Зину уже начинал увлекать разговор, в ее глазах заиграли огоньки.

— Потом какая-то еще ее подруга будет, маминой знакомой дочка,— скороговоркой продолжала Фатьма,— потом какой-то знакомый этой подруги... Ну, в общем, весело будет!

Антон легонько потянул Зину за рукав. Зина оглянулась на него, вся уже отсутствующая, вся уже устремленная туда, в это необычайное событие — пир у подруги!

Круглое лицо Антона было красноречивым: на лбу собрались горькие складки, губы сложились сковородником, в широких голубых глазах забегали слезы.

— А как же мне с ребятами?..— нерешительно сказала Зина.

Но Фатьма не отступала.

— Ну, а что ребята? Сегодня поиграют на пионерском дворе. А завтра съездите на Выставку. Вот и все. Правда, ребятишки?

— Нет. Не правда,— глухим голосом ответил Антон.

Зина села на диван и притянула к себе Антона.

— Антон,— сказала она, глядя ему в глаза,— видишь, какое дело-то? Выставка и завтра будет на том же месте, а этого бала завтра уже не будет. И подумай-ка, все мои подруги соберутся, все мои товарищи. А меня не будет с ними.

Петушок, насупившись, молча направился к двери. Антон вздохнул и опустил голову. Он ничего не мог противопоставить красноречию Фатьмы и Зины, кроме своей горести.

— Ведь ты же не эгоист, Антон, правда? — продолжала Зина, хотя сердце ее сжималось. Она знала, как трудно отказаться от радости, в которую человек до конца поверил. Она никогда не нарушала своих обещаний. Но сегодня... А может, все-таки поехать на Выставку?

— Артемий тоже придет,— как бы между прочим сказала Фатьма, разглядывая какую-то книжку на Зинином столике,— Тамара его звала...

При этих словах чаши весов вздрогнули и переместились. Чаша, на которой лежали радости Антона, взлетела кверху.

— Ну скажи, Антон, ведь ты же не эгоист? — продолжала Зина.— Ты же можешь потерпеть до завтра, а?

Антон, ни слова не говоря, начал снимать новую курточку, которую Зина только что надела на него. Зина изо всех сил крепилась, чтобы не махнуть рукой на весь этот бал.

Атмосферу трагедии разбил легкий смех Фатьмы.

— Ну чего вы оба нахохлились? Чудак ты какой,

Зина медленно, словно еще не сознавая, что делает, стащила с головы берет.

Антон! Привык ходить за Зиной, как хвостик все равно. А уже большой!

— Нет, что ты! — стараясь задобрить Антона, возразила Зина.— Он у нас, знаешь, какой самостоятельный. За хлебом один ходит. И еще куда-то по своим делам ходит, даже я не знаю! Ну, не тужи, Антон, завтра мы обязательно поедем с тобой на Выставку. Ладно?

— Ладно,— коротко, со вздохом согласился Антон.

— А сейчас ты пойдешь на пионерский двор. Ладно? Возьми конфетку, ступай.

Проводив Антона, Зина вернулась в комнату с расстроенным лицом.

— Ну, что ты, Зина,— ласково упрекнула ее Фатьма.— Ну, какая беда случилась? Нельзя же все только для ребят,— для себя тоже что-нибудь нужно. Ты в каком платье пойдешь?

Это был самый верный ход, чтобы переключить направление мыслей.

Зина достала из шкафа белое в голубой горошек платье и голубую ленту в косу.

— Как думаешь, ничего? У меня ведь нет другого.

— Что ты! — восхитилась Фатьма.— Очень хорошо! Оно тебе так идет, прямо Белоснежка!

— Уж скажешь!

— А я в этом.— Фатьма расправила подол своего полосатенького платья.— Коротко стало, я подпушку выпустила. Не заметно?

— Ничуть!

Радость предстоящего праздника захватила Зину. Где-то в душе еще поднывало: обидела она Антона! Но тысячи оправданий заглушали это неприятное чувство. Ведь надо же и ей когда-нибудь попраздновать, ведь это ее пятнадцатая весна! Слишком тесно набиты ее дни всякими заботами и делами, а повеселиться и порадоваться так хочется!

Зине казалось, что ноги ее совсем не касаются тротуара. Они шли с Фатьмой, взявшись за руки, будто маленькие, и смеялись из-за каждого пустяка. У Фатьмы расстегнулась резинка от чулка — расхохотались до слез. Зина, заглядевшись, попала в канавку с водой — чуть не умерли со смеху. Весеннее солнце щедро светило им, воробьи кричали им «здравствуйте», окна домов приветливо глядели на них, старые деревья кивали им свежими ветками, полными трепетных солнечных огней.

«Это наши девочки,— словно говорила старая улица,— я помню их еще первоклашками. Они вместе бегали в школу. Я помню, как дружно топали по асфальту их маленькие ноги. Правда, случилось однажды, что эти девочки перестали верить друг другу, перестали ходить вместе. Но это была ошибка, ошибка! А теперь они уже выросли, на груди у них комсомольские значки».

ПИР У ТАМАРЫ БЕЛОКУРОВОЙ

Тамара Белокурова ждала гостей.

Ее мать Антонина Андроновна, нарядная, как павлин, ходила из комнаты в комнату, оглядывая свои владения,— все ли стоит на местах, стерта ли пыль с полированных столов и шкафов, красиво ли разложены пестрые подушки на диванах.

Новая домработница, Анна Борисовна, пожилая, толстая и ворчливая, была не так расторопна, как Ирина. А Ирина ушла. Поступила, видите ли, в техникум. Переехала в общежитие.

С чувством тревоги мать заглянула к Тамаре. Ну так и есть: постель еще не убрана, всюду валяются чулки: на стульях, на диване, даже на письменном столе. Да разве Ирина допустила бы это?

— Анна Борисовна! — с рокотом отдаленного грома в голосе позвала Антонина Андроновна.— Пожалуйте-ка сюда!

Анна Борисовна степенно вошла, вытирая фартуком мокрые от горячей воды руки. Лицо ее, круглое, поблекшее, хранило выражение собственного достоинства, а светлые, выцветшие глаза смотрели спокойно и сурово.

— Анна Борисовна, это что же за безобразие такое, а? — Антонина Андроновна дала волю своему гневу и мощному голосу.— Скоро придут гости, а здесь... Это что же?!

— Непорядок,— согласилась Анна Борисовна,— только, думаю, девушка сама должна за собой постель убирать. Мои дочери, бывало, с шести лет за собой убирали.

— Ваши дочери! — Антонина Андроновна пожала толстыми плечами.— Но если ваши дочери такое отличное воспитание получили, то как же они позволяют вам по чужим кухням ходить? Хорошие дочери этого не допустили бы!

По лицу Анны Борисовны прошла тень, две горькие морщины появились у рта.

— Да, плохие у меня дочери,— слегка понурив голову, негромко сказала Анна Борисовна.— Одна в партизанском отряде погибла... Другая вместе со своей санчастью под Сталинградом могилу нашла...

Антонина Андроновна смутилась.

— А что я по чужим кухням хожу,— продолжала Анна Борисовна, принимаясь застилать Тамарину постель,— так надо же работать-то где-нибудь. Не сказать, что нуждаюсь,— я за своих дочек пенсию получаю. Да ведь не без дела же сидеть! Не урод я, не калека еще. Работа — какая бы ни была — все работа. А человек без работы — это, как сорняк в поле. Кому он нужен, такой человек?

Анна Борисовна ловко заправила постель и заспешила в кухню: у нее там что-то жарилось.

— Скажите! — проворчала Антонина Андроновна.— Сорняк в поле! Это что же, не про меня ли? А разве я ничего не делаю? За хозяйством смотрю, дочь воспитываю. Целая квартира на моих руках. Да еще работница. И все одна управляюсь, без мужа...

Воспоминание о муже совсем погасило праздничное настроение Антонины Андроновны. Она машинально взяла со стола тоненький скомканный Тамарин чулок и опустилась на стул. Вот уже третий год, как инженер Белокуров по призыву партии уехал в МТС. И с тех пор — ни встречи, ни звука его голоса — ничего... Только денежные переводы и на переводах коротенькие сообщения о том, что он здоров, что все благополучно, и просьба к Тамаре, чтобы писала почаще. И ни разу он не позвал к себе Антонину Андроновну, и ни разу ни полслова о том, что скоро вернется. Ведь два года отработано, срок закончился. Но этот человек словно и забыл, что у него есть родной дом, что у него есть семья...

Впрочем, пусть поступает, как знает. Антонина Андроновна ему не скажет ни слова, у нее есть гордость. Рано или поздно приедет. Вот тогда-то она и отыграется! «Ты обо мне совсем не заботишься!»... «А ты обо мне заботился, когда оставил одну?» «Куда же вы собрались с Тамарой, мне же одиноко одному!» «А мне не было одиноко, когда ты жил там, в своем совхозе?» Уж она найдет, как расплатиться с ним и за его пренебрежительное молчание, и за то, что не звал ее к себе, не тосковал о ней, и за то, что не находил времени побывать дома,— то у него посевная, то у него уборка, то у него хлебосдача... Все для него важно, все нужно, все интересно, кроме жены. А жена для него, словно собака,— сторожит квартиру, и ладно.

Постукивая каблучками лакированных туфель, в комнату вошла Тамара. Антонина Андроновна тотчас овладела собой.

— Убери комнату. Что это все разбросано у тебя?

— Но я уже оделась! — Тамара развела руками.— Почему ты мне раньше не сказала?

Тамара была похожа не то на бабочку, не то на розовый цветок. Яркие каштановые волосы, коротко подстриженные и завитые, кудрявой шапочкой лежали на голове. Шелковые розовые оборки топорщились над голыми руками.

— Ведь я же вся сомнусь!

— А ты не знала, что за собой убирать нужно? У Анны Борисовны дочери с шести лет убирали.

Тамара улыбнулась.

— Но ведь у Анны Борисовны работницы не было? И вообще, мама,— продолжала Тамара, убирая чулки в ящик письменного стола,— мне кажется, что нам с работницами не везет. Ирина такая дерзкая была, она меня так мучила!

— Мучила? — Антонина Андроновна встрепенулась, как наседка, завидевшая коршуна.— Как это мучила? А почему ты мне не говорила?

Ирина, молодая задорная девушка, бывало, дразнила Тамару за двойки, но об этом не стоит говорить. Ирина презрительно обходилась с ней, когда заставала Тамару подслушивающей у дверей,— об этом тоже не стоит. Ирина стыдила ее за неряшливость,— пожалуй, и это тоже...

— Да что вспоминать! — Тамара тряхнула кудрями, словно отгоняя ненужные мысли.— Я тогда маленькая была, сейчас-то она не посмела бы. Но вот эта... Мне кажется... Мне кажется, что она тебя, мама, просто не уважает!

Антонина Андроновна нахмурилась. Она и сама чувствовала, что Анна Борисовна только служит ей, но совсем не уважает ее.

— Все понятно,— сказала она, невольно вздохнув.— Был бы отец дома, так все бы меня уважали. А вот как осталась женщина одна, так всякий норовит обидеть.

Антонина Андроновна горестно подперлась рукой. Этот бабий жест, пришедший из старой крестьянской семьи, знавшей и нужду, и недород, и тяжкую заботу о завтрашнем дне, жест, унаследованный от матери, бабок и прабабок, покоробил Тамару.

— Мама, ты сейчас запоешь «Раз полосыньку я жала»...

Антонина Андроновна встала и гордо выпрямилась, словно напрочь отрекаясь от своих извечно работавших на земле предков.

— Я не знаю, что думает твой отец,— сказала она с раздражением.— Когда кончится это его самомучительство?

Тамара повернула к себе карточку отца, стоявшую на ее столе. Худое лицо, запавшие черные глаза, иронические складки губ... Таким он уезжал: чужой, замкнувшийся, отгородившийся от них с матерью своими, только ему известными делами и заботами. Возникло видение: весна, дымящийся сырой асфальт перрона, пронзительные до боли гудки электричек. На площадке поезда дальнего следования стоит отец. Поезд уже трогается, а отец все повторяет Тамаре:

— Так приедешь? Договорились?

И Тамара сквозь слезы улыбается ему.

— Приеду, обязательно приеду!

Но вот два года прошло, а Тамара так и не собралась к отцу. Мать, уязвленная тем, что отец зовет только Тамару, будто ее, его жены, и нет здесь, ни разу не напомнила Тамаре о ее обещании.

Что делать, так сложилась жизнь. Они ездили с мамой выбирать дачу, а потом они переезжали туда. И на другое лето то же. На даче собрался веселый круг знакомых, танцы, игры, прогулки, лодка на Москве-реке... И так все дальше и дальше отходила в прошлое эта площадка вагона, и облик отца, и его зовущий голос.

На даче Тамара подружилась с дочкой Лидии Константиновны — Олечкой. Маме очень нравилось это знакомство. У этой семьи была своя дача, своя машина. Что ни говори, а очень удобно иметь таких друзей. Лидия Константиновна помогла снять дачу Антонине Андроновне. Она охотно подвозила и ее и Тамару из города на своей машине. Антонина Андроновна садилась в машину с затаенным негодо-

ванием на мужа. Если бы он был нормальным человеком, разве у нее не было бы своей машины? Почему она должна пользоваться чьим-то одолжением?

Тамара втайне завидовала Олечке, но это не омрачало ее настроения. Ей нравилось быть нарядной среди нарядных, ей нравилось ничего не делать среди ничего не делающих, ей нравилось мчаться в машине (пускай в чужой!) мимо колхозных полей, где работали обожженные солнцем люди. Ей нравилось мечтать, лежа в гамаке, среди яблоневой прохлады. Радость трепетала в каждой ее жилке, когда на соседней даче собирались гости и Олечка приходила звать ее...

Там, среди Олечкиных друзей, Тамара увидела и отличила одного. Высокий, стройный, с черным изломом бровей, с насмешливо-добрым взглядом. Таким, только таким, как Ян Рагозин, был Гамлет, Принц Датский. Вот увидят его сегодня девчонки и все до одной умрут от зависти!

Тамара отодвинула портрет отца, ее глаза уже не видели его. Она вскочила, встряхнула свои оборки.

— Мама, а как ты думаешь, можно мне твои серьги надеть?

— Потеряешь. Они же дорогие!

— Ну, мамочка, что ты! Ну я примерю, ладно?

Тамара сбегала к матери в комнату и явилась оттуда в бирюзовых серьгах.

— Что, скажи, некрасиво, да? Ну скажи, может, снять?

— Оставь, пусть будут.— Антонина Андроновна не могла скрыть своего любования дочерью.— Ты ведь все равно на своем поставишь!

Сбор гостей был назначен на два часа. А в половине третьего квартира уже гудела от говора и смеха.

Пришла тихая Зина Стрешнева. Вместе с ней, смущаясь и краснея, явилась чернобровая Фатьма, неизменная Зинина подружка.

Пришел Вася Горшков, их одноклассник, первый ученик по математике. Он столько раз помогал Тамаре по геометрии, что ей совестно было не позвать его. Долговязый, в потертых, с пузырями на коленках штанах, с вихром на голове, которого он так и не смог ни примочить, ни пригладить, Вася вошел и сразу застеснялся. Он не ожидал, что попадет в такую богатую квартиру; он не смел наступить на ковер, разостланный в прихожей... Вася попятился было к двери. Однако товарищ его Гришка Брянцев, который везде чувствовал себя как дома, схватил Васю за рукав.

— Хозяйка! — закричал он.— Гость удирает!

Тамара подбежала к ним.

— Ничего подобного, никто не удерет! Проходите в комнаты, ребята!

Раздался новый звонок — вошла Сима Агатова, с ней — неуклюжий увалень Андрей Бурмистров. Тамара сделала перед ними шутливый реверанс, придерживая кончиками пальцев свои розовые оборки.

Тамара и Сима тайно и давно не любили друг друга. Но Сима — комсорг, нельзя не позвать...

— Что это ты, прямо как на сцене,— улыбнулась Сима, стараясь изо всех сил быть доброжелательной,— реверансы, серьги... Это что, для игры?

— Почему для игры? — также изо всей силы стремясь казаться веселой и простодушной, засмеялась Тамара.— Моя бабушка в пятнадцать лет замуж вышла. А мне уж и серьги нельзя надеть?

И все бы сошло хорошо, если бы Тамара удержалась и не добавила:

— Я же не в школе и не на комсомольском собрании!

— Ах, вот как! — тотчас подхватила Сима, все так же улыбаясь, но уже с недобрыми огоньками в глазах.— Значит, у тебя два лица: одно для комсомольского собрания, другое для дома?

Тамара изобразила чрезвычайно почтительное сожаление:

— Это что, выговор по комсомольской линии? Но я еще не подавала заявления о приеме!

Тамара, шурша оборками, перевернулась на одной ноге, Сима прошла в комнату. Они обе поняли, что сделали ошибку: Тамара ошиблась, что позвала Симу, а Сима ошиблась, что пришла.

Андрей, добродушный и неуклюжий, как медвежонок, ничего не заметил. Он видел, что встретились две веселые, задорные подружки и, любя, немножко пощипали друг друга.

— А шарады ставить будем? — сразу спросил он.— Я уже придумал одну!

Тамара ввела гостей в столовую, велела садиться. Разговаривая с ними, она всем существом своим слушала, когда же раздастся тот звонок, которого она так ждала...

И звонок раздался. Тамара бросилась в прихожую.

— Олечка! Лидия Константиновна!

И тут же с упавшим сердцем проронила нечаянно:

— А где же?..

Олечка поняла:

— Приехал, приехал. Он зашел в кондитерскую.

Тамара порозовела от счастья. Приехал!

— Мама, мама! — закричала она.— Лидия Константиновна приехала!

Антонина Андроновна тотчас явилась из своей спальни, в которой укрывалась от Тамариных гостей.

— Наконец-то! — пропела она.— Как я рада! А то ведь у нас так: народу полно, а встретить некого!

Лидия Константиновна, рыхлая подкрашенная блондинка, протянула сверкающую кольцами руку:

— Очень рада повидаться с вами, дорогая. Но не будем мешать детям.

Помогая Олечке раздеться, Тамара украдкой быстро рассмотрела ее наряд. Ну, совсем простое платье. Только почему оно держится таким пузырем? Ах, да оно же капроновое! Ну, конечно, разве Тамарина мать позаботится о том, чтобы и Тамара была модно одета! Сшила ей какое-то шелковое. А зачем ей шелковое, когда все носят капрон или тафту!

Олечка, худенькая, хрупкая, с короткими взлохмаченными волосами, бегло оглядела себя в зеркало. Ее большие неподвижные глаза под красивыми, высоко поднятыми бровями не выражали ничего. На первый взгляд даже и не понять было — живой это человек, с мыслями, с чувствами и с бьющимся сердцем, или искусно сделанная красивая кукла, которая говорит, движется, ходит только потому, что внутри ее работает какой-то хитроумный механизм.

— Уж ты не больна ли, девочка? — спросила простоватая Антонина Андроновна. И тут же изобразила тревогу на своем румяном лице.

Олечка молча повела на нее ничего не выражающими глазами.

— Я вполне здорова.

— Она у нас, как водяная лилия, не правда ли? — негромко, но так, что Олечка все-таки слышала, сказала Лидия Константиновна.— Однако давайте уйдем, дорогая, не будем им мешать.

(Продолжение в следующем номере.)

СЛУЧАЙ В ПЕСКАХ

Д. БИЛЕНКИН

Фото И. Гричера.

Над барханами, над бескрайней выжженной землей пустыни летали... чайки.

— Мираж, — решил я, не веря своим глазам. — Какие могут быть чайки в Каракумах?.. Даже заброшенного колодца не видно.

Шофер улыбнулся.

— Чайки настоящие, — сказал он. — Не удивляйтесь, просто мы подъезжаем к каналу.

«Газик» поднялся на рыжий гребень бархана, и перед нами засверкал на солнце канал. Через несколько минут мы въехали в поселок. На откосах арыков торчали сухие сучья саксаула и зеленели какие-то маленькие деревца.

— А это и впрямь чудо, — заметил шофер. — Воткнули неотесанные палки — через три дня на них уже листья.

На пятьсот сорок километров протянулась новая река — от Аму-Дарьи до Теджена. Это две первые очереди Каракумского канала. Сейчас прокладывают третью — еще триста шестьдесят километров. 1 мая 1962 года гигантская искусственная река подойдет к Ашхабаду, а потом двинется дальше, до самого Каспия. Горы тонкого хлопка, душистых румяных плодов принесет с собой новая река на пустынные, дышащие зноем земли!..

Мы смотрели, как бульдозеры роют третью очередь канала. Машины ходят взад-вперед по указанному маршруту, углубляя будущее дно. Когда выемка готова, разрывают дамбу, отделяющую новый участок от действующего канала, и пускают воду.

На первый взгляд просто. А вот попробуй посиди за рулем в сорокаградусную жару хотя бы час! Повоюй с песком, который то и дело забивается в механизмы! Крепкие силы и большое мужество нужны, чтобы в Каракумах работать так же спокойно и просто, как на стройке какого-нибудь подмосковного шоссе. И, конечно, о людях, которые в этих трудных условиях выполняют по три-четыре нормы в день, я должен был написать. Но таких людей здесь, на передовом рубеже семилетки, было очень много. И я попросил начальника стройучастка Богатырева припомнить какой-нибудь «особенный» случай.

Богатырев, человек с умным, волевым лицом, сидел у себя в конторе. Тяжелые его кулаки отдыхали на столе, заваленном чертежами.

С минуту он думал.

— Особенных случаев у нас нет, — наконец сказал он. — А вот, если хотите, случай обыкновенный. Поезжайте к Лущаю и Черникову, пусть они вам про «утопленника» расскажут. Лущай — коммунист, он с Черниковым на одном бульдозере работает, напарники... Только уговор, — кулак Богатырева поднялся и громыхнул по столу, — про подвиг или там геройство не пишите. У нас на такие вещи смотрят просто.

Ивана Лущая и Ивана Черникова я застал на окраине Хаусхана — молодого поселка строителей. Они сидели возле ржавого, с выбитыми стеклами бульдозера. Это и был «утопленник», о котором говорил Богатырев.

Утонул бульдозер зимней ночью, несколько месяцев тому назад, когда искусственная река неожиданно взбунтовалась, прорвала дамбу и устремилась в пески. Все строители прибежали укрощать воду. Много часов шла упорная борьба. И наконец люди победили. Только недосчитались они одного бульдозера. Он очутился на дне канала.

Вытаскивали его целый месяц. Сорок тракторов напрягали все свои лошадиные силы — и напрасно: машина увязла слишком глубоко. Махнули рукой строители. Где не бывает потерь?

И вот то, чего не могли сделать сорок тракторов, осилили Лущай и Черников. Собственно говоря, происшествие с бульдозером ни того, ни другого никак не касалось. Утопили машину не они, и вытаскивать их никто не просил. Но друзья меньше всего заботились о личных интересах...

Видели вы, как иной рабочий сгружает с машины кирпич? Шварк один, шварк другой, половина разбивается. Такой рабочий бьет не кирпич. Он уничтожает труд своих же товарищей, тех, кто делал кирпичи. Зато «своего» он не упустит. Нашелся такой и на Каракумском канале. Не поленился нырнуть в трехметровую глубину и снять с бульдозера стекла. Стекла он потом продал.

С каким презрением говорили мне о нем Лущай и Черников! Сами они, вытаскивая машину, ничего не хотели для себя, а рисковали многим. План у них был простой и остроумный. С берега они натаскивали своим бульдозером песок и... засыпали «утопленника». Затем лопатой разгребали грязь и снова засыпали. И так восемь раз. Дно в том месте, где увязла затопленная машина, постепенно твердело, очищалось от ила. Бульдозер Лущая и Черникова не раз оказывался на краю гибели. Утопи они его, пришлось бы оплачивать стоимость доверенной им машины: ведь работали они по доброй воле, а не по приказу начальника.

Иван Черников и Иван Лущай сидели возле ржавого бульдозера.

Откапывали «утопленника» Лущай и Черников три дня и три ночи. Трудились под холодным весенним проливным дождем, почти не отдыхая: грязь снова могла засосать машину и тогда все усилия пошли бы насмарку.

Когда с помощью пусковых двигателей бульдозер вытянули на берег, друзей пришлось отправить в больницу: оба сильно простудились.

И вот сейчас, глядя на их порыжевший внушительный трофей, я спрашиваю бульдозеристов:

— Ну, а премию вы за это получили?

— Была когда-то объявлена. Да мы, признаться, о ней позабыли. Без премии обошлись.

И оба засмеялись.

Какая же причина заставила этих людей рисковать, мерзнуть, копаться в грязи, «лезть не в свои дела»? Чувство ответственности. Да, ответственности за все, что происходит вокруг. Нет у нас в стране «своих» и «чужих» дел, а есть отношение к делу. И оно у Ивана Лущая и Ивана Черникова правильное — по-настоящему хозяйское, коммунистическое.

Юрий КАЧАЕВ

Рисунки Ф. Лемкуля.

«ВОЛШЕБНИК ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА»

(РАССКАЗ)

Она приехала в наше село с матерью.

Мы стояли на улице и смотрели, как они снимают с машины узлы.

— Ну и бомба! — сказал Колька-Центнер о матери.

Мать была старая, желтолицая женщина с отечными руками и ногами. Таская узлы, она задыхалась и поминутно садилась отдыхать.

— Городские,— сказал я и дернул Кольку за рукав.— Пошли. Я замерз.

На другой день мы узнали, что девчонка будет учиться в нашем классе. Она пришла в школу, закутанная до самых глаз в материнский платок. Постукивая ногой об ногу, она скинула пальтишко и сказала:

— Здравствуйте. Меня зовут Галя.

— Здорово! — ответил за всех Колька-Центнер и усмехнулся.— Разделась. Небось, жарко? А мы тут в пальтах учимся.

Мы сидели у печки, дожидаясь, когда придет Вера Васильевна. В печке гудело веселое рыжее пламя. Пока оно гудит и на противоположной стене качаются светлые блики, в нашем классе тепло и уютно. Потом все станет серым, и на партах замерзнут чернила. Когда непроливашку согреешь в ладонях, чернила становятся бесцветными и почти не пишут.

— Ну чего стала? Подходи! — позвал Галку кто-то из девчонок.

Она подошла и, улыбаясь, протянула к огню руки. Колька-Центнер полез в карман и неторопливо, как взрослый мужик, свернул цигарку.

— Постой у двери,— сказал он Галке.— Увидишь Васильевну — скажешь.

Галка послушно отошла к двери. Потом появилась Вера Васильевна, и мы уселись за парты. Оглядев нас, Вера Васильевна спросила:

— А где Леднев?

Колька-Центнер, наш староста, глядя в пол, сказал:

— Шурка не придет. У него убили отца. Вчера пришла похоронная.

Вера Васильевна опустилась на стул и стала протирать очки. Пальцы у нее прыгали. Мы долго молчали. Наконец Вера Васильевна сказала:

— Макаров, раздай тетради.

Колька-Центнер подошел к столу и взял стопку тетрадей. Тетради были самодельные. Мы сшивали их в классе из старых газет. Шуркина тетрадь осталась лежать на столе. Еще недавно мы завидовали Шурке, потому что он писал в конторской книге. Листы в ней были белые и чистые и пахли клеем. Книга досталась Шурке от отца. Отец у него работал бухгалтером в нашем колхозе...

Потом мы писали диктант:

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?

Колька сидел весь красный, кусал губы и почему-то не списывал у меня. Я заглянул к нему в тетрадь и увидел одну-единственную фразу. Она была написана большими и колючими, как боярышник, буквами через всю страницу:

«Если бы мне попался Гитлер, я бы зажарил ево живьем».

После уроков мы пошли домой втроем: Галка, Колька-Центнер и я. Было холодно, мела поземка. На заборах, нахохлившись, сидели голодные воробьи.

Галка запахивала на груди пальтишко и отворачивала от ветра лицо.

— Эх ты! — сказал ей Колька.— А я вот могу босиком пробежать.

Я удивился. Раньше Колька никогда не бегал босиком по февральскому снегу.

— Держи-ка.— Колька передал мне свою сумку, сбросил валенки и, сунув их под мышку, пробежал до следующего телефонного столба.

— Видала? — сияя, спросил он, когда мы подошли.

— Видела,— сказала Галка.— А ты глупый.

Колька обиделся и всю дорогу молчал. Возле его дома мы на минуту остановились.

— Ты на улицу выйдешь? — спросил меня Колька.

— Нет. Сегодня Витькина очередь.

Витька был мой брат, и у нас на двоих были одни валенки. Витьке шел пятый год. Не знаю, что бы мы делали, если бы он ходил в школу.

— Ну пока,— сказал Колька.— Я к тебе забегу. Арифметику списать.

Мы с Галкой жили на одной улице.

— Хочешь, зайдем к нам? — сказала она.— У меня книжки есть. Только в комнате холодно. Дров еще не привезли.

— Тогда лучше к нам.

Захватив книжки, мы пришли домой.

— Это Галка,— сказал я маме.

Мама кивнула.

— Я знаю. Вы из Ленинграда приехали.

— Ага,— сказала Галка.— У нас там дедушка от голода помер. В блокаду.

— Да, в Сибири-то, слава богу, полегче,— сказала мама.— Я вам сейчас картошки сварю.

С печки слез Витька и подошел к нам.

— Расскажи сказку,— сказал он Галке.— А то Сережка ленивый, а я сказки люблю.

Галка задумалась, а потом стала рассказывать историю о девочке, которая попала в Изумрудный город. Там было все зеленое: зеленые дома, зеленое небо и реки...

— И кошки и курицы? — подсказал Витька.

— И кошки и куры...

— Ух ты! — изумился Витька.— Так не бывает!

У девочки Элли было четверо друзей: Трусливый Лев, Страшила, Железный Дровосек и пес Тотошка. Они долго путешествовали, пока не попали в Изумрудный город. Правителем города был Великий Волшебник, который оказался вовсе не волшебником. Да и город-то был самый обыкновенный. Просто жителям его под страхом смертной казни запрещалось снимать очки. Очки из зеленого стекла.

Витька был разочарован концом сказки и потребовал у меня валенки. Мама одела его, и он ушел.

Скоро явился Колька-Центнер. Мама поставила на стол чугунок картошки, и мы принялись за еду. Я старался не смотреть на Галку. Она глотала картофелины, почти не прожевывая. Картошка была горячая, Галка морщилась от боли, и глаза ее горели болезненным, жадным блеском. Она подбирала и вороватo совала в рот даже кожуру, которую мы с Колькой бросали на клочок газеты.

Мама сидела в углу, опустив голову, и плечи ее вздрагивали. Наконец она не выдержала и быстро ушла в горницу. Мне казалось, что ничего не заметил один Колька. Но я ошибся. Колька похлопал себя по животу и сыто, вприщур поглядел на Галку.

— Ну и жрешь же ты! — сказал он добродушно.— Легче похоронить...

Галка подняла на него огромные прозрачные глаза. Глаза были такие, как будто ее изо всей силы ударили по лицу. Она встала, взяла пальтишко и долго не могла попасть в рукава. Едва передвигая ноги в больших растоптанных валенках, она вышла на улицу.

С тех пор мы с Колькой не разговаривали. Я пересел на другую парту,

к Шурке Ледневу. Вера Васильевна пыталась узнать, почему мы раздружились, но мы ей ничего не сказали.

У Кольки из армии вернулся отец. Колька ходил в новых трофейных ботинках, и на груди у него при каждом движении звенели отцовы медали.

Меня и Галку Колька не замечал. А может быть, делал вид, будто не замечает, потому что однажды на моей парте появилась надпись, сделанная ножом:

«Серега + Галка = любовь до гроба».

На перемене я подошел к Кольке-Центнеру.

— Это ты написал?

— Ну и что? — Он выставил вперед ногу в трофейном ботинке.

— Ничего. Сегодня мы будем драться.

— Ой, боюсь! Ой, не надо меня бить! — дурашливо захныкал Колька.

После уроков мы и наши мальчишки пришли на школьный огород.

— Ну, — сказал Колька-Центнер, — начинай. Плевать я на тебя хотел. — И с неожиданной злобой добавил: — А у Галки у твоей глаза, как у коровы. Ведь правда, ребята?

Мальчишки молчали.

— Жени-их,— продолжал Колька, сплевывая в сугроб.— Хлебцем с ней делишься. А она все равно тощая. Глиста глистой.

Я ударил его в зубы. Колька сел на снег и посмотрел на меня узкими побелевшими глазами. Потом он встал, и мы сцепились. Колька был намного сильнее. Я без конца падал и поднимался, вытирая рукавом разбитое лицо. К нам подошел Шурка Леднев.

— Ты гад! — сказал он Центнеру.— Толстый гад. Бей теперь меня.

Шурка был маленький и щуплый. Ребята не дали им драться, и Колька ушел.

* * *

А потом была весна. Над сопками кружила черемуховая метель, и воздух был стеклянно-синий.

По непросохшим улицам строем ходили новобранцы — десятиклассники из нашей школы. Они маршировали с деревянными винтовками и пели звонкими мальчишескими голосами:

Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка...

У ворот стояли их матери и, по-старушечьи поджав губы, глядели им вслед.

Шел последний год войны.

* * *

В конце мая нам роздали табели на серой, с заусенцами бумаге.

По дороге домой мы с Галкой рассматривали отметки. Вдруг она остановилась.

— Сережа, а ведь Колька сегодня уезжает.

Я молчал.

— Он совсем уезжает,— сказала Галка.— С отцом на прииски. Он сегодня прощался с ребятами.

Мы подошли к дому Галки.

— Подожди,— сказала она,— я сейчас.

Она вернулась с книгой в руках.

— Пойди попрощайся с ним. А это передай ему. Может, он станет добрее.

Она протянула мне книгу. Книга называлась «Волшебник Изумрудного города».

ВЗРОСЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Юрий ЯКОВЛЕВ

**Наверно, очень здорово
Быть взрослым человеком:
Гулять, когда захочется,
Под ливнем и под снегом.**

**Когда тебе не хочется,
Не надевать галош,
Поскольку ясно каждому:
В галошах пропадешь.**

**Наверно, очень здорово
Носить густую бороду,
И суп не есть решительно,
Наверно, тоже здорово!**

**Купаться за день в озере
Хотя бы сорок раз
И в дружбе жить с мороженым,
Ангины не боясь.**

**Наверно, очень здорово
Ни разу днем не спать,
Ведь взрослым не командуют:
«А ну-ка, марш в кровать!»**

**И нету дела взрослому
До холода, до сырости,
До шарфа и до насморка.
И вот мечтал я вырасти!**

**Пусть долго годы тянутся,
Дождался — стал я рослым,
Уже мне паспорт выдали,
Как всем обычно взрослым.**

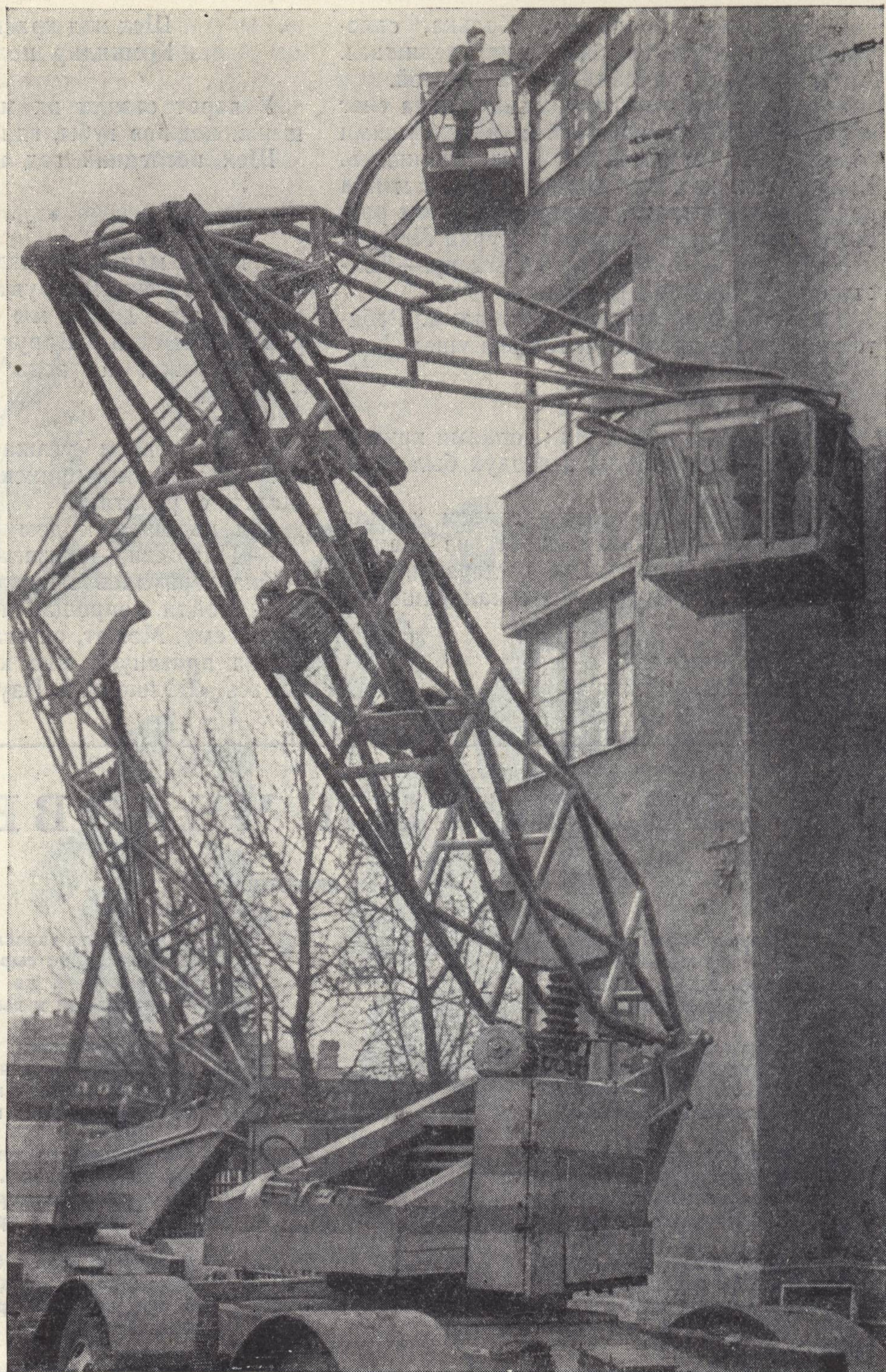
**Могу ходить по лужам я,
Да что-то не хожу.
Со сливочным мороженым,
Представьте, не дружу.**

**Я сплю по воле собственной
Часок после обеда,
И суп, поверьте, нравится
Мне больше, чем конфеты.**

**Купаюсь я умеренно,
Не балуюсь со снегом.
И все же очень здорово
Быть взрослым человеком!**

Стальной «Дядя Стёпа»

Кто был в Ленинграде этой зимой, тот, наверное, немножко огорчился, когда гулял по знаменитому Невскому проспекту. Весь Невский был в строительных лесах. Это штукатурили и красили дома. Но, оказывается, можно обойтись и без лесов. Вот какую машину построили ленинградцы. На четырнадцать метров поднимает стальной «дядя Степа» рабочих в таких люльках. Шарнирная вышка очень удобна. Она сокращает время ремонта зданий в три-четыре раза. Сейчас ленинградцы строят вышку, которая будет подниматься еще на четыре метра выше — до шестого этажа.

Красные галстуки НА ПОСТУ

...Висит в пионерской комнате карта, огромная, во всю стену. На ней — схема школьного микрорайона, тех улиц, дворов и переулков, которые примыкают к школе. Разноцветными значками помечены магазины, кинотеатры, клубы, больницы, библиотеки и детские сады.

Это боевая карта дружины, карта зоны пионерского действия.

Без пограничных столбов и часовых, очерченная невидимой границей. дымит фабричными трубами, смотрит глазами бесчисленных окон, шумит, живет зона пионерского действия.

Каждый день подходят к карте ребята из пионерской разведки и оставляют на ней новые значки: снова где-то в зоне срочно нужна пионерская помощь.

В перемену у карты толпятся пионеры дружины:

— Куда сегодня пойдет наше звено? А что поручат отряду?

Карта живет. На ней все время появляются и исчезают цветные флажки, и каждый флажок — это новое хорошее пионерское дело. Рейд зеленого патруля, дежурство на избирательном участке, открытие пионерского кинотеатра, помощь библиотеке, спектакль для малышей... Пионеры нашли свое место в жизни города, сумели стать надежными помощниками старших.

Рассказ о замечательных делах пионеров Костромской области — о зонах пионерского действия — мы начали в третьем номере нашего журнала. Сегодня мы продолжаем его.

Разведка действует

Двое мальчишек с пионерскими галстуками прикрепили к стене углового дома сооружение, напоминающее почтовый ящик, прибили табличку и ушли.

Первой увидела ящик бабуся из соседнего двора, строго оглядела его сквозь очки и ушла, одобрительно пожевав губами.

Слесарь дядя Володя не просто прочитал табличку. Он прибил к сооружению крышку, чтобы не заливало дождем, и заодно опустил в ящик сложенный вчетверо листок бумаги.

...К вечеру пионеры Нерехтской школы № 1 достали из своего «Ящика предложений пионерскому штабу» солидную корреспонденцию.

«Надо бы починить калитку в ограде сквера,— писал дядя Володя.— Кто не умеет слесарить, приходите. Научу».

Совет пенсионеров сообщал о том, что нескольким старым рабочим нужна тимуровская помощь.

Кто-то из ребят жаловался, что в соседнем дворе большие мальчишки обижают малышей.

Расположенной в зоне библиотеке нужно было помочь разнести пригласительные билеты на читательскую конференцию.

По всем адресам совет дружины немедленно разослал звенья и отряды.

В дом, где горит алая звезда штаба зоны, со всех сторон стекаются вести. Приносит их и пионерская разведка.

Каждый день по улицам и дворам своей зоны шагают пионерские патрули. Деловито осматривают они квартал за кварталом и замечают все: и брошенный окурок, и мальчишку, неправильно перешедшего улицу, и тех, кто пытается купить без очереди билет в кино. Замечают и по-хозяйски наводят порядок.

У малышей свои трудности. Например, надеть рейтузы. Если нет рядом мамы, помогут заботливые пионерские руки.

В районе Молочной горы большое уличное движение, а малыши зимой выдумали там кататься на санках. Долго ли до беды!

За помощью к пионерам обратились работники детской комнаты милиции.

В тот же день на Молочную гору пришли ребята в пионерских галстуках. Они не только увели с улицы разыгравшихся малышей, но и сделали для них во дворе ледяные горки: катайтесь на здоровье! Кажется, порядок наведен, но осторожность не мешает, и с тех пор Молочная гора — постоянный объект дежурства пионерских патрулей дружины 15-й средней школы.

Каждое деревце — на пионерском учете

Деревья подстригают. Тонкие тополиные прутья один за другим сыплются вниз... Двое мужчин в ватниках последний раз приставили стремянку к молоденькому тополю, быстро сделали ему весеннюю прическу и ушли. Вышла из калитки старушка с санками и самые толстые сучья увезла к себе в сарай. Прошел мимо мальчишка, подобрал тонкий прут, раза три хлестнул со свистом воздух, бросил и пошел дальше. А прутья остались лежать на снегу — никому не нужный хлам, засоряющий улицы.

...Совет дружины проходил бурно.

— Это что же получается? — горячились пионеры.— У нас на улице валяются почти что готовые саженцы! А их — ногами!..

Еще раз подстригали деревья. По весенним, чуть подсохшим улицам шел к себе домой председатель городского Совета и остановился, увидев пионеров, которые дружно таскали куда-то аккуратные вязанки тополиных прутьев.

— Молодцы, ребята,— одобрил он.— Хорошо, что помогаете убирать мусор.

— Какой же это мусор? — возмущенно ответили ему.— Это же посадочный материал!

Долго говорил председатель с пионерами, и в плане благоустройства города было записано, что осенью начнут поступать саженцы тополей из пионерского питомника; а в дружине школы № 1 был объявлен конкурс:

«Пионер! Подумай, что можно сделать в зоне, чтобы наш город стал еще краше».

Пионеры взяли на учет каждое деревце, каждый газон, каждую клумбу в зонах действия своих дружин. Ежедневно выходят в дозор зеленые патрули. Идут они по городским улицам, заглядывают в парки и скверы. Ничто не укроется от их внимательных глаз: ни сломанная ветка, ни смятая трава, ни бельевая веревка, привязанная к тоненькому саженцу.

Тяжелогруженый «МАЗ» с новеньким буй-

Ни грязные глыбы талого снега на тротуаре, ни старый хлам где-нибудь на задворках не ускользнут от пионерских глаз! Идет уборка улицы.

«Вам письмо!» Юная помощница почтальона протягивает конверт.

волом на радиаторе, рыча, пятится в ворота новостройки и пробует развернуться. Резкий поворот баранки, еще один, сочный хруст — и задетый кузовом маленький, тоненький клен медленно касается кроной пыльного асфальта. Прохожие обходят неожиданное препятствие, сожалеют и спешат по своим делам.

— Что же это такое? — возмущается старичок с авоськой.— Человек на улице упадет — к нему «Скорую помощь» вызывают. А оно ведь тоже живое!

Но «скорая помощь» все-таки появилась. Она примчалась сама, не дожидаясь вызова,— трое ребят в пионерских галстуках бережно подняли пораненное дерево, тут же со стройки принесли доску и осторожно закрепили в лубки сломанный ствол.

...Зимой рано просыпается город, занесенный ночными метелями, схваченный острым утренним морозцем. Проходит еще несколько часов, и от дома к дому вместо узеньких, едва заметных тропок пролегли аккуратно расчищенные дорожки; чьи-то заботливые руки посыпали песком тротуары, скололи лед у колонок.

Пионеры удовлетворенно переглядываются: в зоне порядок. Этот порядок не должно нарушать ничто: ни снежная глыба, свисающая с чьей-то крыши над головами прохожих, ни ведро с мусором, опрокинутое кем-то почти на середине двора. Пионеры обходят дворы, разговаривают с жильцами, убеждают, доказывают...

Три тысячи улыбок

Пионерская разведка донесла совету дружины, что почтовое отделение, расположенное в зоне, завалено корреспонденцией и нуждается в помощи.

Не прошло и часа, как уже побежали по улицам зоны быстрые ребячьи ноги и обветренные кулаки забарабанили в двери квартир. Еле переводя дыхание от быстрого бега и перебивая друг друга, ребята спешили сообщить жильцам: «Вам письмо! Вам телеграмма!»

И бегут дальше, спешат вовремя — в канун праздника — вручить каждое письмо и каждую телеграмму. Приятно доставить людям радость, приятно, когда тебя встречают улыбкой.

А потом пионеры рапортуют совету дружины: на участке отряда доставлено в предпраздничные дни три тысячи телеграмм.

Теперь это вошло в обычай. У подъездов домов, на перекрестках, в переулках пионеры поджидают почтальонов и быстро помогают разнести по квартирам и домам письма и газеты.

И кто знает, может быть, когда-нибудь в недалеком будущем отпадет надобность в профессии почтальонов, станет она общественной.

Может быть, и поручат ее именно пионерской организации. Разве пионерия не справилась бы с таким делом? Совсем немного потребуется времени, чтобы разнести всю корреспонденцию в своем микрорайоне. И пойдут по пионерской цепочке письма и газеты, журналы и телеграммы.

Воскресенье в зоне

В воскресенье Андрюша дома. С раннего утра просится гулять, уже выпачкал новенький костюм и с ревом отказывается пить молоко.

— Что за наказание! — жалуется мать, забежавшая на минуту к соседке.— Кому выходной, а мне с этим озорником ни минуты покоя.

— А мой концерт смотрит,— сообщает соседка.— Пионеры увели. Поди, и к вам зайдут.

И они действительно приходят — две девочки в аккуратно выглаженных красных галстуках.

— Отпустите его с нами! — уговаривают они недоверчивую мать.— Мы ему Петрушку покажем и домой проводим обязательно, не сомневайтесь.

— Хочу Петрушку! — Андрей снова разражается ревом.

— А у нас капризных не любят! — строго заявляют ему.

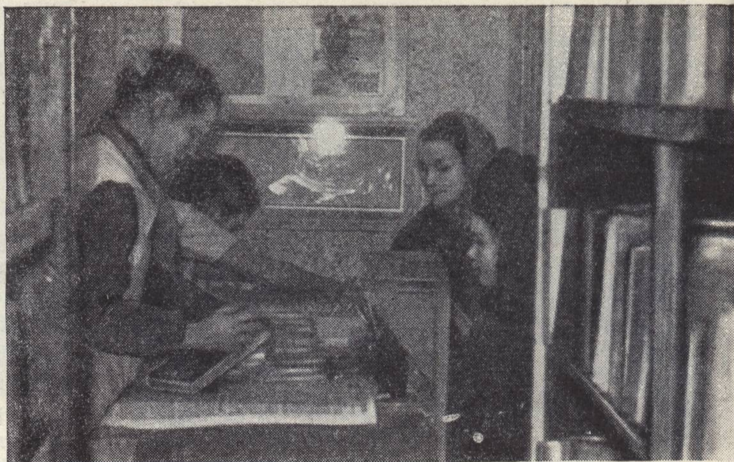
— У нас им сказок не рассказывают. Ты ведь хочешь сказку?

— Про козлика?

— Про козлика. Значит, так... Жил-был у бабушки серенький козлик... Нина, подними ты ему воротник: еще простудится!

Андрюшу приводят домой через несколько часов и вручают отдохнувшей и уже немного соскучившейся маме. Из его сбивчивых рассказов ясно одно: там было очень много ребят, все играли, пели, и, главное, было очень весело!

И пионеры приходят снова, приходят каждое воскресенье. Отпуская с ними Андрюшу, мама так же спокойна, как бывает спокойна, проводив сына до ворот детского сада.

Вести самостоятельную выдачу книг — дело ответственное. Но детская библиотека в зоне, поэтому пионеры и тут на высоте.

Каждое воскресенье пионеры дружины Шарьинской школы № 3 открывают в своей зоне воскресный пионерский детский сад. Они играют с малышами, показывают дошкольникам концерты художественной самодеятельности, спектакли кукольного театра. Сказки, давно известные наизусть всем октябрятам дружины,— здесь для малышей новинка.

В пионерской комнате работает «больница» для игрушек. Солидные доктора в красных галстуках «лечат» безногих кукол, мишек с оторванными лапами, расколотых пополам деревянных матрешек.

Все пригодилось для работы в зоне, обрело свой смысл, свою цель: и мастерство кукольников, и навыки юных техников, и веселое искусство пионерских затейников.

— Не знаем, как и благодарить пионеров! — говорят мамы и бабушки.— Сами-то велики ли, а какое дело подняли. Молодцы!

Человеку нужно помочь

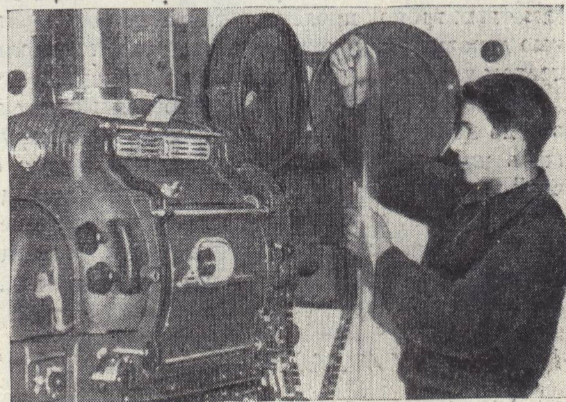
Девочка совсем недавно была тяжело больна. Лекарства, грелки, нестерпимая боль, заплаканные мамины глаза... Теперь все это позади, остались лишь тяжелые последствия болезни.

— Больше воздуха, света,— говорят доктора,— остерегайся сырости. Много гуляй — и все будет в порядке.

Девочка возвращается с прогулки домой на третий этаж. Ступенька... еще ступенька... Она останавливается передохнуть, поднимает голову, чтобы сосчитать оставшиеся ступеньки. Навстречу бегом спускаются двое мальчишек. Надо посторониться, чтобы пропустить их.

Но они не пробежали мимо.

Сверчком стрекочет аппарат, ровным ручейком течет кинолента, а в зале на светлом экране оживает сказка. Юра Богатков — умелый механик пионерского кинотеатра «Дружба».

— Хочешь, мы позовем твою маму? — сказал один.

— Давай мы тебя отнесем,— предложил другой.

Она печально покачала головой и стала подниматься — шаг за шагом, ступенька за ступенькой.

А мальчишки, выйдя на улицу, чуть не поссорились.

— Надо было ей помочь! — говорил один.

— Что, ты ее каждый день отводить будешь? — отвечал второй.— Я ее знаю. Она из начальной школы.

— И каждый! А ты что предлагаешь?

— Не знаю,— хмуро ответил ему товарищ.— Лифт, что ли, построили бы... Или вот что — переехать ей надо. Я знаю: у них крыша течет. Они моей маме рассказывали.

Так поговорили бы эти ребята во дворе у крыльца и разошлись и, пожалуй, не скоро вспомнили бы об этой встрече, если бы не красные галстуки у них на груди.

Совет дружины Шарьинской школы № 3 собрался по тревоге.

— Вы понимаете, в нашей зоне! — горячо рассказывали ребята.— Мы должны помочь!

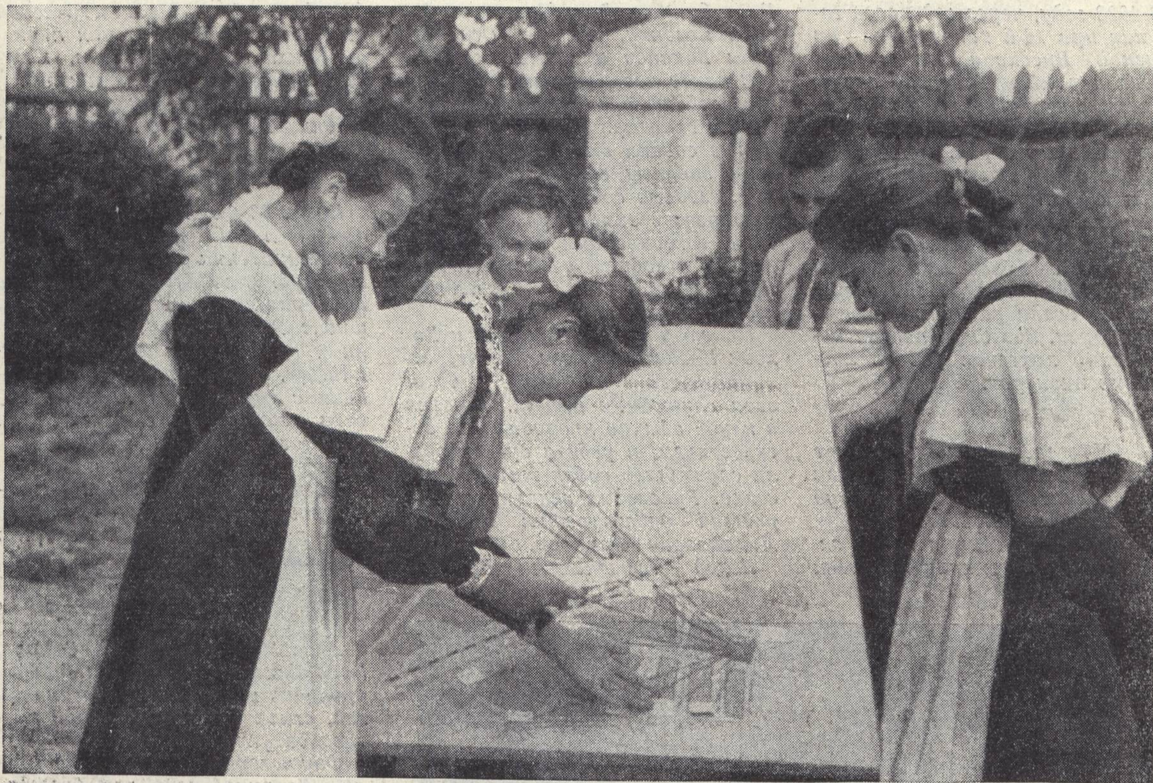
Совет дружины решил: в это дело надо вмешаться, надо помочь девочке. Пусть вместе со всеми ходит в походы, танцует, играет с малышами, пусть, наконец, улыбнется ее грустная мама.

Управляющий трестом, где работали родители девочки, принял пионерскую делегацию, добродушно улыбаясь: детские лица приятно радовали глаз после деловых встреч и разговоров. Но это тоже был деловой разговор. Управляющий слушал ребят, и скоро выражение тревоги и озабоченности сменило добродушную улыбку.

Пионеры разговаривали с коммунистом и получили помощь. В резолюции говорилось: «Предоставить квартиру на первом этаже вступающего в эксплуатацию дома»,— и начиналась она словами: «По ходатайству пионерской дружины...»

Это случилось в городе Шарье, Костромской области, в зоне пионерского действия дружины школы № 3. А там, где действует дружина, не должна оставаться незамеченной даже самая маленькая возможность помочь человеку. Ведь это зона действия!

С. Миценгендлер

На оперативной карте зоны пионерского действия каждый день появляются новые флажки — новые задания отрядам и звеньям.

Почти у каждой дружины в плане двухлетки записано: «Создать пионерскую летопись».

В редакцию «Пионера» поступают фотографии, альбомы, рукописи по истории пионерской организации.

Сегодня мы публикуем отрывки из летописи, составленной пионерами дружины школы № 2 подмосковной станции Ховрино. Интересно создавалась эта летопись. Девяносто ребят собирали материал для нее. Одновременно в дружине проходил конкурс на лучший очерк. Пять победителей этого конкурса получили право писать летопись. Это Юрий Крылов, Валентина Ларина, Татьяна Артемьева, Виктор Гордиенко, Александр Неонов. Ребята хорошо поработали. Строго отобраны самые интересные факты, ясно и просто изложены. Руководил созданием летописи учитель-пенсионер Вениамин Александрович Колоколов.

10.000 пионеров из одного отряда

В 1923 году, через год после того, как при 16-й типографии на Красной Пресне в Москве был создан первый пионерский отряд, в Ховрине при строившемся тогда вагонном депо тоже организовался пионерский отряд.

Когда было построено здание клуба станции Ховрино, строители его получили благодарность за работу, а пионеры первого в Ховрине отряда — благодарность за то, что они ликвидировали неграмотность среди рабочих — строителей клуба. Это была первая общественно полезная работа ховринских пионеров.

* * *

В 1937 году неподалеку от Ховрина был создан поселок Ново-Ховрино. Там открылся клуб служебного собаководства.

В юношеской секции клуба занимались пионеры нашей школы: Коля Спирин, Лева Марголин, Володя Поздняк, Римма Осадчук, Витя Боканов и многие другие.

В клубе воспитывались служебные собаки для Красной Армии: собаки санитарной службы, сторожевые собаки для несения службы в военных секретах, караульные, ездовые собаки для перевозки грузов в зимних условиях, собаки, готовившиеся для подрыва танков, и собаки, разыскивающие мины. Были у ребят и служебные собаки-ищейки.

Только у Риммы Осадчук и Володи Поздняка из всех ребят, занимавшихся в клубе, были свои служебные собаки. Занятия в клубе обычно проходили по воскресеньям, и ребята дрессировали служебных собак жителей поселка. Руководил занятиями старейший дрессировщик Николай Михайлович Фрумсон.

Перед праздниками Великой Октябрьской социалистической революции и Первого мая пионеры брали своих питомцев, надевали защитные куртки и шлемы-буденовки и шли охранять общественный порядок в поселке.

* * *

Когда 22 июня 1941 года по радио было объявлено о вероломном нападении фашистов на нашу страну, собаки, воспитанные пионерами, были посланы на фронт. Ребята говорили, что видели у собак слезы при расставании. Да, слезы,— потому что и собаки с горя умеют плакать. Ребята тоже плакали, отсылая на фронт своих питомцев...

Шел первый год войны.

На полях боев погибли питомцы ребят: пятьсот служебных псов, подготовленных для защиты Родины.

* * *

Лева Марголин, Коля Спирин, Витя Боканов и другие пионеры, проводив своих четвероногих друзей, стали бойцами местной противовоздушной обороны.

Фашистские самолеты бомбили Ховрино: ведь это большая узловая станция под Москвой. Днем, боясь шквального заградительного огня, они не особенно дерзали нападать на Ховрино, зато каждую ночь сбрасывали на деревянные дома поселка до полутора тысяч зажигательных бомб...

Весь 1941/42 учебный год ребята много работали на оборонных и хозяйственных работах. Осенью 1941 года рыли противотанковые рвы на станции Подрезково Крюковского направления, помогали убирать урожай колхозам и сов-

Володя Поздняк со своими воспитанниками — служебными собаками Альтой (слева) и Рексом (справа).

хозам, находившимся близко к прифронтовой полосе.

Не раз мальчики стояли на двадцатиметровой вышке под осколками, падавшими на землю, чтобы вовремя предупредить дежурных о пожаре, возникшем от налетов вражеской авиации.

В школе у ребят появились противогазы. Их носили вместе с книгами. И мальчики и девочки стали на солдатский лад подпоясываться поясами. На уроках военного дела и физкультуры классы делили не на отряды и звенья, а на взводы и отделения.

За отличную оборонную работу школа была награждена Красным знаменем. Это знамя хранится в комнате пионерской славы дружины.

Люся Токарева, Луиза Козловская, Геля Пушкина, Женя Мироненко, Оксана Обухова, Нина Соломатина вместе с передовиками Ховринского железнодорожного узла были награждены правительством медалями «За оборону Москвы».

В годы войны и мальчики и девочки стали на солдатский лад подпоясываться ремнями.

Учитель-комсомолец нашей школы Николай Михайлович Мышляев. Он погиб в годы Великой Отечественной войны.

* * *

Первыми из школы ушли на фронт братья Кавторины, за ними в летное училище ушел Коля Спирин, а потом многие-многие другие...

На одном из фронтов сражался пионер нашей школы, танкист Коля Елагин. Однажды замаскировался Коля в ложбине со своим танком неподалеку от нашего штаба дивизии. Фашистские танки прорвались и стали обходить штаб. Когда танк стал подниматься на пригорок, Коля с первого выстрела сбил его и поджег.

Второй танк стал подниматься на пригорок, и второй танк с первого выстрела подбил Коля. Третий танк загорелся тоже с первого выстрела. Пять танков остались на месте гореть свечками. Фашисты дрогнули и отступили.

Командир дивизии вызвал к себе Колю и представил его к высокой награде — званию Героя Советского Союза. Николай Дмитриевич Елагин прославил себя, своих родителей, нашу школу, дружину, членом которой он состоял.

В тылу врагов сражалась партизанка, бывшая пионерка нашей школы Зина Сергушова. Пока мы ничего не знаем о боевом пути Зины, известно только, что она погибла при выполнении задания.

* * *

Жительница Ново-Ховрина, истопница Московской областной физиотерапевтической больницы, Екатерина Ивановна Павлова, вспоминает:

— Живу я в Ново-Ховрине, на Первомайской улице. В те дни в моем доме стоял штаб Сибирской дивизии. В ночь с 17 на 18 декабря 1941 года на западе, в стороне фронта, полыхало зарево от артиллерийской стрельбы. К утру приутих бой. Я была депутатом Ново-Ховринского поселкового Совета. Пошли мы, депутаты, в поселковый Совет, а нам говорят, что в Грачевку привезли раненых, надо пойти помочь. Пришли в Грачевку, оказалось, что надо хоронить тех, которые по дороге в медсанбат умерли.

Теперь на братской могиле поставлен памятник погибшим бойцам, в сооружении которого приняли участие все пионерские дружины станции Ховрино.

Пионер нашей дружины Коля Волков пал в бою за свободу и независимость Родины.

Этот памятник стал святыней наших пионерских дружин, и мы уверены, что на просторах нашей страны другие пионеры чтят и охраняют могилы Левы Марголина, Коли Волкова, братьев Кавториных, Володи Евреинова, учителя-комсомольца нашей школы Николая Михайловича Мышляева, учителя географии Юрия Андреевича Андриевского.

* * *

В первом пионерском отряде, организованном на станции Ховрино в 1923 году, было несколько десятков пионеров, а сейчас их, прямых наследников пионерской славы первого железнодорожного отряда, только в железнодорожных школах около десяти тысяч.

«Настроение у всех приподнятое»

Редакция получила по почте толстый пакет. В нем оказались школьная тетрадка и большая пачка фотографий.

На пакете адрес: Красноярский край, Зыковская средняя школа, 6-й «Б». Из письма мы узнали, что шестеро ребят из 6-го «Б» совершили многодневный поход на плоту по реке Мане, притоку Енисея.

Нам очень понравились снимки ребят и их рассказ о походе.

Познакомьтесь и вы с некоторыми приключениями отважной шестерки и их веселого, верного друга пса Музгарки.

1. Вот она, красавица Мана. Откуда у нас прыть, сила взялась! Сразу все сбросили вещевые мешки. И усталость как рукой сняло. Пошли искать место, где можно сделать плот. Скоро нашли рабочих из леспромхоза, скатывающих в реку деревья.

Отобрали несколько сухих бревен. Связали их проволокой из распущенного троса, сбили скобами. Работа шла весело! Сделали весло, укрепили его на плоту. Сфотографировали рабочих и поплыли. И радостно и страшновато...

2. Настроение у всех приподнятое. Вода большая в реке, несет быстро. Берега залиты водой. Кругом горы, тайга. Плыть приходилось осторожно. Ведь по реке шел лесосплав. Часто встречались опасные заломы — нагроможденные друг на друга деревья. Мы все на своих местах. Зорко смотрим вперед, чтобы не налететь на подводный камень или не стукнуться о скалистый берег.

3. Еще издалека мы услышали крик воронов и стрижей, а потом из-за поворота увидели высокие крутые скалы. Мы встрепенулись. «Посмотрите, скалы-то какие! Вот бы взобраться!» — закричал Валера Гекк.

Подъем оказался очень крутым и опасным. Скалы были в стадии разрушения.

Если первый из нас нечаянно сбивал камень, то мимо последнего он пролетал со страшной силой.

Вниз уже было смотреть страшно, а до стрижей еще далеко. Раздавались голоса, чтобы вернуться. Но первый взбирался все выше и выше, все настойчивее звал остальных за собой. Наконец доподнимались!

Долго потом пришлось искать спуск. И когда спустились до сравнительно безопасного места, сели на щебенку и вместе с ней, полузасыпанные, катились до берега.

4. Решили остановиться переночевать. Из одеял смастерили палатку. Запылал костер. Появилась рыба, ведро над костром. К костру подошел проходивший мимо рабочий. Посыпались вопросы. Мы узнали, что только вчера здесь видели медведя.

Тайга начиналась сразу за палаткой. Установили дежурства. Зарядили ружье. Большинство ребят — заядлые охотники. Когда подходила очередь, спокойно брали ружье и охраняли спящих товарищей. Первая ночевка в тайге прошла благополучно.

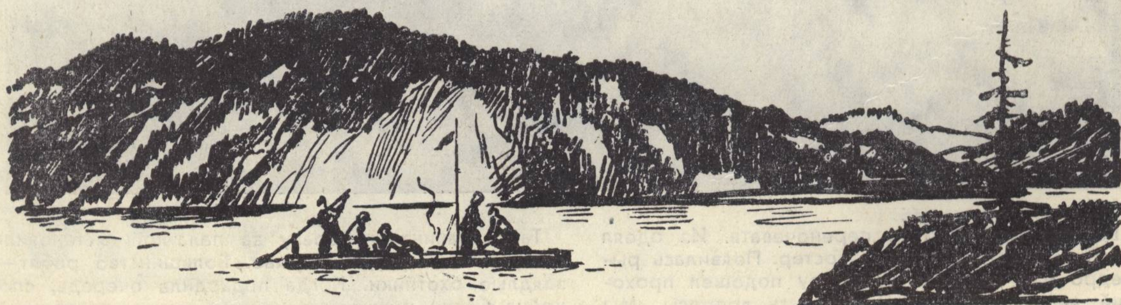

5. Никто из ребят не мог припомнить, чтобы когда-нибудь приходилось есть такую вкусную рыбу. С лучком да с маслицем шесть сковородочек с такой охотой убрали! Первую, правда, даже распробовать не успели, а последнюю еле осилили. Вот на этом снимке вся наша «команда» (слева направо): Швецов Николай, Кузьмин Александр, Казачинский Александр, Дубовский Владимир, Гекк Валерий. А шестого не видно — это наш фотограф. Не видно и Музгарки: уж очень он любил носиться по тайге.

6. Пришло время прощаться с плотом. Продуктов осталось уже немного, да и денег не больше. Кое-кто уже поговаривал о доме. За плечами не один десяток километров по тайге, несколько дней на плоту, ночевки в лесных избушках. И смеху было много, а синяков и шишек еще больше.

Вечером мы простились с плотом — и домой.

Человек с голубым лицом

Виктор **ДРАГУНСКИЙ**

Рисунки Н. Борисовой.

Мы сидели возле дяди-Володиной дачи на бревнах, и папа обстругивал большущую ореховую палку для моего лука, а я в это время наващивал веревку для тетивы.

Все было тихо и спокойно, только в переулке тарахтела дорожная машина. У нее вместо колес было два тяжелых катка: она делала в нашем поселке асфальтовую дорогу. Сиденье на этой машине помещалось очень высоко, и когда она проехала мимо нас, над нашим забором проплыла голова дорожного рабочего. Лицо у него было все голубое, потому что у него очень сильно росла борода и он ее брил каждый день. Рядом с этим голубым проплыло лицо румяной девушки, его помощницы, с красивыми черными глазами и длинными ресницами.

Я знал, что эти рабочие поехали обедать на свою базу в Сосенки, потому что работать они начали еще ночью, когда все еще спали и было не жарко.

Этот дядька с голубым лицом однажды довольно жгуче жиганул меня прутом по ногам за то, что я заводил его машину, когда он ушел. Он тогда здорово жиганул меня, и я его не любил. Я даже боялся, как бы он не пожаловался сейчас папе, что я озорую, но он, слава богу, меня не заметил и проехал мимо.

И мы с папой сидели так рядом на бревнышках, и я посвистывал, а папа помалкивал, и мы только улыбались друг другу, потому что нам очень нравилось жить в этом поселке. Мы здесь гостили уже шестой день, и я подружился с соседскими ребятами и перезнакомился со всеми собаками и знал каждую по имени. Мы катались на лодках, жгли костры и ходили по грибы и видели, как вдалеке полем пробежали лосиха и лосенок.

А сегодня мы с папой собирались пострелять из лука и потом запустить змея высоко-высоко, под самое солнце.

И пока я про все это думал, вдруг хлопнула калитка, и к нам во двор вошел Александр Семеныч, наш сосед. У него есть своя автомашина «Волга». Они с папой друзья.

Он сел рядом с нами и сказал:

— Беда.

Папа сказал:

— Что такое?

Александр Семеныч сказал:

— У него, видите ли, свадьба! А мне какое дело! Сегодня свадьба, завтра крестины, послезавтра именины!.. А мне как быть? Сидеть без шофера? — Он погрозил кому-то кулаком.— У меня дела поважнее вашей свадьбы!

Папа сказал:

— Расскажите толком!

И Александр Семеныч сказал, что шофер Леша решил жениться на одной своей знакомой, и сегодня у него свадьба.

— Ну и пусть женится,— сказал папа,— вам-то что?

Но Александр Семеныч разгорячился.

— Мне в город нужно,— сказал он.— Вот так! Понятно?

И он попилил ладонью себе горло. Мол, позарез. Но папа молчал.

— Ага,— ехидно сказал Александр Семеныч,— отмалчиваетесь? Палочки строгаете? А где чувство локтя?

— Ведь отпуск,— сказал папа,— надо с сыном побыть!

— Никуда он не денется,— заявил Александр Семеныч и шлепнул меня по спине.— Мы просто возьмем его с собой! Надо парню удовольствие доставить! Пусть прокатится!

И тут я наконец понял, чего он добивает

ся! И как это я сразу не догадался! Ведь ездить-то он не умеет! Не умеет управлять своею собственной «Волгой». А папа умеет. И «Волгой», и «Победой», и «ГАЗ-51», и какой угодно. Потому что у папы есть водительские права, он даже ездил в автопробег Москва — Хабаровск! У него только машины собственной нет, а ездит он классно! И Александр Семеныч подкатывается, значит, к нам, чтобы папа свез его в город и обратно.

И хотя я видел, что папе не очень-то охота ехать, потому что он пригрелся на солнышке и ему симпатично сидеть в старых брюках около сарая и строгать потихоньку палочку, и никуда ему неохота; но сам-то я обрадовался, что можно будет слетать на автомобиле, и поэтому я сразу заорал:

— Поехали! Какой может быть разговор!

И Александр Семеныч вскочил, как ужаленный, и тоже завопил во все горло:

— Правильно! Урра! Поехали!..

Тут папа совсем сдался и только сказал умоляюще:

— Только, как говорится, взад-вперед. Быстро! Чтобы к трем быть обратно!

Александр Семеныч расхохотался и положил руку на сердце.

— К двум! — И поклялся: — Чтоб мне провалиться на этом месте! К двум часам мы будем здесь. Как штык!

И мы с папой пошли переоделись, а потом вывели машину со двора Александра Семеныча, и они сели впереди, папа за рулем. А меня отправили в заднюю кабину и защелкнули за мной обе дверцы. И я сразу стал за папиной спиной, чтобы смотреть вперед, на дорогу, на спидометр, на лес, на встречные машины и чтобы воображать, что это я веду машину, я, а не папа, и что она вовсе не автомобиль, а космический корабль, а я самый первый человек, который полетел на небо, к прохладным звездам!

И так мне интересно было ехать, и приятно, и весело! Вокруг все было зеленое: трава, и большие деревья, и тоненькие березки — все было зеленое вокруг, и ветер был такой сильный и теплый и тоже пахнул зеленым.

Я стоял позади папы и посвистывал и смотрел вперед на дорогу, она блестела, как серебряная, и, если пригнуть голову, было видно, как дрожит над ней и вьется раскаленный воздух.

И то попадалась на дороге доска, видно, грузовик обронил, то небольшая охапка сена, и тоже было понятно, откуда она здесь, то шоферские концы, какими руки вытирают, и получалось, что дорога как будто рассказывает, кто по ней проехал до нас с папой и Александром Семенычем.

А сейчас мы мчались довольно быстро: спидометр показывал семьдесят, и я наконец начал играть в космический корабль. Я включал приборы, и выжимал педали, и щелкал рычажками, и летел мимо Марса и Луны, еще и еще дальше, и скоро я решил, что вступил в состояние невесомости, и стал подпрыгивать, чтобы проверить, весомый я или невесомый.

Но папа сказал, не оборачиваясь:

— Стой смирно!

И я опять стал смотреть вперед. И только я посмотрел вперед, я сразу увидел, что через дорогу идет девочка! То есть она бежит перед самой нашей машиной. Бежит, откуда она взялась, ведь только что ее не было. Просто как будто из-под земли выскочила! Наша машина резко крутнула вправо, и страшно загудел гудок, и я успел заметить, что девочка тоже метнулась вправо, опять под машину, и тут раздался какой-то дикий визг и лязг и скрежет, и машину как будто кто-то дернул за хвост, и дальше все пошло совершенно непонятно. Мне показалось, что через меня прошел электрический ток, и сразу что-то жалобно зазвенело, а потом словно бы хрустнуло, и гудок непрерывно гудел, а я весь прижался к переднему сиденью, я ухватился за него руками и грудью и вдруг увидел, что березки в окне упали все сразу налево, как подрезанные, а потом быстро появились снова и опять рухнули влево. И тут все остановилось. Я стоял на четвереньках. Надо мной было открытое окно, как будто я был в подводной лодке или на дне колодца. И вдруг, сам не знаю почему, я стал карабкаться, как кошка, и вцепляться во что попало: в чехлы, в ручки — все равно во что, и, в общем, я моментально выскочил наружу.

Наша машина лежала под откосом на боку. У нее не было никаких стекол. Из-под мотора вытекал небольшой дымок. Крыша была сплюснута, как старая шляпа. Машина все время гудела. Колеса у нее вертелись, как лапки у жука, когда его перевернешь.

Из другого окошка вылез человек. Это был Александр Семеныч. Он вылез и сразу подошел ко мне.

Он сказал:

— Ты не знаешь, где мой левый ботинок?

И правда, одна нога у него была разута.

Он взглянул на машину, схватился за голову и опять сказал:

— Не могу понять, куда девался ботинок... Поищи.

И я стал шарить в траве. Ботинка нигде не было, а машина все время гудела тоскливым голосом, я не мог этого слышать: у меня мурашки бегали по затылку,— и я отошел от нее подальше.

Около края дороги остановился грузовик, из него попрыгали солдаты и побежали вниз, к нам. Один солдат заглянул в машину и замахал руками остальным.

— Там человек! Быстро!

И солдаты схватили машину и поставили ее на колеса. Она все гудела, как будто звала, и только тут я вдруг вспомнил, что там, за рулем, сидит мой папа! Как я мог об этом забыть! Я побежал к машине.

Папа сидел, неудобно скрючившись, все тело его было повернуто назад, как будто он смотрел в заднее окно. Рука его была в руле, она и нажимала на гудок. Кружок сигнала и костяной круг переплелись между собой и, как капкан, держали папину руку возле локтя. Рука была синяя, распухшая, и из нее лилась кровь. Солдаты стали раздирать руль. Они открыли дверцы, и папа вышел на воздух. Он был весь белый, и глаза у него были белые, и рука висела, как будто она была от другого человека. Я подбежал к папе и встал перед ним, но он не успел меня заметить, потому что в это время на мотоцикле подскакали милиционеры. Один из них спросил у папы:

— Пьяный, нет?

Папа помотал головой.

Тогда другой сказал:

— Предъявите права!

Папа стоял к нему боком, и этот милиционер не видел его руки, а папа медленно и неловко полез левой рукой в правый карман и никак не мог в него залезть. Тогда я придвинулся к нему вплотную и достал права. Папа поглядел на меня. Он, как видно, только сейчас вспомнил, что я был с ним все время. Он левой рукой схватил меня за плечо и нагнулся ко мне близко-близко. Он сказал как будто издалека:

— Это ты?

И стал трясти меня и закричал:

— Где больно? Говори!

Я сказал:

— Нигде не больно. Я весь целый...

Папа сел на корточки и привалился к колесу. У него лицо стало мокрое. Пот бежал у него со лба толстыми каплями. Он вдруг начал сползать на бок, как будто хотел прилечь. Я вцепился в его рубашку, чтобы он не ложился на землю. Но тут к нам протиснулся человек в белом халате. Он стал перед папой на колени и сразу схватил его за правую руку.

Папа сказал:

— Ко всем чертям!

И доктор встал на ноги. Он сказал:

— Перелом. Двойной.

И поднял папу и повел его к большой машине. Народу вокруг было очень много, и по краю дороги стояли автобусы, и «Москвичи», и «газики». Я даже заметил, что дорожная машина с нашей улицы тоже была здесь. Я пошел за доктором и папой, но меня оттирала толпа, и я еле пробивался сзади. Когда папа поднялся наверх по откосу, я увидел, что к нему подбежал дорожный рабочий с голубым лицом, тот самый, что когда-то давно жиганул меня прутом по ногам. Он что-то сказал папе на ходу, и папа кивнул головой. Потом папа стал садиться в «Скорую помощь», и я понял, что он опять совсем забыл про меня, но все равно я решил бежать за ним и его машиной, пока не догоню. Тут папа обернулся и что-то крикнул мне. Я не расслышал что. Машина тронулась и поехала, я побежал за ней, но не успел взбежать кверху: было высоко, и я остановился, потому что очень билось сердце.

Сверху была видна наша «Волга». Она стояла, как подбитый танк. Из-за нее вышел Александр Семеныч и сказал:

— Можешь себе представить, ботинок лежал в багажнике. Фантастика!

К нему подошел милиционер.

— Так,— сказал он и стал опять чиркать в блокноте,— сейчас будем продолжать. А мальчишка этот, видать, в сорочке родился. Ни царапинки! Стало быть, это ваша машина?

Я хотел его спросить, когда же привезут обратно папу, но в это время сверху крикнули:

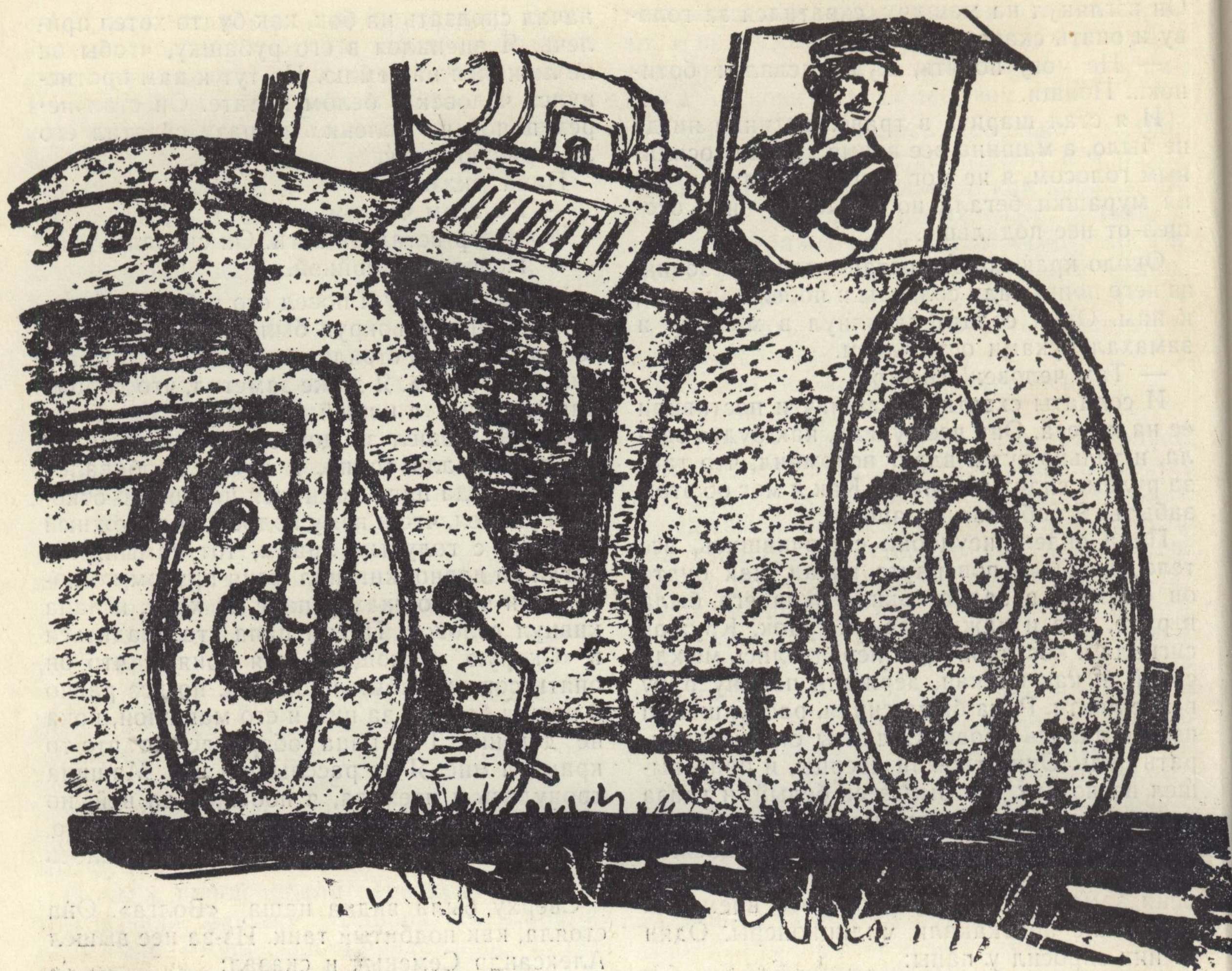
— Товарищ начальник! Мы мальчонку с собой заберем! Чего ему тут на солнце печься!.. Мы на ихней улице асфальт кладем! Аккурат у ихнего дома. Иди, мальчик, сюда.

Это кричал со своей машины человек с голубым лицом.

Милиционер сказал:

— Поедешь?

Я не знал, что ответить, потому что мне было совестно оставлять Александра Семе-

ныча одного. А он, видно, догадался, про что я думаю, и сказал:

— Ничего, поезжай...

Я сказал:

— А вы без меня управитесь?

Он сказал:

— Постараюсь. Мне помогут, езжай.

Но я не двигался с места. Тогда сверху соскочила красивая девушка, что сидела рядом с голубым человеком. Она взяла меня за руку и сказала:

— А мы ему руль дадим подержать, да, Ваня? Товарищ начальник, вы ему разрешите, пожалуйста, за руль подержаться! Он у нас будет сам править, честное слово! Он даже, если захочет, будет сигналы дудеть. Да, Ваня? Он будет дудеть, и все ему будут завидовать, да? Иди сюда, мальчинька, золотко мое, на, держись за руль, чтоб ты был здоров!

Она так пела надо мной, как над маленьким, и поставила меня впереди голубого человека. От него сильно пахло горячим бензином. Он положил мои руки на руль, а рядом — свои, и я увидел, какие у него толстые пальцы с широкими ногтями с черной каемкой.

Он нажал на педаль, загремел рычагами, и мы все трое отъехали от этого страшного места. Все было зеленое вокруг: и трава, и тоненькие березки, и ветерок пах чем-то зеленым, как будто ничего не случилось.

И мы так ехали и молчали, и, хотя я держал руки на руле, я не играл ни во что. Мне не хотелось. А дядька с голубым лицом вдруг сказал своей помощнице:

— Ты посмотри, Фирка, какой папаня у

этого огольца! Ведь это не каждый рискнет... Сыном-то родным, чтобы другого ребенка не задавить. Выходит, душа у человека геройская, огневая... Большая, значит, душа. Вот таких-то, Фирка, мы на фронте очень уважали...

Он нащупал и надавил мой нос, как кнопку звонка.

— Ззынь...

И за то, что он сказал такое хорошее про моего папу, я изо всех сил сжал его толстый палец и заплакал.

ЖЕСТОКОСТЬ-СЕСТРА

Прицелился, отпустил натянутую резину рогатки — и камень просвистел в воздухе, и птица, весело глядевшая на мир блестящим круглым глазком, замертво упала с дерева.

Не стало звонкого певуна-дрозда. А останься он жив — и у него была бы крылатая подружка, и он хлопотал бы над постройкой гнезда. Вместе с ней, с дроздихой, он вывел бы горластую семейку птенцов и, сбиваясь с ног, таскал гусениц и личинок, озабоченно запихивая их в широко раскрытые желтые клювы. И вот нет веселой нежной птички...

Наверно, он был очень доволен собой, этот горе-охотничек, совершивший глупое и жестокое дело. Вот они оба перед вами: большой, сильный мальчишка и маленький серый комочек перьев, сгусток песен и солнечной радости.

Только трус может тешиться победой над слабым и беззащитным. По-настоящему сильный человек всегда великодушен. Он не со-

ТРУСОСТИ

вершит бесцельного убийства птицы, не ударит ребенка, не оставит без помощи старика.

Какой мелкой и стыдной окажется рогаточная «победа», если сравнить ее с настоящим пионерским мужеством, мужеством тех, кто охраняет сады и рощи, кто встает на защиту птиц и зверушек от таких вот «героев».

Героев рогатки немного. Но пусть их не будет совсем! В тысячу раз интереснее вооружиться для охоты не рогаткой, а блокнотом, карандашом, фотоаппаратом или биноклем и главное — горячим желанием все узнать.

У таких охотников трофеем будет не мертвая, окоченевшая птичка! Живые дрозды, синицы, ежики и зайчата поведают им о себе тысячи удивительных историй — смешных, трогательных и таинственных. И встретившись в школе с товарищами, таким ребятам не стыдно будет смотреть им в глаза.

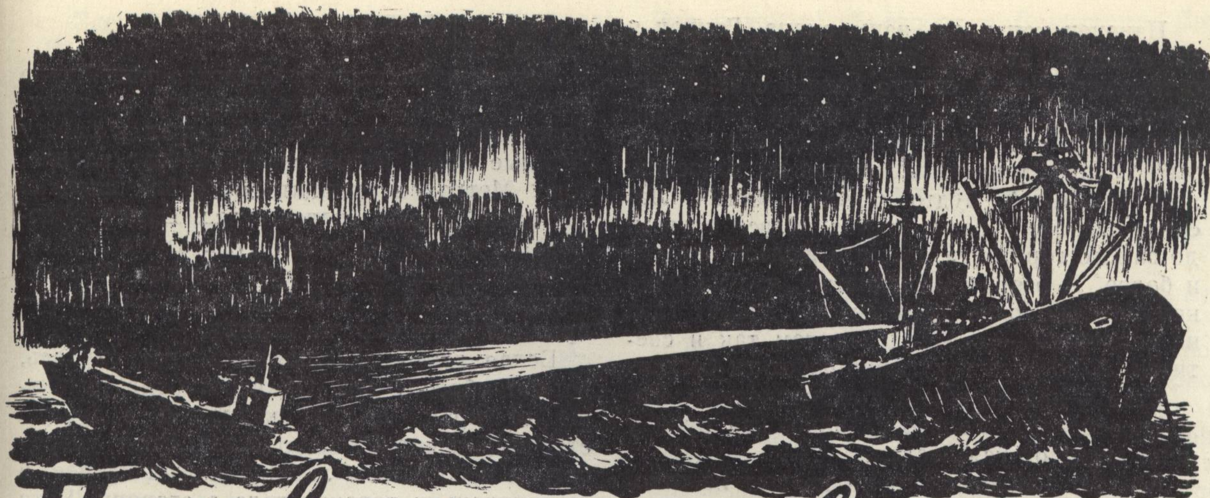

Заготовка леса — важная отрасль хозяйства Демократической Республики Вьетнам. В джунглях на крутых склонах гор неторопливо движутся цепочки буйволов — вьетнамских «вездеходов». Они перевозят срубленные деревья.

Фото Тран-нгуе (ДРВ).

Первое плавание

(Окончание)

Виталий **КОРЖИКОВ** Рисунки **В. Цельмера.**

В НУТЕПЕЛЬМЕНЕ

В Нутепельмене сегодня настоящий праздник. На крышах домов в расшитых узорами одеждах женщины и дети. Сидят, поджав ноги, и смотрят. Мужчины курят трубки, тоже смотрят. И солнцу интересно посмотреть, как мы работаем, вот оно и не спит вместе с нами день и ночь. Любопытные нерпы подплывают к берегу и, выставив из-за льдины усы, по-собачьи поглядывают: что это делается вокруг?

А делается вот что: со скрежетом наползают на берег груженые баржи. К борту их, забираясь по грудь в воду, подходит вездеход.

Миша Эстрин и Витя Гурец раскачивают на барже мешок с мукой:

— Раз!

— Два! — Мы с Мишей Клименко ловим его на вездеходе.

— Раз! — Новый мешок с сахаром мелькает над водой.

— Два! — И мы укладываем его на растущую гору груза. — Поехали!

Вместе с нами на машину забираются наш радист Олег, Витя Гурец и чукотский мальчик Юра. Он будет здесь первым трактористом, а пока привыкает к технике.

Вездеход, подскакивая на буграх, подъезжает к складу. Мы спрыгиваем на землю и друг за другом подставляем спины под груз.

— Р-раз! — Мешок на спине.

Сделав несколько шагов, я бросаю его через голову, и он грузно ложится на гору таких же мешков.

Следом за мной — маленький круглый Витя Гурец. Подскочил к этой горе, сам себе крикнул:

— Поберегись, Виктор Федорович! — И огромный восьмидесятикилограммовый мешок, перелетев через его плечи, шлепнулся прямо на место.

Уже хочется отдохнуть. Но рядом, пошатываясь, пробегает Юра-тракторист. Сбросил свою кухлянку. Из-под мешка еле выглядывает худенькая спина, а бежит парень, помогает. Вон и Витя скинул телогрейку. Бежит к белому от муки вездеходу и кричит на ходу:

— Ну, повеселее, братцы, повеселее!

Сбросил и я бушлат.

У склада уже целый город вырос. Ящики с консервами, галеты «Поход», дробь, патроны...

Вездеходу приходится пробираться по улицам этого города. А баржи все подходят, все подвозят новые грузы: охотничьи ружья, муку, сахар...

Чукчи довольны!

Наконец кончилась наша смена. Вышел я за поселок посмотреть на тундру. О, тут осторожно! Вот у самого сапога стайка лютиков, желтых-желтых. Головки выставили и прямо на меня смотрят. А это что за цветы? Ножка тонкая, а цветок из волосков, весь беленький, будто заячий хвостик. Ласково-ласково о сапог трется. И все кругом, до самого горизонта, белое и желтое, желтое и белое. А озера такие чистые, что ни один камушек, ни одна травинка на дне от глаз не спрячутся — все под солнцем так и светится. А по берегу кулички-работяги бегают.

Стал я над озером и прислушиваюсь. Тихо-тихо вокруг. Только слышно, как руки у меня гудят от усталости...

Юра от Гайдаевского ни на шаг не отходит. Нужно в трактор воды залить — Юра хватает ведро и бегом к озеру. Только унты по песку шлепают. Ключ или тряпку подать — Юра тут как тут. А когда мы отдыхаем, он вокруг трактора ходит или сидит рядом и не сводит глаз с Гайдаевского. Даже стал, как Володя, рукой по усам водить, хоть усы-то у него не скоро вырастут.

Гайдаевский, когда садится на трактор, снимет фуфайку, аккуратно сложит вдвое ее и кладет рядом. Юра и это приметил.

Как-то подходит ко мне, кухлянку свою протягивает и на мой бушлат показывает:

— Давай меняться!

Бушлат у меня грязный, весь в машинном масле, в краске, в муке и дыры на нем. А кухлянка красивая, чистая: каждый волосок на солнце сверкает, да еще узор вышит на ней белым мехом — словно льдины громоздятся.

Я удивился:

— Что ты! Зачем?

— Давай! Я на тракториста учиться буду. У хорошего тракториста вон фуфайка есть.— А сам на Гайдаевского смотрит.

Меняться я, конечно, не стал. А фуфайку для Юры мы у боцмана выпросили. Старенькую, правда. Надел ее Юра, побежал по ярангам друзьям показывать, а когда сел на трактор, точь-в-точь как Гайдаевский, сложил ее вдвое и положил на сиденье.

А когда мы уходили из Нутепельмена, Юра прибежал, оленьи рога мне принес и моржовый клык. А сам забрался на трактор и рукой долго-долго махал...

Рога я спрятал под койку, а на клыке иглой, как чукчи делают, выцарапал море, моржей на льдинах и вдалеке, на земле, яранги и дома. Как-нибудь будет время, нарисую и трактор: наверное, Юра уже таскает им на берег моржей.

ВИТЬКА-ЛЕДОКОЛ

Близко к Ванкарему «Игарка» подойти не смогла. И баржа тоже подошла не сразу. Холодный восточный ветер нагнал к берегу ледяные поля, нагромоздил айсберг на айсберг. Метрах в тридцати от суши широкий нос нашей баржи уперся в лед. Ежась от холода на ветру, мы стали думать, что делать.

Неожиданно Витя Гурец схватил багор и, шутливо крикнув: «Не поминайте лихом!»,— прыгнул через борт на льдину.

Белая глыба заколыхалась, наклонилась, вот-вот сбросит его. Он перескочил подальше от края. Льдина качнулась в другую сторону, выпрямилась. Тогда Витя уперся багром в соседнюю льдину, нажал на нее, и та потихоньку перекочевала в сторону. Витя оттолкнул и другую. Скоро и остальные льдины начали расплываться, согласно покачивая ледяными козырьками.

Интересно было смотреть: маленький человек огромную баржу ведет сквозь льды. Как ледокол!

Наконец только одна льдина осталась на пути. Упрямо уставилась на нас, стоит, не пускает. Гурец попросил стальной трос, накинул его на льдину, как аркан, проверил, крепко ли зацепил, и скомандовал:

— Задний ход!

Баржа отработала назад, трос натянулся — глыба наклонилась вперед, изо всех сил упирается, не хочет двигаться с места! Но все равно и она не выдержала: двинулась и громоздко поползла за баржей, распугивая и разгоняя во все стороны ледяную мелочь. Путь свободен!

А Витя уже на берегу. Собирал хворост для костра и мимоходом трепал за уши лохматых ванкаремских собак.

ТАМ, ГДЕ СПАСАЛИ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

Шумно сейчас в Ванкареме. Одни только сани, на которых мы груз перевозим, сколько грохота поднимают!

Наставим на них ящиков, наложим мешков, запряжем трактор, и плывут наши сани по берегу, как вторая «Игарка». А вместо дыма пар столбом от наших спин поднимается.

Ребятишки из домов выскакивают, в унтах, кухлянки нараспашку, просятся к нам...

Гайдаевский всех забирает. Иногда только кричит:

— Носы вытирайте, а то трактор запачкаете!

Здорово через весь поселок прокатиться! Вот мимо почты проехали; рядом с голубым почтовым ящиком на стене шкура белого медведя сохнет.

Вот дом, большой, деревянный. На одном окне глобус стоит, на другом — зеленый кустик, на нем помидорчики маленькие, а уже красные... Тут же кактус, лапку колючую поднял кверху и словно на Ледовитый океан замахивается.

Около дома парты стоят... Посмотрел я на них и вспомнил. Когда я учился в школе и сидел за такой же партой, Екатерина Ивановна нам рассказывала, что во льдах Арктики, где метет жестокая пурга и бродят белые медведи, был раздавлен ледяными полями пароход «Челюскин».

Много недель жили отважные полярники в холодных палатках, грелись у костров. Много недель вокруг громоздились льды, плескалась вода. Под ногами лопались льдины, и каждая трещина могла поглотить горстку храбрецов. Трудно пришлось челюскинцам, но советские летчики спасли их. Эти летчики стали первыми Героями Советского Союза. А жители далекого чукотского селения Ванкарем за помощь полярникам были премированы зданием новой школы. И теперь на берегу Ледовитого океана чукотские дети учатся в новой, красивой школе...

Я слушал рассказы Екатерины Ивановны и завидовал.

«Вот, — думал, — если бы и мне так, как эти люди, работать там, на Севере. Или хотя бы учиться в этой новой школе...»

Стоп! Пока я вспоминал, уже и приехали. Вот новый клуб строят в Ванкареме. Вон уже раму вставляют, ту самую, которую я принес...

А наши спутники, ванкаремские ребята, соскочили с саней и бегом к дому, где написано: «Магазин».

Мы много вкусных вещей туда привезли!

КАК ЛУЧШЕ ГРЕТЬСЯ

А как по-вашему, в Ледовитом океане купаются? Я купался.

Выгружали мы с баржи ветряную электростанцию. На руках выносить ее неудобно: длинная очень. Тогда мы сани, как плот, в воду загнали, к самому борту баржи. Сани деревянные, не тонут. Перевалили ветряк и стали поудобнее укладывать. Погрузили еще несколько ящиков с инструментом. Я Гайдаевскому (а он в окошко трактора выглядывал) махнул рукой: «Давай!»

Махнуть-то махнул, а не заметил, что одна доска на краю саней еле держится. Трактор дернул, я качнулся, сделал шаг назад, ступил на эту доску — и плюх в воду! И доска на меня. Попробовал дно ногами достать — как бы не так! Бушлат намок, сапоги на мне тяжелые, сразу вниз потянули. И в голове от холода саднит. Открыл я глаза в воде: надо мною зеленая льдина пляшет. Обнырнул я ее, наверх выскочил, вздохнул и поплыл по-собачьему: иначе не получается. Выбрался на берег, стянул сапоги, фуфайку, робу и в одних трусиках бегом по льдинам, к костру... Зуб на зуб не попадает. А ветер волосы на голове смораживает.

Кто-то куртку мне дал. Петя, с баржи моторист, — брюки. Оделся я — все равно не помогает. Забрался на баржу, в машинное отделение, — и там холодно.

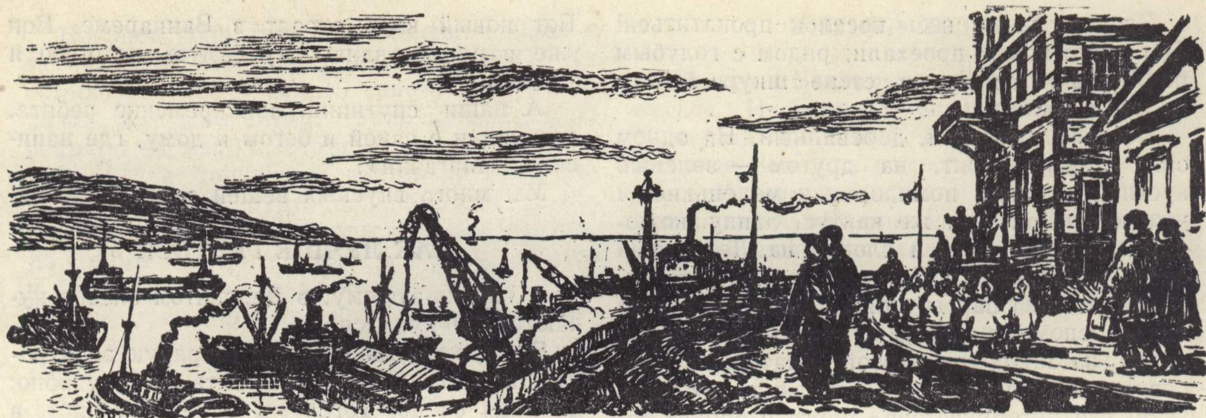
Вылил я тогда из сапог воду, натянул их, взвалил на плечи мешок и следом за всеми бегом на бугор. Живо согрелся!

А купаться, как видите, и в Ледовитом океане приходится!

ТОЧКУ НАЙДЕТЕ САМИ

Прошли мы Чукотское море, миновали и Восточно-Сибирское. Вода в нем коричневая, как кофе, и чайки там тоже коричневые. Оставили слева по борту угрюмые, насупившиеся острова Медвежьи, мыс Святой нос и подошли к причалам порта Тикси.

Здесь, в порту, покачивалось множество судов: ледоколы, танкеры, грузовые пароходы... Над ними поднимались высокие подъемные краны, а внизу шумели улицы. По деревянным тротуарам, между высокими краси-

выми домами, торопились люди. Парами, в цветных капюшонах шли на прогулку дети, наверное, из детского сада. Здесь были магазины с блестящими стеклянными витринами, были гостиница и кинотеатр...

Но самое главное — здесь было лето. Сопки и воздух наполнились розовым от бесконечного заката светом, и над городом, над каждой сопкой горела своя радуга. Опускалась одна, и сразу взлетала вверх другая. Как будто только что прошли сразу несколько теплых летних дождей.

По воде плавали ровные коричневые бревна, и от них пахло густым сосновым лесом. Этот запах принесла сюда широкая сибирская река Лена, которая добралась до самых полярных льдов. Всю ночь из розовой воды выныривали нерпы, подплывали к самому пароходу, и за ними расходились мягкие розовые и фиолетовые полосы...

Отсюда, из Тикси, — мы все это знали — «Игарке» возвращаться домой.

Утром капитан пошел в управление порта оформлять груз на Владивосток. Но ему сказали:

— Придется вам сначала сходить к Новосибирским островам. Пароходы из Мурманска второй год не могут туда пробиться. А на острова нужно завезти полярникам продовольствие и топливо.

Владимир Петрович задумался, прошелся по кабинету и попросил показать, где находится точка выгрузки. Развернули карты. Начали показывать карандашами — один в одно место, другой в другое...

— Здесь!

— Нет, что вы, по-моему, вот здесь.

— Ну, нет, товарищи, мне кажется, чуть-чуть повыше...

Владимир Петрович опять прошелся по кабинету, потом остановился, развел руками:

— Так идти нельзя. Не могу же я разбить судно или посадить его на мель...

Работники порта стали его уговаривать, а он не соглашался. Но кто-то сказал:

— Еще неделю назад получили радиограмму: «Доедаем последние макароны. Продовольствие кончилось...»

Тогда капитан спросил:

— Груза много?

— Немного! — обрадовались портовики. — А точку вы сами найдите! Зимовщикам сообщим потом по радио, где выгрузили.

Два дня грузили мы продовольствие, тракторы, уголь, бочки с бензином, ящики с патронами для охотников. Погрузились и направились на северо-восток, к холодным Новосибирским островам.

На палубе поставили большой лист фанеры с яркой надписью: «Не курить!» Упадет куда-нибудь искра — так рванет, что на самом полюсе от льдин осколки полетят.

КОЛУМБЫ

Дохнуло полюсом. Мы смели с палубы первый морозный снег и заторопились. Скоро сквозь горизонт проросла верхушка какого-то острова. Оказалось, Большой Ляховский.

Когда подошли, капитан приказал измерить глубину. Пять метров. Дальше двигаться нельзя. Нужно искать место для выгрузки.

...Баржу подкидывало на волнах и обдавало брызгами. Гайдаевский и Ашанин стояли на носу и шестами пробовали дно. Из-под шестов поднимались коричневые потоки ила и мути.

Хорошо, что не пошли сюда: быть бы «Игарке» на мели. Повернули в море, но тут, вдалеке, увидели ровный чистый берег. Там, наверное, и глубина побольше и грунт получше.

Только подошли — днище заскрежетало о камни. Тут не пристанешь — банка!

Гайдаевский и Ашанин отталкивались баграми, но волны толкали суденышко все дальше, на банку, захлестывали через борта. Я тоже взял шест...

Мотор несколько раз начинал тарахтеть и замолкал. Судно наполнялось грязной ледяной водой. Вода хлюпала в сапогах, обдавала робу. На рукавах намерзли сосульки. Наконец рывками барже удалось оторваться от мели, и мы тронулись на глубину, подальше от этого места.

А волны все подбрасывали нас, и ветер продувал до костей. Борта обросли коричневым тяжелым льдом. Уже к вечеру, обогнув полуостровок, мы увидели маленькую красивую бухточку. Вода в ней зеленая, глубокая и необыкновенно тихая.

Осторожно прошли мимо огромной льдины прямо к берегу. Под днищем баржи зашелестел светлый чистый песок.

Мы соскочили в воду, распугивая серебристые стайки корюшки, и вышли на берег. Под ногами был зеленый бархатный мох, во мху — повсюду оленьи рога, а между кочками — холодные прозрачные ручейки.

Откуда-то пробивался удивительный аромат фиалки. Неожиданно я заметил у себя под ногами фиолетовые нежные цветки. Их было всего несколько на весь остров, но над суровой тундрой, рядом с полюсом, расплывался от них сладкий и почему-то грустный запах.

На самом берегу, чтобы не потерять это место, мы поставили веху — старое, вынесенное волной корявое дерево — и отправились «домой», к «Игарке».

Скоро капитан спрашивал Гайдаевского:

— Ну что, Колумбы, открыли что-нибудь?

Он наносил на карту островов нашу бухточку. А я, хоть с камбуза вкусно пахло борщом и чесноком, свалился на койку, и в глазах долго-долго плясали коричневые волны. Вверх-вниз, вверх-вниз...

ЗВЕЗДА НАД ОСТРОВОМ

Далеко мы забрались. Кажется, встань на льдину повыше — Северный полюс увидишь. И если бы не льды, плыть до него меньше суток. Все здесь холодное, ледяное, даже острова: ковырнешь землю сапогом — там твердый мокрый лед. Ничего не растет на нем. Только торчат иногда бивни древних слонов — мамонтов.

Холодно на такой земле жить. Мы здесь, на острове Котельном, для полярной станции уголь выгружали. Много работали, а все равно холодно. Стоим как-то, греем руки у костра. Ночь наступила. Гайдаевский ушанку поплотнее надел и говорит:

— А во Владивостоке тепло, наверное. Сентябрь еще только начался. И купаются...

А тут ветер как завоет! Снег понесло, темно. «Игарка» из виду пропала. Только ледяные поля белеют.

И вдруг прямо над нами, в темном полярном небе, загорелась звезда. Большая, красная, как на кремлевских башнях, пятиконечная звезда!

Бросились мы к полярной станции, остановились около мачты, обрадовались, рассматриваем звезду. Начальник услышал шум, вышел из дома, в кухлянку кутается и улыбается:

— Что, понравилось? Это наш радист смастерил. Он у нас москвич.

Отправились мы работать. Совсем про холод забыли. Вышвыриваем лопатами уголь,

черный, мокрый. А сами нет-нет — на звезду поглядываем. Горит!

Высоко-высоко над полюсом пролетит летчик, посмотрит вниз и улыбнется: горит! Полярники едут на собаках по тундре в холодную ночь, увидят звезду — веселей заторопятся: горит! И мы, моряки, поплывем в полярную ночь сквозь льды, вспомним звезду над островом и ничего нам не страшно: горит!

ЧТО КРИЧАЛИ ПОЛЯРНИКИ

На одной из зимовок мы выгружали железные бочки с бензином.

Закончили выгрузку, а полярники к нам подошли и спрашивают:

— Значит, продовольствия на нашу станцию не привезли? Плохо. Придется самолеты вызывать!

А начальник к капитану нашему пошел.

Вызвал капитан Саню Козака, он у нас продуктами заведует. Спрашивает:

— Сколько у нас чего осталось?

Вытащил Саня записную книжку, заглянул.

— Макарон килограммов сто, сахару с полсотни, муки, мяса дней на десять.

Владимир Петрович ладонь ребром на стол опустил.

— Половину отдать полярникам...

Пошел Саня в кладовую, разделил все, как положено. Только молча, хмуро. А начальник полярной станции стоит рядом, переминается — неловко себя чувствует и думает, наверное, что Саня жадничает: он у нас все до грамма взвешивает и молчит всегда при этом.

А Саня все отвесил, потом вспомнил что-то, пошел в другую кладовую. Вернулся с ящиком на спине.

— Вот печенье возьмите, — говорит, — я забыл сказать капитану...

Уже свернули тросы в тяжелые бухты, уже «Игарка» начала раздвигать носом льды, когда вдруг в стороне острова одна за другой взлетели в небо три зеленые ракеты, и мы увидели домик полярной станции, заснеженный берег и на льдине несколько человек. Они долго-долго что-то кричали нам вслед и махали шапками. А что́ кричали, мы так и не услышали.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

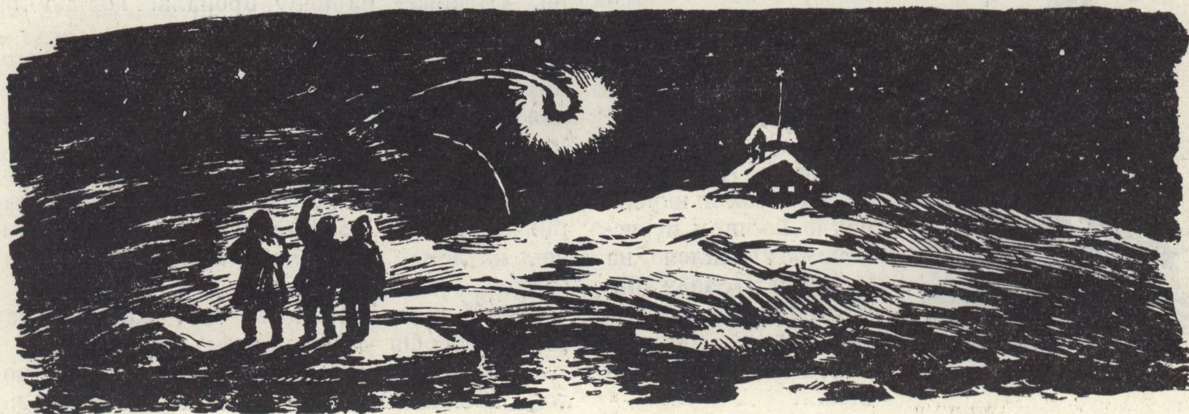
Пришли назад в Тикси. На этот раз тут гудел ветер, и в темноте на заснеженных сопках раскачивались огоньки. По рубке, в наброшенном на плечи кителе, ходил капитан, вглядывался в ночь. Шторм остановил погрузку... Где-то в бухте блуждала наша баржа, и на ней двое людей — старшина и моторист.

В рубке было темно. Только компас мерцал фосфорическим светом. Из угла в угол перекатывался оброненный кем-то карандаш.

Впереди огромные волны с шумом забирались под маленькую зверобойную шхуну, и огни суденышка то оказывались высоко-высоко, среди звезд, то проваливались и горели под нами, в глубине, как светлячки. Неожиданно ветер ударил о стекло какую-то заблудившуюся птицу. Взмахнув крыльями, она упала за борт...

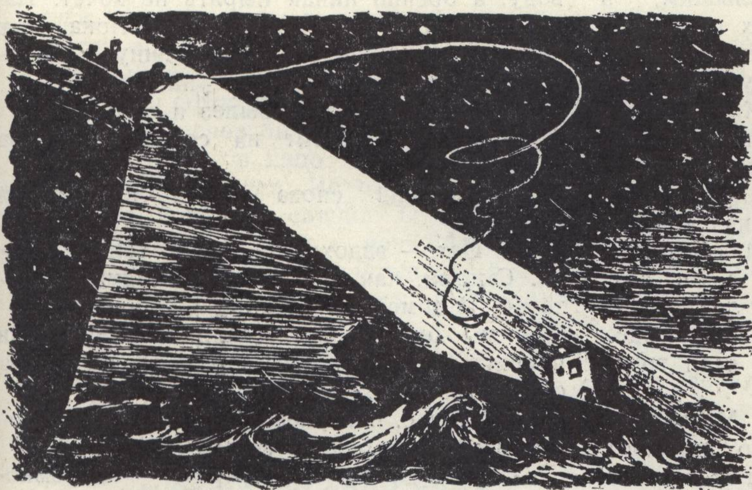
Вахтенный штурман измерил силу ветра — 10 баллов!

Баржи все не было. Капитан устало поежился и пошел в свою каюту. Он уже несколько ночей не спал и сейчас старался уснуть, но то и дело выходил, натянув ботинки и накинув китель.

А баржа блуждала среди поднимавшихся, как сопки, волн. Замерзший, весь мокрый старшина Федоренко смотрел на волны и думал: «Еще раз зачерпнем носом — и все!»

С гребня волны старшине были видны огни «Игарки». Но прямо подойти к пароходу нельзя: волна разбила бы баржу о борт. Федоренко обошел корму судна и увидел летящий с палубы парохода конец. Он распахнул дверь рубки и выскочил. Но тяжелая волна подтолкнула баржу вперед, и веревка пролетела мимо. Пришлось сделать новый круг. Подошли. Тяжелый мокрый конец снова полетел вниз. Федоренко схватил его и стал подтягиваться. На помощь выскочил Горюнов, молоденький моторист. Обвязав концом рубку баржи, Федоренко подождал, пока Горюнов вскарабкается по штормтрапу, потом сам взобрался на борт и, устало двигая сапогами, пошел к кубрику.

Ветер загудел протяжнее, понес над водой хлопья снега. Баржа с грохотом прыгала на волнах, все глубже и глубже садилась в воду. Затрещал конец...

Матрос Анатолий Давыдов обвязался канатом и, взяв стальной трос, прыгнул на рубку баржи. Но рубка неожиданно ушла из-под ног, провалилась вместе с волной, и Давыдов повис в воздухе.

Вокруг гудела темнота, и только в луче прожектора летали, догоняя друг друга, снежинки. Но вот в луч снова попала крыша рубки.

Анатолий оттолкнулся от борта и прыгнул прямо на нее. По палубе баржи гуляла вода. Анатолий вошел прямо в воду и стал прикреплять стальной трос к борту. Трос резал руки, качало. Мокрая куртка уже покрылась коркой льда, а Давыдов все привязывал трос.

Только закрепил — с «Игарки» пустую бочку спускают.

— Вяжи к рубке!

Анатолий подул на руки, потряс ими, чтобы разогреть, и стал привязывать бочку. Баржа затонет — бочка, как поплавок, всплывет. Искать легче.

К утру шторм утих, вышло солнце. Вокруг пахло талым снегом и мокрыми бревнами. На воде покачивались льдинки, прыгали солнечные зайчики. Но ни баржи, ни бочки нигде не было.

Давыдов стоит расстроенный: привязывал вроде на совесть. Неужели развязался трос?

ВОДОЛАЗЫ

Водолазов я увидел впервые. Они подплыли к нам на деревянной барже, посреди которой стоял домик, тоже деревянный. Нас послали им помогать.

Вода в бухте была мутная, и я спросил у высокого рыжего мужчины, стоявшего возле домика:

— А как же искать нашу баржу будут?

Он внимательно посмотрел вниз, словно глазами пощупал дно, и кивнул головой:

— Попробуем, поищем...

Потом он нагнулся и шагнул через порог в домик. Там горела печка-чугунка, а в углу, покачиваясь на вешалках, растопырив руки, висели резиновые великаны. Их медные круглые головы задумчиво стояли у ног.

Рыжий мужчина сел на табурет, стянул сапоги, надел мягкие валенки, шерстяной свитер и вязаную шапку. Он подошел к резиновым великанам, снял одного из них и стал в него залезать. Вот он влез в ноги, вот весь забрался, просунул руки в рукава...

— Теперь ботинки давай! — Он показал мне под лавку.

Вытащил я ботинки. Носы у них медные, сверкают. Такие ботинки носить — силенка нужна! Надел я их мужчине, а он командует:

— Грузила давай!

Взял я под лавкой свинцовые грузила — еще тяжелее ботинок, — подвязал к подошвам. Миша Клименко голову медную ему привинтил. Вот и настоящий водолаз получился. Прошелся он — баржа закачалась.

Начал водолаз по лесенке в воду спускаться, а другой, поменьше ростом, рукой нам махнул.

— Давайте воздух!

Мы стали крутить рукоятку помпы. Помпа — это такой насос. Слышим, в резиновых трубках у ног зашуршало. Значит, воздух по ним пошел. Крутили мы долго, даже в ушах зашумело, а не бросишь: человеку внизу, под водой, воздух нужен.

Сменили нас. Вышел я на палубу, солнце сверкает на воде, снег на сопках искрится. Даже буквы на борту нашей «Игарки» как-то по-особенному светятся. А я все стою и слушаю: волнуюсь, идет ли воздух.

Вдруг под боком телефон зазвенел. Водолаз, тот, что на барже остался, взял трубку, послушал и говорит:

— Пятна масляные? Есть. Метрах в пяти. Левее иди! Не видно? Дно грязное?

Я посмотрел влево — там масляные пятна по воде расползаются, радугой отливают. А наверх все новые и новые выныривают. Так это же бензин из нашей баржи! Я как закричу на «Игарку»:

— Нашли!

А водолаз закурил и головой покачал:

— Найти-то не штука, вот поднять — это дело!

Тут вода забурлила, водолаз показался, поднялся по лесенке. На шлем показывает, у стекла вертит рукой.

Отвинтили мы стекло на шлеме, а он говорит:

— Плохо дело, вся баржа в грязь зарылась и зацепить не за что.

На «Игарке» старший помощник капитана стоял. Он перегнулся через борт, кричит:

— За рубку цепляйте!

Взял водолаз стальной трос резиновой рукавицей и снова в воду ушел. На пароходе лебедки заработали, тросы заскрипели, все у борта столпились, ждут. Начали поднимать баржу, дернули неосторожно — только одна железная дверь в стальной петле троса наверх выскочила.

Капитан сказал:

— Подкапываться под баржу придется, снизу подводить концы.

Второй водолаз, тот, что поменьше, спустился на дно, а высокий ему по телефону что-то подсказывать стал. Что, я не слышал. Мы опять воздух подавали. Долго качали. Потом водолаз поднялся и говорит:

— Не получается...

Тут Петя Федоренко, старшина баржи, вмешался:

— А что, если в горловину бревно всунуть, а за бревно трос зацепить?

Горловина — это отверстие в палубе. Решили попробовать. Водолаз опять полез в воду, а бревно никак нырять не хочет. Наконец с грузом утопили его. Пока там внизу пропихнули его в горловину и закрепили трос, вечер уже наступил.

Маленький водолаз вылез и говорит:

— Ну что, хватит на сегодня? Завтра поднимем?

А высокий снова надел водолазный костюм.

— Нет, — вздохнул, — люди тоже устали. Смотри, как дышат, хоть воздух им подавай. И домой им пора...

А мы и вправду устали. Уже и руки и спина от этой помпы ноют, а на завтра откладывать не хочется.

Целый час, наверное, не поднимался водолаз, а потом вылез из воды.

— Подымайте, — говорит, — понемногу. — И стал снимать свой костюм.

С борта подтянули баржу кверху. В ней грязи полно. Забрались мы туда, стали ведрами и лопатами ил вычерпывать. А баржа качается, дрожит, вот-вот сорвется.

Уже поздняя ночь наступила. Разогнешься на минутку отдохнуть и видишь, как у сапог, в жидкой грязи, звезды отражаются.

Наконец окатили баржу водой из шланга и потянули наверх. Вытащили — смотрим: обрывок стального троса на ней, того, который вчера Давыдов закрепил. Не развязался!

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

А над Арктикой уже разливалось полярное сияние. Прозрачной, как кисея, мерцающей лентой оно поднималось из-за тундры, изгибалось тысячами разноцветных волокон, повисало над самой нашей головой и уходило к полюсу.

«Игарка» стояла у мыса Шмидта. Палуба ее покрылась густым ворсистым инеем, на поручни и тросы намерз тяжелый лед. А у бортов, под прожектором, в зеленой, густой от мороза воде, словно огромные листья кувшинок, колыхались молодые льдины.

Мы скручивали стальными тросами вязанки огромных бревен и сбрасывали их в воду. От скалистого берега к ним то и дело

подходили маленькие обледеневшие катера. Из них, в клубах пара, выскакивали полярники, прыгали на скользкие бревна и, нанизав несколько вязанок на один буксирный конец, крепили его на катере. Катерок тужился, пыхтел, по-геройски задирал нос кверху и, погудев себе самому для бодрости, скрывался в темноте.

А на смену ему подходил новый, такой же обмерзший, вздрагивающий от холода, и так же задирал нос. Из него снова выскакивали люди, прыгали на скользкие, мокрые бревна. Иногда ложились на них и, закатав рукава гимнастерок, в стынущей воде искали скользкий, обжигающий руки трос. А выловив, снова кочевали к холодному берегу.

Было темно, в лицо людям дул холодный ветер норд-ост. Но он только сильнее раздувал полярное сияние. Оно расплывалось над погруженной в ночь Арктикой и ярко озаряло всех: и полярников, плывших среди черных волн к берегу, и водолазов, спускающихся в холодную воду, и маленьких чукотских школьников в Ванкареме, на берегу Ледовитого океана. Оно озаряло всех, кто сейчас в Арктике работал, строил, учился.

У КАЖДОГО СВОИ ДЕЛА

Раньше плыли мы из лета в зиму, а теперь снова из зимы в лето возвращаемся. Торопится «Игарка». И вниз по земному шару бежать, наверное, легче!

Катятся навстречу нам теплые голубые облака. От них березами и лугами пахнет. Так и хочется по мокрой траве босиком пройтись.

В столовой только и слышно:

— До Владивостока суток десять осталось.

— За девять дойдем!

Там, наверное, все еще на горячем песке у залива загорают. Сами коричневые, а к спинам песчинки золотистые прилипли. Эх, разогнаться бы сейчас на вышке, оттолкнуться от мокрой доски — и вниз, ласточкой!

Тут в столовой все вдруг вскочили. Где-то над головой загудело, зарычало. Бросился я вслед за другими на палубу, голову поднял, смотрю, прямо на нас громадный самолет несется. Распорол полосу дыма над трубой, флагшток чуть не сшиб и снова вверх тяжелым брюхом полез. На крыле белая звезда, буквы «US» и цифры какие-то.

Кто-то за спиной говорит:

— Американский вояка...

— Чего ему у нас? — спрашиваю.

— Проведать решил, как твое самочувствие.

А из-за крыла гнездо пулемета выглядывает.

Самолет пошел на новый круг. И снова низко-низко — над «Игаркой». Антенны закачались. А из-за спины у меня опять кто-то кричит:

— Смотри, смотри, еще пальцем грозит!

Я голову повернул: в кабине, за стеклом, женщина в пилотке.

Действительно, пальцем нам грозит. Белую перчатку натянула, чтоб видней было.

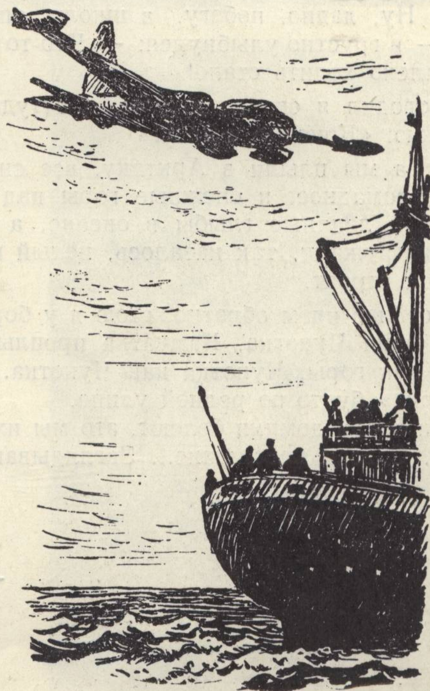
Тут из-за спины Миша-пекарь выскочил, не вытерпел и как забасит:

— Ишь, дрянь, выучилась! — А сам кулаком трясет.

Бас его в самолете, может быть, и не расслышали, а вот кулак не заметить трудно: без перчаток белый — весь в муке и тесте.

Сделал самолет еще круг, вильнул хвостом и ушел куда-то в черные тучи, к горизонту. А Миша поправил локтем съехавший колпак, вздохнул и пошел на камбуз печь хлеб.

У каждого свои дела...

РОДНАЯ УЛИЦА

Далеко-далеко, у теплого Азовского моря, есть маленький городок. Раньше он был гораздо больше — шел я через него долго-долго, и, пока добирался до школы, учитель порой спрашивал:

— Ты что ж это, брат, опаздываешь?

Портфель будто набухал, а я, тихо вздыхая, отвечал:

— Идти очень далеко!

Учитель удивлялся:

— Ну, брат, и выдумщик ты! Весь город перешагнуть можно...

Приехал я в родной город через несколько лет, вышел на проспект: дай, думаю, пройдусь. Шагнул через улицу, разогнался идти — а город уже весь за спиной! И все как будто на месте, новых домов даже прибавилось, а город словно в узелок стянули. Акации я сажал когда-то — ох, сколько я деревьев тогда посадил! — а их вовсе немного...

Удивительно!

Встретил я своего учителя как-то и говорю ему:

— Город наш что-то совсем маленький стал...

А он посмотрел на меня внимательно и покачал седой головой:

— Нет, брат, просто ты сам вырос...

Потом похлопал сухонькой рукой по старому портфелю:

— Ну, ладно, побегу, в школу опаздываю, — и грустно улыбнулся: — Что-то очень уж далеко ходить стало!

Проводил я его до школы, а оттуда иду и думаю: «Конечно, вырос!»

Когда мы плыли в Арктику, все сначала было громадное: и снежные горы над Камчаткой и ледяные глыбы в океане, а пароход разгружали, так казалось, целый новый городок строят.

А сейчас идем обратно, стою я у борта, и мимо меня Чукотка, Камчатка проплывают. Горы как горы. Чукотка как Чукотка. Идет «Игарка» будто по родной улице.

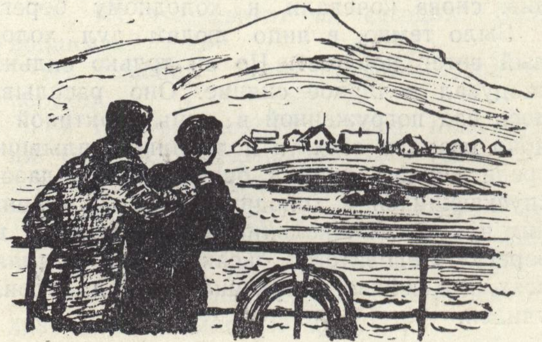
Вон вдали домики белеют, это мы их привезли. Совсем небольшие... Заглядываю я в бегущую воду и думаю: «Наверное, опять вырос!»

Тут сзади кто-то меня за плечо тронул. Повернулся я — Гайдаевский.

Стоим мы рядом, на поручни налегли. Чувствую я его плечо, большое, твердое. Мое пока поменьше, да и послабее, наверное. Интересно, какими же Володе эти домики кажутся?

А он и сам говорит:

— Вон, смотри, наши дома стоят! Уже и люди живут. Дымки над кровлями. Наверное, там из нашей муки хлеб пекут и нас с тобой добром поминают. Поработали ж мы с тобой? Поработали!

Пригляделся я к берегу. Так это здесь мы ветряк ставили, здесь я тонул, а там, дальше, Юра-тракторист рукой мне махал. Там, кажется, и сейчас кто-то машет. Сказал я Володе, а он пальцами по губе провел и хмыкнул:

— Шось не вижу, — и добавил: — Но помахать нам, конечно, могут.

Рядом с нами кто-то ключами звякнул. Боцман! Опять в замасленной кепчонке, в фуфайке, банку с краской в руке держит.

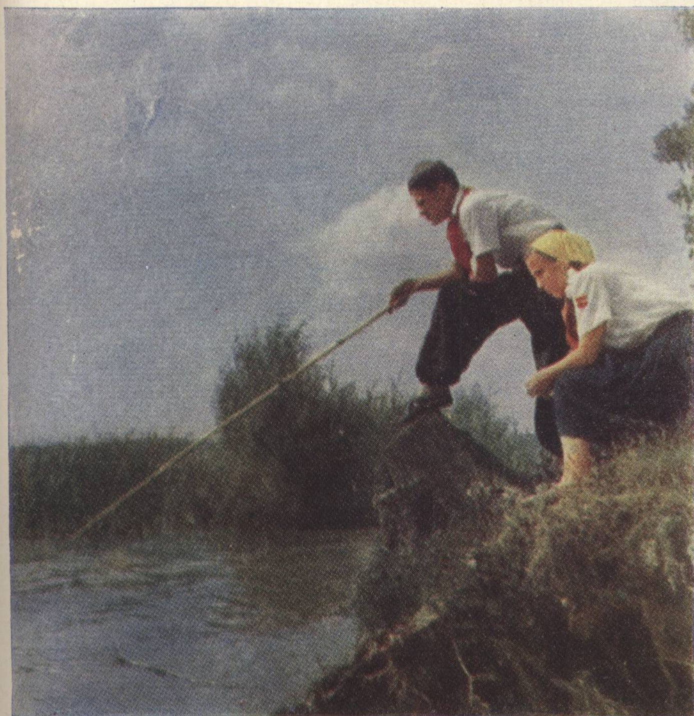
— Ну что, пойдем к следующему рейсу готовиться?

...Колышутся за бортом моря, от солнца по иллюминаторам расплываются блики. Вожу я кистью по стенке, накрашиваю, а сам весело на берег посматриваю.

Ведь это очень радостно — чувствовать, особенно в первом плавании, что и тебе вслед с берега, как с родной улицы, могут помахать рукой.

Вот они, счастливые летние дни, веселые события лагерной жизни! Дальние походы с ночевкой в палатках, тревожные радости рыбалок, горячее солнце и спасительная прохлада реки.

Фото Е. Оцуп.

ДРУЗЬЯ А. Юркин

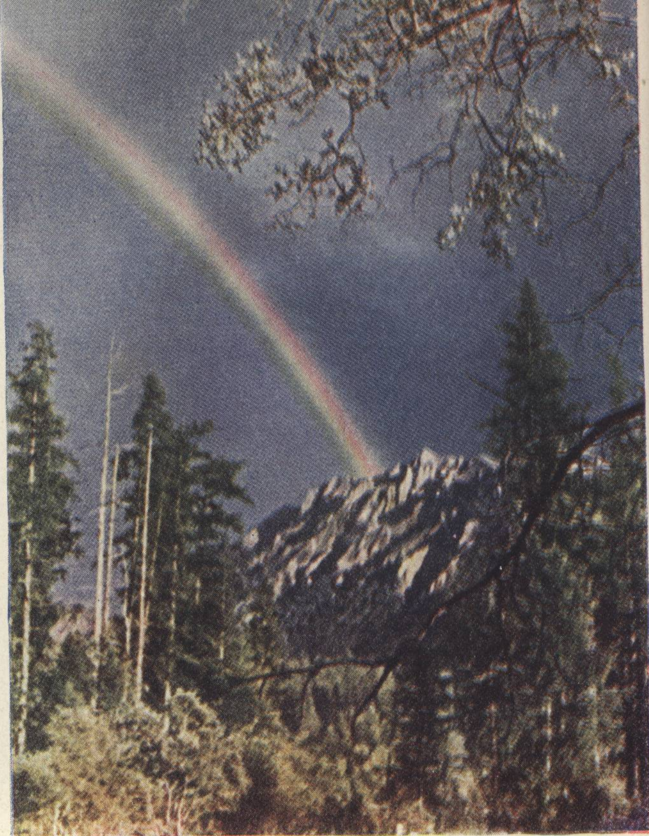
В ЖИЗНЬ

В. Мариупольский

ЛЕТО

В. Леонтович

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

ЧУДО-СЕМИЦВЕТКА

Из чего сделана радуга и почему она такая разноцветная?

Никита Березовский,
Валера и Неля Бастамовы,
г. Омск.

Радуга «сделана» солнцем. Это его лучи, дошедшие до нашего глаза. По дороге они попали на крохотные и прозрачные капельки воды, оставшиеся в воздухе после дождя, прошли через них насквозь и отправились дальше. Но после встречи с плавающими в воздухе капельками путь лучей стал иным. Каждый немного изменил свое направление и вышел из встреченной капельки веером разноцветных лучиков.

Но почему разноцветных? Ведь солнечный свет как будто белый?

В том-то и дело, что нет! Это нам только так кажется, а в действительности он состоит из красных, оранжевых, желтых, зеленых, голубых, синих и фиолетовых лучей — всего семь цветов.

Радуга бывает не только после дождя. Ты можешь встретиться с нею всякий раз, когда солнечный луч пройдет под определенным углом через какое-либо прозрачное тело. Например, через край толстого зеркального стекла. Тогда на стене или на столике, где стоит зеркало, ты увидишь не простой белый «зайчик», а разноцветный.

Радуга возникает также в брызгах фонтанов, водопадов. Ты даже сам можешь на мгновение устроить маленькую радугу, если наберешь в рот воды и с силой разбрызгаешь ее, как делает мама перед глаженьем. Только при этом встань спиной к солнцу.

Ю. Клинков

ИСКРА-ВЕЛИКАН

Отчего и как образуется молния?

Валя Смирнова
г. Куйбышев.

Какая-нибудь суеверная старушка ответила бы, что это Илья-пророк на своей колеснице по небу едет. Громыхает по облакам, как по булыжникам, а из-под колес искры. Вот тебе и гром и молния.

Однако не позавидуешь Илье-пророку, если бы это было правдой! Ведь на земном шаре непрестанно в самых разных местах происходят грозы. В одно и то же время их бывает ни много, ни мало около двух тысяч. Каждую секунду на нашей планете ударяет в землю сто молний.

Как же образуется молния на самом деле? Придется заглянуть внутрь грозового облака. Ученые сделали это с помощью шаров-зондов, снабженных специальными приборами. Оказалось, что в разных частях облака скапливаются разные электрические заряды. В одной части — положительные, в другой — отрицательные. Эти заряды сосредоточены на водяных капельках, из которых состоит облако.

Вот ударила первая молния. Кажется, что она возникла мгновенно. Однако, фотографируя особыми камерами, удалось установить подробную картину ее постепенного развития. Сначала от тучи, из того места, где скопилось много отрицательных зарядов, к земле идет «вожак», или, как говорят физики, лидер. Собственно говоря, это лавина электронов. Они намечают дорогу, образуют канал, по которому затем устремится молния.

Под ударами электронов, из которых состоит лидер, атомы воздуха на его пути начинают светиться. Мы-то этого свечения не видим, но на фотобумаге оно оставляет слабый след. По следу обнаружили, что лидер самой первой молнии движется ступеньками: проскочит пять метров книзу — остановится, подождет 50—90 микросекунд (миллионных долей секунды) и снова вниз на пять метров.

Когда лидер дойдет до земли, положительные заряды земли, притянутые отрицательными зарядами облака, устремляются по проложенной лидером дороге вверх. Так образуется главный канал молнии. Его диаметр от 10 до 25 сантиметров. По нему протекает ток огромной силы, раскаляет воздух и заставляет его светиться. От сильного нагревания воздух вокруг канала мгновенно расширяется, и во все стороны идет ударная волна, как при взрыве.

Когда положительные и отрицательные заряды встретились, они нейтрализовали друг друга, и молния погасла. Но теперь из остальных частей облака к этому месту начинают притекать отрицательные заряды. Снова к земле идет разведчик. Он идет по старому пути, не останавливаясь. Навстречу ему от высоких зданий, деревьев, громоотводов тоже растут светящиеся ветви. Они сливаются с лидером, и вот путь для молнии готов. Иногда это свечение видно простым глазом. В старину его называли «огнями святого Эльма», а теперь называют коронным разрядом, потому что святой Эльм тут ни при чем, так же как Илья-пророк.

И. Канавец

ДЕРЕВЯННЫЕ КНИГИ И «ЯЗЫК ЛИСТЬЕВ»

В. ОСТРОВСКИЙ

Фото автора.

Есть в Джакарте улица, которая называется Пасар бару (Новый рынок). Большой эту улицу не назовешь: из конца в конец ее можно пройти минут за десять. К тому же она очень узка, и машины движутся по ней только в одном направлении. Однако Пасар бару с прилегающими к ней переулками — самый людный и оживленный район города. Здесь находится торговый центр столицы.

Как-то раз я зашел в букинистический магазин на улице Пасар бару в поисках словаря батакского языка. Словарь был издан несколько лет назад, но уже стал большой редкостью. Мне повезло: в ответ на мой вопрос продавец весело кивнул головой, достал с верхней полки увесистый томик в красном переплете и, получив деньги, принялся его заворачивать.

— Вы интересуетесь моим родным языком? — раздался чей-то голос.

Обернувшись, я увидел невысокого молодого человека с гладкими черными волосами.

— Меня очень интересует фольклор жителей Суматры,— ответил я,— и особенно поэзия батаков.

Мы разговорились. Мой новый знакомый — его звали Мухаммад Симанджунтак — охотно рассказывал о себе. Когда была провозглашена независимость Республики Индонезии, ему исполнилось пятнадцать лет. При голландцах Мухаммад не смел и мечтать о высшем образовании. Сейчас он студент филологического факультета Джакартского университета. Его специальность — немецкий язык и литература.

— Что это у вас за книги? — спросил я, указывая на небольшую стопку, которую он держал под мышкой.

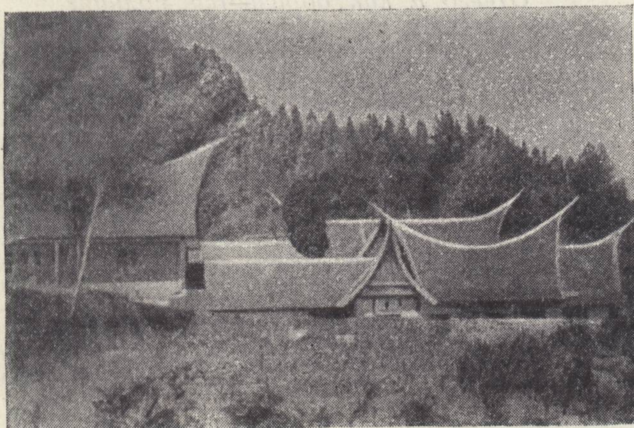
— Ничего особенно интересного... если не считать, пожалуй, вот этой!

С лукавой улыбкой Мухаммад протянул мне тоненькую немецкую книжку. «Роберт Генин. Далекий остров. Берлин, 1928 год»,— прочел я.

— Этот Генин рассказывает в своей книге о путешествии на наши острова,— сказал Мухаммад.— Не успел он прибыть на Суматру, как оскорбил своим наглым поведением первого же повстречавшегося ему батака. И вот поглядите, как Генин описывает то, что было дальше:

«Его лицо исказилось от гнева. Глаза были преисполнены злобы... Еще двадцать лет назад его отец, встречая европейца, должен был приседать на корточки и в знак приветствия складывать руки. Сегодня сын стоит, широко расставив ноги, и решительно смотрит в глаза европейцу. Быть может, еще через двадцать лет внук вообще не пустит иностранца в свою страну».

— А ведь это «мрачное» пророчество сбылось точь-в-точь! — воскликнул Мухаммад.— И даже годы совпадают. Да, колонизаторов мы уже никогда не пустим в нашу страну.— Помолчав немного, Мухаммад с улыбкой добавил: — Зато мы гостеприимно встречаем каждого, кто приезжает к нам с добрыми намерениями.

Суматранская деревня.

Мухаммад сказал правду. Я убедился в этом, побывав в батакских деревнях, познакомившись с их жителями и подружившись с ними на всю жизнь.

* * *

Батаки живут в южной части Северной Суматры. Всего их около полутора миллионов, и населяют они в основном горные районы.

Батакские дома очень красивы. Особую прелесть придают им необычные крыши — очень высокие и седлообразно вогнутые.

У батаков с древних времен была своя письменность. Буквы выцарапывались на древесной коре, на тонких бамбуковых дощечках или на костяных пластинках. Слова писались все подряд, без каких бы то ни было интервалов, без разделения на фразы, без знаков препинания.

Попробуйтепрочитатьчтоздесьнаписаноручаюсьчто вамэтонесразуудастсяабатакичиталикудаболеесложныефразы.

К счастью, большинство фраз начиналось словами «тогда», «затем», «потом». Эти слова служили как бы вехами, разделяющими предложения.

Чрезвычайно интересны старинные книги батаков. Они, конечно, мало походили на наши книги. Страницами их были длинные полосы древесной коры, смазанной рисовым отваром. Их складывали гармошкой и концы прикрепляли к деревянным «обложкам». К нижней «обложке» приделывали четыре деревянные ножки, а к верхней — какую-нибудь резную фигурку. На этой фотографии вы видите одну из таких книг.

Писали батаки черными, нерастворимыми в воде чернилами собственного изготовления. Ручку с пером заменял черешок листа аренговой пальмы.

Батакский алфавит называется си-сия-сия. Посмотрите, какие интересные у них буквы.

А, ха, ма, на, ра, та, са, па, ла, да, нга, ба, ва, йа, нийа, и, у

Теперь батаки пользуются обыкновенным латинским шрифтом. Он дает полную возможность передать все тонкости произношения батакских слов.

Латинским шрифтом печатаются батакские журналы, выходящие в городах Северной Суматры. Батакские писатели пишут теперь свои книги на индонезийском языке, понятном для всех народностей страны. Они обогащают индонезийскую литературу, вносят большой вклад в развитие национальной культуры.

* * *

На любом языке об одном и том же можно сказать по-разному. В зависимости от обстоятельств можно сказать «рука» или «верхняя конечность», «простуда» или «гриппозное состояние». Простую фразу «ты заврался» можно заменить более вежливым оборотом речи: «то, что вы утверждаете, не вполне соответствует истине».

Индонезийцы любят иносказательные выражения, часто называют вещи не их настоящими именами, а как-либо иначе. Бывает и так, что древний обычай запрещает им произносить некоторые слова. Так, например, манггарайцы — жители острова Флорес — во время сбора урожая не употребляют в разговоре названий домашних животных. Такова, говорят они, воля Мори Кераенга — мифического создателя вселенной. Ниспослав первым людям на земле рис и кукурузу, он сказал:

— Слушайте меня внимательно! Я дал вам эти растения для того, чтобы у вас была еда. Но запомните! В дни, когда вы будете собирать урожай риса или кукурузы, не называйте животных их настоящими именами. Называйте буйвола коротконогим, а лошадь — длинноногой...

И у тораджей — жителей острова Сулавеси — во время уборки риса многие слова становятся запретными. Их нельзя произносить: будет беда.

Вместо «баула» (буйвол) надо говорить «бангке вити» (большеногий), вместо «асу» (пес) — «каджоко» (мохнатый), вместо «боти» (обезьяны) — «торрираа» (живущая на ветвях), а слово «ньяра» (лошадь) заменяется словом «толоджолио» (длинномордая).

Батаки в некоторых случаях пользуются иносказательным языком, который называется «андунг». Обычные повседневные слова заменяются описательными словами и выражениями, которые считаются более вежливыми.

Вот несколько примеров:

на обычном языке	на «андунге»
пат (нога)	симанджоджак (шагающая)
танган (рука)	симангидо (просящая)
обук (волосы)	ситарупон (крыша)
бинтанг (звезда)	сихумирдо (мерцающая)
игунг (нос)	симанулус (принюхивающийся)
ломбу (корова)	силолом ни робеан (некто, темнеющий на склоне горы)
хода (лошадь)	си джамби-ихур (некто с петушиным хвостом)
сира (соль)	силумангса иджур (нечто, вызывающее слюну).

Интересен и батакский «язык листьев». Что это такое? Допустим, девушка получает от своего возлюбленного несколько листьев различных растений. Они называются так: ситарак, хадунг-дунг, ситата, ситанггис, подом-подом и пау. Взглянув на листья, она тотчас же улавливает смысл послания: «С тех пор, как мы с тобой расстались, я не могу заснуть без слез».

Что же послужило ключом к разгадке этого «зашифрованного» письма? Рифмы и созвучия. Название каждого листа по своему звучанию напоминает то или иное слово, которое автор «письма» имеет в виду. Так, например, «ситарак» созвучно слову «марсарак» (расставаться), «ситанггис» напоминает «тангис» (плакать), «подом-подом» рифмуется с «модом» (спать) и так далее.

* * *

Читатель! Пусть волосы твои поседеют, а спина зарастет мхом!

Не обижайтесь! У меня и в мыслях не было сказать вам что-либо неприятное. Эту фразу произносят батаки, когда хотят пожелать человеку многих лет жизни. Для нас она звучит непривычно, но, как гласит батакское народное четверостишие,

Другие горы,
Другие травы,
Другие деревни,
Другие нравы.

Таких четверостиший — называются они «умпама» — батаки знают превеликое множество.

Вот несколько «умпама»:

Зелен лист бамбука,
А еще зеленее — множество листьев,
Хорошо твое суждение,
А еще лучше — суждение народа.

Вареный рис
Уже нельзя истолочь;
Вымолвленное слово
Уже нельзя изменить.

Очень вкусна свинина,
Вкусна, если ее поджаришь.
А еще вкуснее беседа с другом,
Разговор о том, о сем.

Чрезвычайно занятны батакские пословицы и поговорки. Далеко не каждую, разумеется, можно сразу понять, не зная всех тонкостей местного быта.

Допустим, я скажу: «Хоть и черен абал-абал, место его на парапи; а коза, хоть и белая, живет под домом». Казалось бы, смысл ее неясен, а между тем все очень просто. «Абал-абал» — это сосуд, сделанный из ствола толстого бамбука, с круглой крышкой, это необходимая в хозяйстве вещь: крестьяне хранят в нем воду или продукты. Снаружи он всегда черен от дыма и копоти. «Парапи» — нечто вроде антресолей, где держат домашнюю утварь. Значит, «абал-абал» занимает высокое (то есть почетное) место.

Коза живет в самом низу, в хлеву, который всегда находится под домом. Свои дома батаки строят на высоких сваях.

А смысл пословицы вот какой: ничтожный человек, даже богатый, не заслуживает уважения, а человека благородного, каким бы он ни был бедным, всегда уважают.

Батаки беспощадно высмеивают хвастунов, сравнивая их с «лесной голубкой, которая все время выкрикивает свое имя».

Лесная голубка по-батакски называется «хатуту». А ее крик звучит как «туту». Вот и получается, что она сама себя хвалит, все равно как человек, который то и дело твердит: «Я! Я! Я!»

Про тех, кто держит нос по ветру, батаки говорят: «Хитрый, как угорь: рыбам показывает свой хвост, а змеям — голову» (хвост у угря, как у рыбы, а голова похожа на змеиную).

А вот хороший совет болтунам: «Прежде чем подать голос, оближи свои губы» (то есть сначала хорошенько подумай, а потом уже говори).

Когда человек не может принять решение и не знает, как ему поступить, батаки говорят: «Это все равно, что выпалывать симарэме-эме». Объяснение простое: «симарэме-эме» — сорняк, который очень трудно отличить от молодых рисовых стеблей. И полоть надо и боишься вырвать не то, что нужно!

Само собой разумеется, что у батаков много пословиц и поговорок, понятных нам без всяких объяснений. Вот, скажем, такая пословица: «Хоть тверды и колючи ветки, а живет на них обезьяна; хоть и холодна вода, а живет в ней рыба» (то есть каждый хорошо чувствует себя в привычных условиях).

У батаков есть множество интересных загадок.

Угадайте, что это такое:

Своих детей не носит, а чужих носит (лошадь).

Вырвешь — не увянет, посадишь — расти не станет (волосы).

Улица в Медане — столице Северной Суматры.

Индонезийские школьницы.

Ходит на восьми ногах да еще пошатывается (рак).

Много ест — язык длинный, мало ест — язык короткий (пламя).

От дождя защищен, а все равно весь мокрый (язык).

Сотни их и тысячи, а кишка у них одна (коралловое ожерелье).

Ветви есть, а листьев нет (рога оленя).

То, за чем идешь, приходит раньше тебя (кокосовый орех — взобравшись на дерево, человек срывает его и сбрасывает вниз).

Разрежешь мясо — увидишь кость.
Разрежешь кость — увидишь мясо.
Разрежешь мясо — увидишь море.

(Это тоже кокосовый орех. Снаружи он покрыт густым слоем волокон, под ними — скорлупа, под скорлупой — мякоть, под мякотью — кокосовый сок.)

Батаки так любят всевозможные загадки, что даже придумали своеобразную игру, которая называется «Сказка-загадка».

Играют обычно двое, и не только ребята, но и взрослые. Тот, кто загадывает, произносит «волшебное» слово:

— Торхан — торхананса! (Нечто вроде нашего «чур-чура!».)

Отгадывающий отвечает:

— Торхан!

И тогда первый задает, скажем, такой вопрос:

— Как бедным кули удалось отведать сахарного тростника до того, как его отведала сама хозяйка?

— Дело было так,— отвечает второй.— Кули пришли на поле и привели с собой собаку. А потом они спросили у хозяйки:

«Можно нам взять хотя бы один стебель?»

«Нет, нет,— ответила она,— я сторожу здесь каждую ночь, все смотрю, чтобы ничего не украли».

«Ну, а собаку-то нашу можно привязать здесь?»

«Это можно. Привяжите ее к толстому стеблю». Кули привязали пса, потом, не торопясь, пожевали бетель и ушли, будто позабыв про собаку. Та лаяла и рвалась на привязи. А кули, отойдя подальше, стали звать собаку. Собака наконец вырвала стебель с корнем и приволокла его к кули. Они распутали веревку и вволю полакомились тростником.

А вот еще одна загадка.

— Торхан — торхананса!

— Торхан!

— Как черный жук сумел съесть медведя?

— А это было так. Черный жук полз по отвесной скале над пропастью и встретил медведя, который шел по узкой тропинке.

«Сдавайся, жук,— сказал медведь,— я тебя съем!»

«Зачем же мне сдаваться? Что я плохого сделал, в чем провинился?»

«Ни в чем не провинился, а я тебя все равно съем, потому что я голодный».

«Ну что ж, пусть будет по-твоему. Только давай договоримся так: сумеешь скатиться вниз — съешь меня, а не сумеешь — пеняй на себя».

«Ладно. Только сначала спустишься ты!» — сказал медведь.

Жук полетел вниз.

«Я уже на дне!» — крикнул он медведю. Тот прыгнул в пропасть и разбился о камни. А жук созвал всех своих друзей, и они вместе съели медведя.

* * *

В Индонезии двести различных народностей, двести различных языков. Но сейчас эту страну объединяет «бахаса Индонесиа» — государственный индонезийский язык. Как ловкие руки крестьянки вяжут в сноп стебли сахарного тростника, так и «бахаса Индонесиа» сплотил и сблизил народности, искусственно разобщавшиеся колонизаторами на протяжении столетий.

Путешествуя по Индонезии, по разным ее островам, я нередко бывал в школах, училищах и университетах, где преподавание теперь ведется на индонезийском языке — одном из величайших языков Юго-Восточной Азии.

На государственном гербе Республики Индонезии изображена священная птица Гаруда. В когтях она сжимает ленту, на которой начертаны слова: «Бхиннека тунгал ика». Это означает: «Единство в многообразии».

ЗДРАВСТВУЙ, УРОЖАЙ!

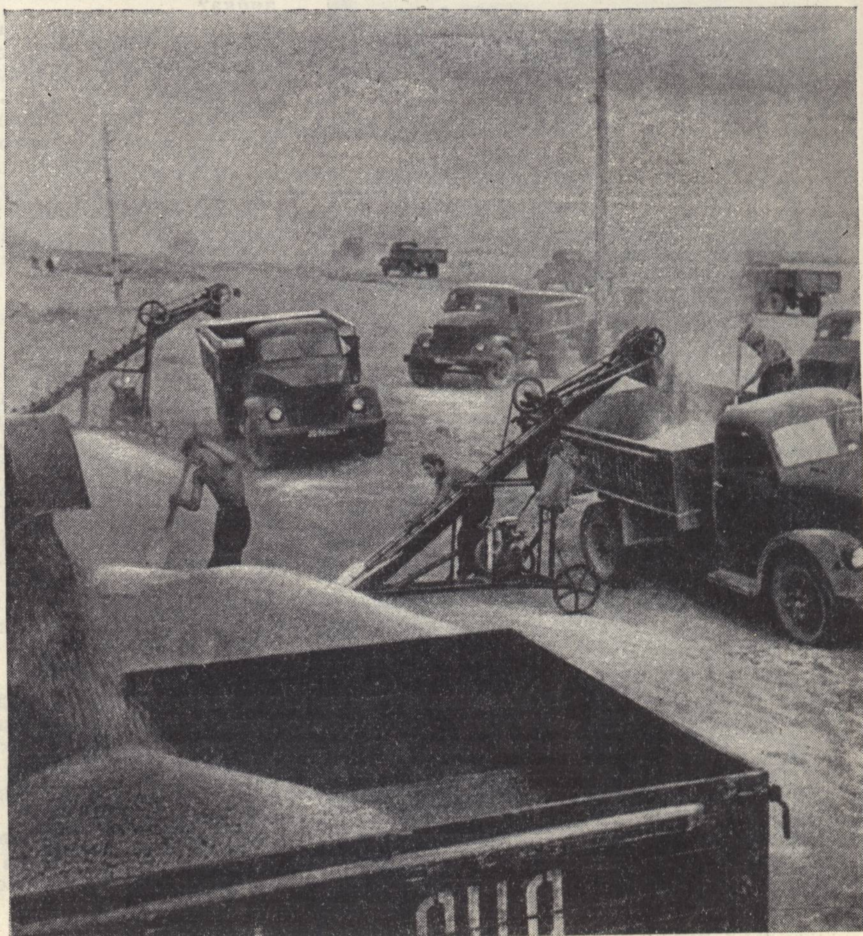

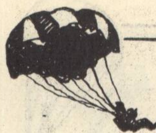
Все ребята любят малину. Самая сладкая ягода! Маленькая Наташа тоже, конечно, любит.

Восемь с половиной лет назад здесь была голая-голая степь. Потом пришли трактористы, поставили палатки, распахали степь. А вот нынче ребятишки, которые родились в семьях первых новоселов, уже идут в школу. Для них-то и созрел чудесный, душистый урожай.

В совхозе «Московский», где мы встретили Наташу, плодово-ягодный сад огромный — в двадцать гектаров. Чего только нет в саду! Яблоки разных сортов, сливы, вишни, смородина красная и черная, малина... И таких садов в Целинном крае сотни!

Восьмой раз убирают целинники свой главный — золотой — урожай. Миллиарды и миллиарды пудов пшеницы — даже невозможно представить себе, какие это горы! — подарила стране целина. На нашем снимке вы видите, как движется золотой конвейер: с полей — на ток, с тока — на элеватор.

Минута в воздухе

Первые занятия кружка парашютистов начались, как всегда, с вопросов.

— Скажите, а прыгать очень трудно? — спросил нетерпеливо ерзавший на самой первой скамейке худенький мальчишка Юрка Березин.

— Конечно, трудно,— улыбнулась Надежда Петровна и добавила: — И очень просто!

Юрка только присвистнул: еще бы, ей-то просто — пятьсот раз прыгала, мастер спорта!

Потом Надежда Петровна рассказала ребятам о том, как создавалась техника парашютного спорта. Ребята узнали, что механизм современного парашюта безупречен, что он не может не сработать. Остается только не помешать белому зонтику распахнуться за спиной. Но... оказалось, что и это не так-то просто.

Неопытный наездник, чтобы удержаться в седле, инстинктивно хватается за гриву коня. Не умеющий плавать барахтается, беспорядочно размахивая руками. Это делается бессознательно и порой помогает неумелому, начинающему спортсмену держаться в седле или на воде. Падающему с высоты нет смысла хвататься за воздух. Бессознательные движения ему только помешают. Силой воли, разумом, постоянно контролируя себя, он должен победить инстинкт самосохранения.

Пока самолет стоит на земле, нетрудно выпрыгнуть из него. Но когда мотор запоет под облаками, парашютисту поздно размышлять о том, что прыгать следует ногами вниз, взявшись руками за запасной парашют на груди. В воздухе это придется делать не задумываясь. Поэтому Надежда Петровна десятки раз входила с каждым новичком в кабину и следила за малейшей ошибкой.

Прыгать из кабины неподвижного самолета — это уже стало надоедать ребятам, и однажды на аэродроме Юра заговорил о том, что пора бы уже перейти к настоящим прыжкам.

Вместо ответа Надежда Петровна почему-то сказала:

— Ну-ка, попробуй упасть в сугроб лицом вниз, держа руки за спиной.

Снег был мягкий, пушистый. Юра, не колеблясь, наклонился вперед, но тут же невольно вытянул перед собой руки.

Надежда Петровна рассмеялась.

— Рановато тебе прыгать! Учись владеть своим телом.

И снова начались бесконечные занятия на земле, тренировки на качелях, специальных подвесных балках.

Снег уже стаял, когда Юре разрешили первый раз подняться в воздух. Вместе с ним в легкий спортивный самолет села и Надежда Петровна, нарочно избравшая этот ветреный день для своего прыжка. Ей предстояли соревнования на первенство мира.

— Следи за мной,— сказала она Юре.

И Юра приник к окошечку. От высоты и болтанки у него слегка кружилась голова. Сверху все выглядело иным, и он не сразу понял, где остался старт и где белая полоса, на которой нужно приземлиться Надежде Петровне.

Речка, бежавшая километрах в пяти от аэродрома, оказалась теперь прямо под ними. Юра подумал, что, если что-нибудь упадет сейчас за борт, не пройдет и минуты, как расплывутся по тихой воде круги.

А для Надежды Петровны минута эта была очень длинной. Она в последний раз проверила секундомер, укрепленный на ранце висящего на груди запасного парашюта. Тридцать раз подпрыгнет его большая черная стрелка, прежде чем раскроется купол.

— Пошел! — скомандовал летчик.

Надежда Петровна шагнула в распахнутую дверцу кабины.

Самолет развернулся, описывая круг, и Юра отчетливо увидел, как она, широко раскинув руки в стороны, будто поплыла по невидимой волне.

Парашют не раскрывался, но Юра не беспокоился. Он знал, что Надежда Петровна совершает так называемый комбинированный прыжок: она должна сама открыть парашют в определенное время, сначала проделав в воздухе несколько упражнений.

А Надежда Петровна в это время уже забыла

СПОРТ

и о Юре и обо всем, что не имело сейчас отношения к ее прыжку.

Раскинув руки, Надежда Петровна «легла» на воздушную струю, всматриваясь в белую стрелу, ясно видную на темном поле аэродрома.

Черная стрелка секундомера в это время не спеша отсчитывала: секунда, вторая, третья... Воздушная струя проскользнула где-то выше, и теперь парашютистка падала вниз.

Четыре, пять... Ветер свистит. Он здесь дует не справа, не слева — он кругом.

Восемь, девять, десять... Внимание!

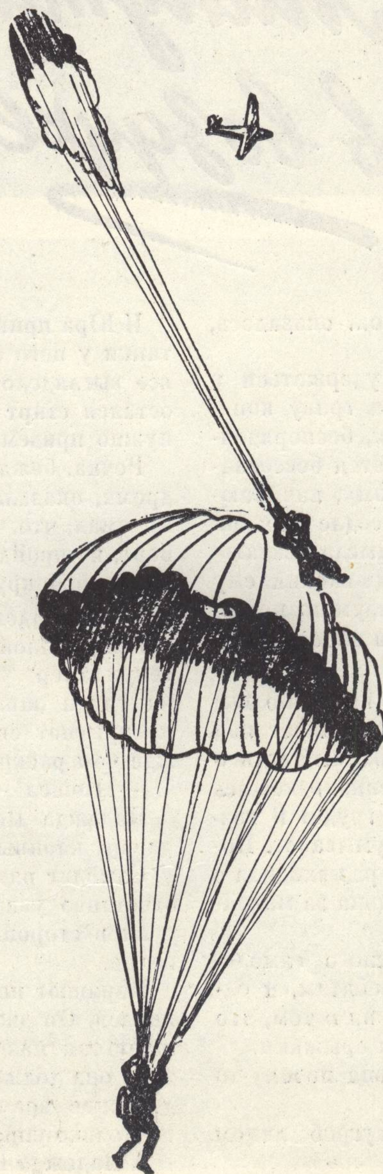
На белом полотнище появился сигнал-команда: разворот вправо на триста шестьдесят градусов и сальто.

Теперь любоваться землей некогда да и нельзя: неточный поворот головы — и четкость, чистота выполнения комбинации будет нарушена; судьи, которые оттуда, с земли, наблюдают в специальные объективы за спортсменкой, словно астрономы за кометой, сразу заметят.

Плавно, как на экране при замедленной съемке, Надежда Петровна чуть повернула руки. Поток воздуха ударил в ладони, и парашютистка медленно поплыла вправо. Еще немного — едва заметное движение пальцев, как в танце индийских девушек,— и поворот закончен.

Еще несколько делений перескочила стрелка. Если сейчас взглянуть вниз, уже различишь отдельные фигурки в толпе на аэродроме... Но смотреть вниз рано: осталось выполнить сальто.

Это очень сложно и совсем еще недавно вообще казалось почти что невозможным. Да и сейчас его выполняют пока лишь мужчины — парашютисты международного класса и сильнейшие из женщин-парашютисток.

Надежда Петровна никогда не занималась акробатикой. На земле ей, крепкой, широкоплечей, пожалуй, трудно было бы подбросить вверх свое тело. В воздухе все по-другому: резкость, толчок, сила — все это сейчас не нужно. Нужно совсем другое. В ее распоряжении оставалось всего несколько секунд, но спешить, как и раньше, нельзя. Медленно, плавно сложиться в комок, вытянуть руки.

Облака на мгновение оказались внизу, потом снова поплыли вверх. Сколько на секундомере? Стрелка прошла уже почти половину круга. Идет двадцать пятая секунда.

А как там, на земле? Сигнальная стрела лежит чуть впереди, значит, направление сохранено точно. Река уплыла куда-то в сторону, а деревья по краю летного поля становятся все ближе и ближе. Как хочется скорее почувствовать запах травы и твердость ровной земной поверхности!

Теперь кажется, что стрелка движется невыносимо медленно. Она едва одолела половину круга. Дальше, дальше... Тридцатая секунда. Пора!

Сильным, резким усилием мышц (наконец-то можно разрядить напряжение!) Надежда Петровна дергает кольцо. Знакомый, столько раз испытанный рывок — и купол наполняется воздухом. Прошло сорок секунд. До земли осталось чуть больше шестисот метров.

Теперь приземлиться как можно ближе к белому полотнищу. Надежда Петровна подтянула стропы, управляя куполом, как парусом яхты. Недаром зарубежные журналисты писали: «Русские владеют парашютом, как игрой на арфе».

Тень от парашюта бежала по земле к Надежде Петровне и становилась все отчетливее. Наконец она сомкнулась со своей «хозяйкой». Земля!

Через два дня, когда стих ветер, настал ответственный час и для Юры. Лямки туго притянули к спине тяжелый ранец с парашютом.

Надежда Петровна закрепила на специальном блоке карабины — хитроумные крючки, которые, расстегнувшись автоматически, распахивают парашютный ранец.

Ребята притихли. Все волновались, но старались не выдать волнения перед первым шагом в воздушную пропасть.

Юрина очередь. По команде он подошел к открытой дверце. Он был уверен, что не волнуется. Но вдруг захотелось на мгновение забыть все, чему его учили, все, что стало уже привычным. Захотелось присесть и, закрыв глаза, броситься вниз. Нет, этого делать нельзя! «Сейчас прыгну»,— мелькнуло в голове, и, стараясь не терять чувства ответственности за каждое свое движение, Юра шагнул вперед.

Почувствовав, как натянулись лямки, увидев над головой шелковый купол, он понял: все в порядке, самое трудное сделано.

До земли оставалось лететь еще секунд пятьдесят, и Юра осмотрелся. Над ним, немного выше, парила в воздухе Марина. Она была легче и спускалась медленнее. Внизу виднелись фигурки поджидавших товарищей. Земля приближалась. Слегка согнув ноги, Юра ждал толчка, но лететь пришлось еще несколько метров.

Едва Юра успел погасить парашют, как к нему подбежали друзья. Радостное, счастливое чувство охватило его. Он забыл секундное колебание там, у борта. Если бы можно было сейчас же, не откладывая, прыгнуть еще! Хотелось десятки раз рассказывать всем о прыжке.

Последней приземлилась Надежда Петровна. Не дав ей расстегнуть лямки, Юра бросился к ней с нетерпеливым вопросом.

— Когда же будем еще прыгать?

— Сначала расскажи, как ты летел, пока не раскрылся парашют. Кажется, тебя немного развернуло вправо? — спросила Надежда Петровна.

Юра растерянно взглянул на инструктора.

— Не помню...

— Значит, несколько секунд ты не владел собой. Но ничего... Это дается не сразу.

Прошел месяц. Юра прыгал уже три раза, но и теперь не очень-то отдавал себе отчет в том, что происходит с ним. И ожидание прыжка в кабине и первые секунды в воздухе проходили обычно, как во сне, и, только почувствовав, что парашют стал плавно раскачиваться, Юра приходил в себя.

Из-за этого чуть не произошло несчастье.

Это был четвертый Юрин прыжок и пятьсот пятый прыжок Надежды Петровны. В тот день они прыгали вместе.

Надежда Петровна хотела показать Юре технику приземления и поэтому первой переступила порог кабины. Для нее этот прыжок с высоты восьмисот пятидесяти метров был совсем несложным, и она, раскрыв парашют, спокойно повисла в воздухе, любуясь землей.

И вдруг... Тревожно зашелестел шелк. Надежда Петровна вскинула взгляд. Что-то темное, большое падало сверху, приминая край купола.

«Юра! Нетерпеливый мальчишка! Не выдержал интервала...»

Еще не развернувшийся парашют тянулся следом за Юрой. Сейчас он запутается в ее стропах, парашют не сможет раскрыться, и тогда...

Времени терять было нельзя. Что есть силы Надежда Петровна схватила скользящего сверху паренька.

— Давай распутываться!

Юра зацепился ногой за стропу ее парашюта и беспомощно барахтался, не в силах освободиться.

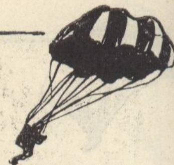
А земля становилась все ближе. Теперь Надежда Петровна уже не парила в воздухе: ее парашют не мог сдержать тяжести двоих.

Для того, чтобы выпутаться, освободить свой парашют, Юре надо было приподняться. Легко сказать «приподняться» в воздухе, когда, согласно всем законам физики, летишь вниз!

Воздух для Юры не стал еще, как для Надежды Петровны, привычным. Он не умел, как она, владеть своим телом. Сейчас Юра видел только начавший гаснуть купол чужого парашюта над головой, натянутые стропы, больно резавшие ему сквозь комбинезон ногу, и почти спокойное лицо тренера.

— Опирайся мне на плечи!

Юра оперся, хотя ему и показалось, что этим

он будто толкнул Надежду Петровну вниз, и земля приблизилась скачком.

— Теперь встань!

— Не удержаться!

— Удержу!

Сильные руки спортсменки придали Юре уверенность, словно нашлась в этом воздушном пространстве надежная, спасительная опора.

Уцепившись рукой за кожаный шлем, облегающий голову парашютистки, Юра выдернул застрявшую в стропах ногу.

Свободен! Теперь Надежда Петровна что было силы оттолкнула его: лети! Она взглянула на секундомер и увидела, что прошло совсем немного времени: до земли оставалось метров пятьсот. Купол Юриного парашюта расправился и медленно нес его к площадке на летном поле.

Они приземлились почти одновременно. Еще бледный от пережитого, Юра молча погасил парашют и скинул с плеч лямки. Потом тихо и чуть удивленно сказал Надежде Петровне:

— Сегодня я помню все.

Надежда Петровна с тревогой взглянула ему в глаза: «Быть может, он так испугался, что теперь отступит? Бросит спорт? Парашютизм не всякому под силу, а Юра такой впечатлительный...»

Но Юра, казалось, понял ее сомнения. Снова прозвучал его голос, хотя по-прежнему тихо, но уже твердо:

— Хоть тысячу раз буду прыгать! И всегда буду помнить...

Н. Колесникова

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Поединок окончен. Еще не переступил Валерий через канаты, ограждающие ринг, а друзья уже тут как тут.

Победа! Первый выигранный бой! Какой бы мальчишка не радовался на месте Валеры? Лицо юного боксера светится улыбкой. Улыбаются глаза, губы, щеки. Даже у пухлой кожаной перчатки какой-то особенный, веселый вид!

Эта первая победа на ринге — результат упорных тренировок. Валерий Лукьянов, ученик шестого класса, занимается в детской спортивной школе ДСО «Труд» в Москве.

Е. РУБЦОВА

Фото А. Кличникова.

Молодые хозяева земли

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

В самом начале апреля цветут персики. Ярко-розовыми облачками клубятся они в школьном саду, и кажется, что это утренняя заря опоздала уйти, запуталась в тонких раскидистых ветках. Дорожка идет сквозь персиковую зарю, а в конце дорожки белое здание школы широко раскинуло по земле крылья своих флигелей.

Селение Занги-ата, Янги-Юльского района, входит в большой колхоз имени Свердлова. В Занги-ата не одна школа, а полдесятка — четыре восьмилетних и одна одиннадцатилетняя.

В эту одиннадцатилетнюю школу я приглашаю вас, дорогие читатели, совершить сегодня путешествие, чтобы узнать, как Саидахмат стал писать стихи, как пионеры поторопили тутового шелкопряда, как они собирали ситец на дорогах, почему Насиба никак не решит, кем быть.

Начнем путешествие прямо с поля, где ведет сев школьная производственная бригада, и назовем эту главку по-узбекски:

ДАЛА МАЛИКАКИ́

Дала Маликаки́ означает «царица полей». Этот титул и в Узбекистане присвоен кукурузе. Именно ее сеет школьная производственная бригада на том самом поле, с которого мы начинаем путешествие.

Трактор идет ровно. В таких случаях говорят: «Как по ниточке». Но здесь это образное выражение приобретает прямой смысл. Через все поле протянулась стальная ниточка — трос с запрессованными через каждые шестьдесят сантиметров кругляшками. Кругляшки вроде тех, что на счетах, только металлические.

За рулем — Гюльсара.

Это направляющая нить квадратно-гнездовой сеялки. Задевая за кругляшки, ползунок приводит в действие устройство зерносбрасывателей, и через каждые шестьдесят сантиметров крупные золотистые зерна падают в землю.

Да, трактор, ведущий «СКГ», не должен вилять, иначе никаких квадратов на поле не получится, а без квадратов не получится механизированной обработки потом, когда взойдет и зазеленеет Дала Маликакй.

Десятиклассница Гюльсара ведет трактор. На меже, у тоненьких, в этом году посаженных топольков, ждут остальные комсомольцы: ждут своей очереди сесть на высокое сиденье, взять в руки штурвал и почувствовать живое биение мотора, сердца машины.

Насиба Тешабаева нетерпеливым движением отбрасывает за спину тяжелую массу волос, разделенных на множество тугих косичек, и перехватывает их концами голубой сатиновой косынки, чтоб не мешали. Сейчас придет ее очередь.

Насиба очень гордится тем, что она учится в группе механизаторов, и почти с сожалением смотрит на будущих полеводов, хотя и те учатся водить трактор.

В конце концов, думает Насиба, это совсем не одно и то же: только управлять машиной или уметь наладить, отремонтировать, вылечить ее, когда машина «заболеет». А она, механизатор, будет уметь это, когда выучится.

Но вот Гюльсара кончила загон, разворачивает трактор, ребята на том конце переносят проволоку, и Насиба садится за руль. Так, меняя хозяев, трактор послушно курсирует от края до края поля: от тополевых прутиков на одном конце к узловатым, голым, еще не развернувшим листьев тутовым деревьям на другом конце, у арыка.

Ожидающие очереди проверяют вместе с агрономом школьной бригады контрольную линию, раскапывая гнезда, считая в них зерна, измеряя интервалы.

СПОР НА МЕЖЕ

Все шло правильно. Этот день, первый день школьного комсомольского сева, обещал быть безоблачно счастливым. Но... лопнул направляющий трос. С большими предосторожностями срастили проволоку. Затаив дыхание, смотрели, пройдет ли ползунок через место сращения, и едва трактор отошел, кинулись проверять квадраты.

Кажется, есть маленький сдвиг? Ничего! Он совсем маленький. Но на следующем загоне еще один обрыв троса. И в довершение следующая проверка показала, что половина гнезд... пустые. Разладился механизм зерноподачи.

Зерноподачу отрегулировали, но квадраты были безвозвратно утеряны. Перержавевший трос погубил работу целого дня, а главное, уплыло время, драгоценное время наилучших сроков сева. И ведь завтра с этим тросом будет то же! А где взять другой? Все сеялки заняты во взрослых бригадах. Там тоже сев и тоже минуты на счету.

Кто-то предложил:

— Давайте посеем простой рядовой сеялкой, а как появятся всходы, пройдем культиватором поперек рядов. Вот и будут квадраты. Где нужно, подсеем вручную. Сил не пожалеем, чтобы получились хорошие гнезда!

— А может, подождем, пока взойдут эти, и будем их исправлять? Где подсеем, где выдернем...

У школьной бригады болельщиков не меньше, чем у какой-нибудь футбольной команды. Прослышав о затруднениях, на меже собралась тьма народа. Тут были и колхозный бригадир, и старший агроном колхоза, и многие учителя, и сам директор школы.

Решающее слово сказал старый колхозник, уважаемый человек, известный на весь район хлопковод.

Выслушав историю неудачных квадратов и предложения, как их исправить, старик сказал:

— Орлята сначала учатся летать, а потом приносят добычу. Разве мы от наших детей ждем лишнюю горсть кукурузы или хлопка? Мы ждем от них умения. Пусть учатся самому лучшему, самому передовому. Это не механизация — сажать квадраты вручную. Сейчас у них четыре гектара. А что будут делать потом на сотне? Должен найтись для них хороший трос. Должна найтись сеялка. Пусть сеют правильно. Пусть учатся работать не силой, а умением.

Солнце уже садилось. Когда же на следующее утро оно поднялось над корявыми тутовниками, трактор вел сеялку по новому, крепкому тросу, пересевая поле. А вечером комсомольцы с гордостью рассказывали своим домашним, что квадраты теперь — ну прямо как на шахматной доске.

В бригаде работают, вернее, учатся работать школьники девятых, десятых и одиннадцатых классов. А пионерам, думаете, не хотелось бы? Им говорят: в бригаду рано, не полагается. И они действительно не могут управлять машинами. Но разве это значит, что нет дел, которые пионеру по силам?

Накануне сева юные механизаторы еще раз проверили трактор. Бердыбай Юлдашев и Минахан Хасанов за подготовкой шатунной группы.

ЗОЛОТАЯ ПАУТИНКА

Тутовые деревья на полях, на обочинах дорог, по берегам арыков — это не для красоты и даже не для тени. Прислушайтесь к шепоту их листвы — вы ясно различите в нем тонкий и нежный шорох ярких и нарядных шелковых тканей.

Тутовые деревья просыпаются поздно — в середине апреля, когда тополя стоят уже совсем зеленые, а персики роняют последние розовые лепестки.

К тому времени, когда появятся листья на тутовых деревьях, в колхозном инкубаторе из грены выведутся крохотные черные гусенички тутового шелкопряда. Бригада юных шелководов школы ждет с нетерпением этого дня. Приготовлено помещение. В школьной столярной мастерской сделаны стеллажи. Затянуты сетками окна. Хорошо налажена вентиляция.

Бригада разделена на четыре звена по восемь человек в каждом. Душа бригады — учительница Гюльджахан Кияметдинова. Гюльджахан-апа поставила перед ребятами задачу — выращивать шелковичных червей методом знатного шелковода Хурмата Тешаева. Это значит выращивать так, чтобы они завили коконы не на тридцатый день, а на двадцать третий. Метод Хурмата Тешаева на первый взгляд прост: содержать шелкопрядов в нормальной для них температуре воздуха, при нормальной влажности и обеспечивать им нормальное питание. Но в этой простоте скрывается величайшая сложность. Нельзя ни в чем ни на день, ни на час отступать от «нормального», потому что, если отступишь, никакие уговоры на гусеницу не подействуют: она составит свой «график жизни» и будет его придерживаться.

Гусеница ест. В первом и втором возрасте ей нужны крошеные тутовые листочки. В третьем возрасте — молодые побеги. В четвертом и пятом возрасте ей уже нужны хлысты метровой длины. Еда должна быть всегда вовремя и всегда свежая.

У гусениц есть враги, крылатые муравьи, например. И надо защищать их от му-

равьев, потому что муравью нет дела до шелковых тканей: любая гусеница для него — лакомая добыча, даже если это высокопородистый, драгоценный гибрид «японского № 10» с «китайским № 15».

У гусеницы есть болезни. Если после линьки не убраны остатки старого корма, гусеницу поразит грибок: либо карасан — черная болезнь, либо сары-касаль — желтуха.

Нет, совсем не просто выполнить «простые» условия Хурмата-аки. Но какой же смысл учиться не самому лучшему? И пионерская бригада работает передовыми методами. И гусеницы у нее раньше срока проводят все четыре линьки. И раньше срока они завивают коконы, жемчужно-белые коконы гибрида, маленькие и в то же время полновесные, с очень длинной и прочной паутинкой. Паутинка серебристая с виду, но в ней скрыты золотое узбекское солнце и золотые пионерские трудодни, а главное — с ее помощью крепнут молодые, упорные, терпеливые руки, золотые руки будущих мастеров шелководства.

САИДАХМАТ ПИШЕТ СТИХИ

Саидахмат — в шестом классе, а Мусавар — в пятом, так же как и Ходыча. Сейчас они, собственно говоря, уже стали на класс старше, ведь старый-то учебный год кончился и вот-вот наступит новый. Но пятиклассники или шестиклассники — какое это имеет значение, если вам вдруг говорят, что на колхозной ферме родились телята и каждому, кто хочет, поручат теленочка.

Это было в январе, когда промерзшая земля звенела под ногами, как барабан, а солнце всходило красное и сердитое, будто не выспалось. Каждый день после уроков, поеживаясь от холодного ветра, Саидахмат и остальные юные животноводы спешили к четвероногим малышам. Малыши были смешные и милые. Рыженькая телочка База смотрела на Мусавар мутно-синими глазами из-под ресниц, как у кинокрасавицы, и старалась пожевать угол фартука. У Ходычи Сивка оказалась ужасной шалуньей. Что касается Саидахмата, то ему достался в высшей степени кроткий, послушный и ласковый Ильмус — черненький бычок с белой звездочкой посреди широкого лба. Он очень быстро стал узнавать Саидахмата и сразу прибегать на зов. Саидахмат, поздоровавшись с Ильмусом, надевал резиновый фартук, чистил теленка, поил, кормил, менял подстилку. Маленький Ильмус очень повзрослел с января, но он все такой же ласковый и все так же обстоятельно вылизывает Саидахмату руки своим толстым голубым шершавым языком.

— Пей, База, пей,— говорит пионерка Мусавар.

Очень трудно рассказать, как хорошо становится на душе от смешных телячьих нежностей и почему при виде лобастого, вислоухого и толстоногого Ильмуса Саидахмату хочется смеяться и петь. Саидахмат и сам не знает, как сложилась у него песня о теленочке. Первые слова придумались, кажется, по дороге домой.

Ак бузогым аломат
Отын куйдым Саламат...

Белая телочка-красавица,
Назвал ее Саламат.
Поднимаюсь я утром рано,
Хожу по лугам неустанно,
Собираю зеленый клевер,
Сочный, душистый клевер.
Белая телочка-красавица,
Ей бегать и прыгать нравится.
Бегу за ней, догоняю,
Здороваюсь, угощаю.

Не удивляйтесь, что черненький Ильмус превратился в беленькую Саламат! Во-пер-

вых, автору стихов это показалось более поэтичным. Во-вторых, «аломат» и «Саламат». Звонкая рифма иногда требует жертв. В-третьих, Саламат — счастливое имя: в нем пожелание здоровья. Стихи эти рождены радостью труда.

СИТЕЦ НА ДОРОГАХ

Вдоль шоссе столбы электропроводов. На каждом столбе прибит деревянный ящик с красным флажком. Словно путеобходчик, шагает пионер по закрепленному за ним участку дороги. Уже раскрываются коробочки, белоснежными пуховками засветились хлопковые поля. Началась уборка, и по дорогам Узбекистана едут машины, груженные хлопком. Но коробочки теряются в пути. Одна зацепилась за ветку колючей изгороди, другая выбилась из упаковки, и ветер унес ее в сухой придорожный арык. Немало этих потерянных коробочек белеет в дни уборки на дорогах, на межах, в узких переулках, где из-за глиняных изгородей-дувалов протянулись ветки урючин, джиды, алчи. И ходят по дорогам Узбекистана пионерские посты — посты потерянных коробочек. У каждого свой участок шоссе: два столба, три столба. У каждого свой переулок, своя тропка в поле. Ходят и бережно собирают потерянные коробочки, как собирают русские пионеры потерянные колоски.

Ложатся коробочки в ящики с красными флажками. И каждый пионер знает: килограмм поднятых коробочек — это пять метров ситца, яркого, цветастого, нарядного ситца, спасенного от гибели под колесами машин, под ногами прохожих, в грязи и в пыли.

Не может пятиклассница Азиза водить хлопкоуборочный комбайн, хотя она решила: вырасту — буду турсунойчи [1], буду и сеять и убирать машиной. Но не ждать же сложа руки, пока это время придет! Маленькое как будто дело — потерянные коробочки, но, если она и другие пионеры школы имени Ленина и все пионеры во всех колхозах Узбекистана не дают им потеряться, многометровая река добавочного ситца выплывает с ткацких станков Ташкентского текстильного комбината. Вот почему весело улыбается Азиза на фотографии в заголовке. Она и ее друзья по отряду собрали немало таких белоснежных шелковистых комочков.

---

[1] Турсунойчи — последовательница Турсуной.

КОНЕЦ, В КОТОРОМ СКРЫТО НАЧАЛО

Ну как, ребята? Кажется, в нашем путешествии вы узнали все, обещанное вначале? Да, чуть не позабыла! Вам еще неизвестно, почему Насиба Тешабаева никак не выберет, кем быть. Вы уже немного знакомы с Насибой. Вы видели, как она ведет трактор с квадратно-гнездовой сеялкой на кукурузном поле. Но если вы придете на ферму рано утром, до уроков, вам встретится Насиба с доильным аппаратом в длинном проходе коровника. Вместе с другими школьницами-комсомолками она учится электродойке. Взрослые доярки их хвалят.

А если вы в школе зайдете в класс, где весело жужжат и стучат швейные машинки, вы снова увидите Насибу. Она вам скажет с гордостью, что умеет шить русские платья.

Так вот почему не может выбрать Насиба, кем быть!

«Все работы хороши», — сказал Маяковский. Но это как раз и затрудняет ей выбор. Стать механизатором? Дояркой? Или стать работницей швейной фабрики в Ташкенте? Насиба еще не решила. Но мы знаем: она решит правильно. Все работы хороши! Комсомолка Насиба выберет ту, которая сейчас нужнее для людей, для родного колхоза.

Ну, вот и конец. В нем скрыто начало большой жизни многих ребят. Они окончат школу, которая научила их трудиться и жить.

Удар кетменя — и путь воде открыт. Десятками ручейков ринется она из арыка на поле — поить зеленые квадраты хлопка.

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 6 (18) АВГУСТ 1961 г.

«ЗАПИШИТЕ НАС В КОСМОНАВТЫ!»

В Музее Советской Армии собраны подарки первому космонавту Юрию Алексеевичу Гагарину.

Есть там подарки и от ребят.

Чехословацкий школьник подарил Ю. Гагарину книгу М. Седлоня «Астронавт». Красный галстук с вышитой золотом надписью: «Гагарину Ю. А. от пионеров г. Кировска, Мурманской области» — тоже лежит теперь под стеклом.

Рядом телеграмма от внуков и детей К. Э. Циолковского: «Поздравляем Вас с победой в космосе. Запишите нас в космонавты!».

Журнал «Пионер» получил много писем по случаю первого полета человека в космос. Вот строки из писем:

Днем 13 апреля сразу после школы я пошел за газетами. Я купил газеты и пошел на остановку автобуса. Постепенно к остановке подходили люди. Они попросили меня показать портрет первого космонавта Юрия Гагарина. Я охотно отдал газету. Она пошла по рукам. Все смотрели и удивлялись. Особенно старушки. Хотя уже давно подошел автобус и отстоял положенные ему три минуты, никто не садился. Он так и пошел пустой...

Игорь Лизунов.
г. Электросталь.

Дорогая редакция!

Мы думаем, что, может быть, через несколько лет человек будет летать в космос так, как сейчас летают люди на самолетах.

Слава Голиков и Валера Игнатов,
г. Красногорск.

Дорогой Юрий Алексеевич!

Хотя я девочка, но я очень хочу побывать в космосе и с высоты посмотреть на нашу родную Землю. И я уверена, что обязательно побываю там.

Татьяна Коватева,
г. Елец.

Корреспонденты ЮнТАСС сообщают

Пос. ХРИСТОФОРОВКА, ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ. Наш первый вклад в двухлетку — 2 100 посаженных деревьев. Мы еще посадили 200 кустов винограда и 20 тысяч штук кустарника. Это ведь тоже хорошо! Но на этом мы не остановимся. Для пионерской двухлетки мы готовы делать еще больше.

Вита Воробьева

ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ, ФЕДОРОВСКАЯ ШКОЛА. Учащиеся нашего класса взялись вырастить и сдать государству 6 тысяч утят. Совхоз выделил нам один зал в цехе, где стоят клетки с утятами.

Люба Ганенко.

НИНА РАЗРЫВАЕТ ПАУТИНУ

Нина Пухалева, ученица средней школы № 1 города Мензелинска, и ее подруга Валя Жарова читают «Пионерскую правду». Что здесь особенного? Но еще недавно Нина не могла носить красный галстук. Мать заставляла ее подолгу молиться богу, запретила ходить в школьные кружки, и даже в кино Нина бегала тайком.

Нина Пухалева нашла в себе мужество и сорвала с шеи крестик, висевший со дня рождения.

— Мама, не заставляй нас больше молиться, и в церковь мы больше не пойдем! — сказала она матери.

Нина говорила не только о себе: она думала о младших — брате и сестре.

Вскоре Нину приняли в пионеры.

ПОЧЕМУ В МАГНИТОГОРСКЕ НЕТ ДОМА ПИОНЕРОВ?

Дорогая редакция журнала «Пионер»!

Есть у нас к вам вопрос: почему в городе Магнитогорске нет Дома пионеров? Во всех городах есть, а у нас нет. Город такой большой. Просим ответить.

Владимир Сальников

От редколлегии «Пионерских известий».

Мы связались по телефону с Магнитогорском, и нам подтвердили, что в городе нет Дома пионеров. Редколлегия «Пионерских известий» просит товарищей из Магнитогорского исполкома и горкома комсомола ответить, когда будет построен городской Дом пионеров.

Мы думаем, что когда в Магнитогорске начнется строительство, пионеры не останутся в стороне.

Ждем вашего ответа, товарищи взрослые!

В тайгу мы пришли уже вечером. Поставили две палатки, разожгли костер. Когда костер прогорел, наш вожатый сказал, чтобы мы собрали хворост, и тут произошло самое интересное.

Витя Скворцов зашел очень далеко и вдруг услышал, что кто-то заворчал позади него. Он побежал, а за ним кто-то бежал и ворчал.

Добежав до речки Чумыш, Витя пошел по мокрому бревну через нее. Не дойдя до середины, он поскользнулся и упал в воду.

Собака Гены Зайцева прыгнула за ним и потащила его к берегу.

Собравшись у костра, мы не нашли Вити и собаки и начали кричать им.

Вскоре все сидели и слушали рассказ Вити. Оказывается, он напугался собаки, с которой всегда играл.

На другой день вожатый Анатолий Михайлович предложил нам сделать мостик через речку в том месте, где Витя упал.

У нас были два топора и пила. Мы нарубили сухих осин, сделали мостик и целый тротуар — это чтобы еще кто-нибудь не упал.

Юра Зенков

Прокопьевск.

ДЕЖУРНАЯ.

Фото члена фотокружка Московского городского Дома пионеров Сергея Болдина.

ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ. ЧИСТОПОЛЬСКАЯ ШКОЛА. В нашей школе создано три звена. Наше звено из пяти человек. В него входят Люба Набоко, Оля Бейс, Галя Еременко, Нина Ибряева и я. В прошлом году мы вырастили 6 600 утят, а в этом обязались вырастить 10 тысяч.

В. Зенцова

ЗАПОРОЖЬЕ. Пионеры средней школы № 34 к 19 мая выполнили свои обязательства по сбору металлического лома. Сдали 110 тонн, а обещали — 100.

Валерий Зайцев

КОЛХОЗ «ПУТЬ ИЛЬИЧА», АЗОВСКОГО РАЙОНА, КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ. Провели в школу водопровод. Ученики сами копали ров для труб.

Евгения Мельник

Эти два рисунка взяты из газеты немецких пионеров «Die ABC Zeitung».

«ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ»

Пионеры отыскали могилы неизвестных советских воинов, павших в боях за освобождение Горловки от фашистов. Останки бойцов перенесены теперь в центр города, где над братской могилой поставлен памятник героям. Над могилой зажжен «вечный огонь». Это символ славы павших бойцов.

Юнкор Олег Герасимов

г. Горловка.

ЮНКОРЫ-МОСКВИЧИ!

Всех, кто хочет работать в «Пионерских известиях», ждем каждый вторник с 16 до 18 часов в помещении редакции.

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ ОТВЕЧАЮТ

Будут ли в 1961 году принимать на курсы школьных журналистов? Если будут, то когда и какие требования?

Валя Колбасова

г. Тагарск, Новосибирской области.

Курсы, Валя, действуют все время. Чтобы получить звание юнкора, нужно выполнить три задания: написать заметку о самом интересном событии в твоем отряде, сделать макет очередного номера стенгазеты и придумать тему для «Смешинки».

Мы, корреспондентский пост № 88 газеты «Юный ленинец», хотим стать также и вашим корпостом. Вот состав нашего поста: Марк Непомнящий, Сергей Бутенко, Александр Полищук, Виктория Григорьева, Валентина Чубанова, Борис Беркович и Анатолий Левинский.

Корпост № 88

г. Харьков.

Принимаем. Ждем первых корреспонденций.

Предлагаем ребятам других городов и поселков организовать постоянные корреспондентские посты наших «Пионерских известий».

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Люся Болтина, Коля Булгаков, Миша Корси (художник) и Галя Кухтенкова.

МАКСИМ В СТРАНЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

(Продолжение.)

Юрий САМСОНОВ

Рисунки В. Алфеевского.

Глава тридцатая
ПОГОНЯ ЗА ТЕНЬЮ

— На лодки! В погоню! — закричал Рыжебородый.

Все, кто был в комнате, разом кинулись к дверям, помчались вниз по лестнице, вскочили в одну из лодок, дежуривших у подъезда. Другие лодки были уже заняты стражей, поднятой по тревоге. Лодки развернулись веером и покатились в разные стороны.

Максиму было интересно поглядеть, как движется этот странный экипаж без руля и без мотора. Оказалось, что это делалось очень просто. Рыжебородый уселся на носу лодки, приказал:

— Парус!

И сам собой, хлопнув, развернулся парус. Он напрягся, будто под сильным ветром, хотя ветра вообще не было. Колеса закрутились, лодка помчалась со скоростью пули. Рыжебородый только время от времени покрикивал:

— Влево! Прямо!

Вдруг он вскочил на ноги, поднял копье. Максим увидел круглое черное пятно. Пятно двигалось. Это была тень Пузыря. Она пыталась ускользнуть в сторону от лодки. Но лодка замедлила ход, Рыжебородый взмахнул копьем и отложил его в сторону. Тень замерла и растаяла, будто испарилась.

— Я поразил ее тенью копья,— сказал Рыжебородый удивленному Максиму.

Лодка катилась дальше. Максим глядел во все глаза на дома с плоскими кровлями, на которых были разведены сады. Крыши соединялись мостами, висящими на бронзовых цепях. По этим мостам можно было пройти на высоте над всем городом, если, конечно, дружно живешь с соседями. И наоборот, если поссорился с соседом, можешь поднять мост и не пускать его на свою крышу.

Многие дома поднимались вверх уступами, и на каждом уступе росли перед рядами окон низкорослые деревья и высокие кусты, зеленела трава, иногда там били фонтаны, иногда бежали быстрые ручьи, в одном месте с уступа на уступ спрыгивал буйный искусственный водопад, на обширной террасе другого дома Максим увидел настоящее озеро. В нем плавали живые лебеди...

Лодка свернула в сторону, пролетела по короткому переулку.

Блеснула впереди вода пролива. Суденышко с разгона врезалось в воду, подняв два столба брызг. И пошло по проливу мимо высоких зданий, выходящих фасадами прямо из воды. В их стены были ввинчены медные кольца, чтобы привязывать лодки.

Все дома в городе были построены из невиданного камня, окрашенного в синий, вишневый или темно-зеленый цвет. Кирпичики разных цветов чередовались, образуя орнамент, а иногда целые мозаичные картины размером во всю стену: гребец в лодке, молотобоец и наковальня, битва с Пузырями под городской стеной. На одной стене мозаика изображала карту Страны Приключений.

Наконец лодка подкатилась к какой-то башне. На ней стоял караульный.

— Мельницы опять заговорили,— сказал он.— Передают: войско в одном переходе от Зеленого Холма. Оно движется очень медленно. По-прежнему мешает туман.

За этой башней возле самой городской стены стоял большой дом с вывеской «Оружейная мастерская». У подъезда лодка остановилась, и все вошли в дом.

Там стоял ровный гул насосов, которые качали воду в две огромные машины. Из машин в большую воронку текла густая стекловидная масса. Из воронки она подавалась под пресс. И сквозь отверстие в полу сыпались вниз, на оружейный склад, готовые тугие луки, пучки оперенных стрел.

— Ну и древность! — сказал Максим.— Воюют, как при фараонах.

Рыжебородый взял лук и стрелы и велел Максиму

найти какую-нибудь цель. Максим выглянул в окно. Высоко над Зеленым Холмом парила черная точка — ястреб.

— Стреляй! — сказал вождь.

Максим натянул лук, спустил стрелу. Черное пятнышко закружилось в воздухе, как падающий осенний лист.

Оказалось, что из этого лука можно стрелять с закрытыми глазами. Важно только назвать цель, стрела найдет ее сама. Можно поразить цель, невидимую в темноте или скрытую за горой. Можно заставить стрелу закувыркаться в воздухе или даже вернуться обратно.

— Пусть приходят Пузыри,— сказал вождь.— Мы будем стрелять через стены, не глядя!

Лодка покатилась назад, в город. Дневные работы кончились. Улицы были заполнены народом, и лодка двигалась очень медленно. Где-то впереди звучала музыка. Показалась площадь, на которой уже начался праздник в честь возвращения Еловой Шишки. Ее окружили родственники, к карлику Бульбулю едва протиснулись обрадованные родители. Вокруг стоял такой гам, что Максим только из вежливости не заткнул уши. Все тянули его за собой, но ему не захотелось выходить из лодки.

Быстро наступала темнота. И стены зданий начинали светиться синими, зелеными, красными огнями. Вся площадь была охвачена этой сияющей рамкой. А сверху, из окон, на танцующих падали голубоватые и желтые лучи.

Ни Еловой Шишки, ни карлика уже не было в лодке. Максим вышел вместе с вождями. Его провели в дом, фасад которого выходил на площадь, показали его комнату и оставили одного.

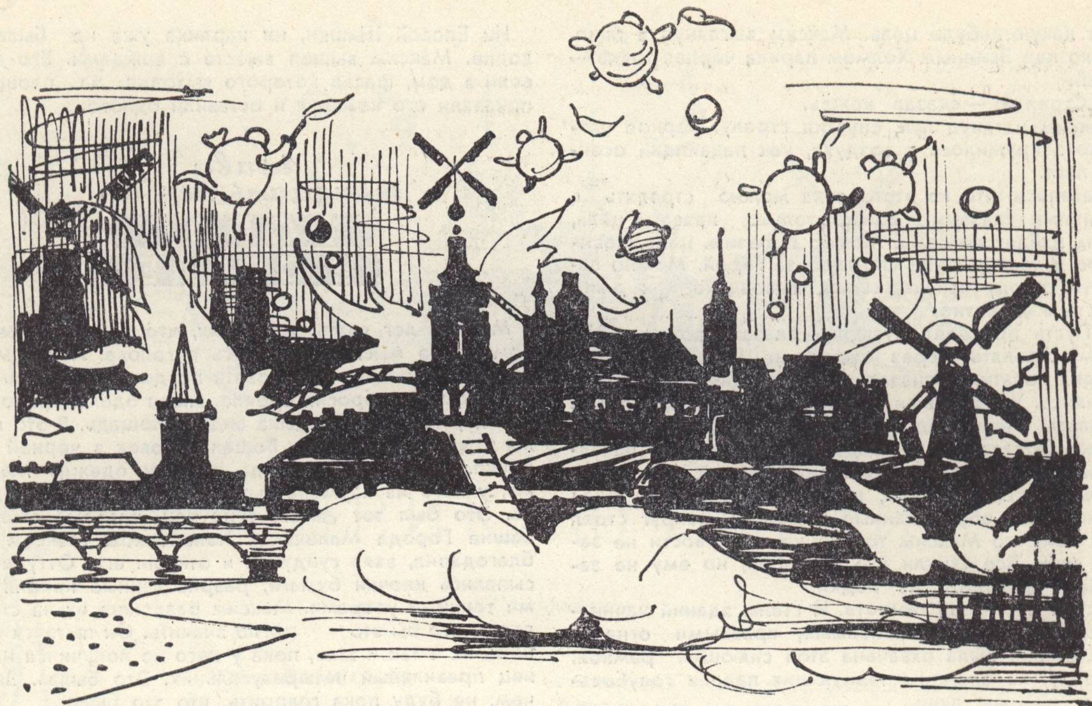
Глава тридцать первая
ГОРОД В ОСАДЕ

Максим лег спать, но понял, что не уснет: слишком много мыслей теснилось в голове. И потом он уже начал немного тосковать по дому и ребятам из команды. Он сбросил одеяло, снова оделся, подошел к окну, из которого была видна площадь. В это время в дверь постучали. Вошел человек в черной шапочке. Оказывается, когда чистили одежду Максима, у него из кармана выпала крошечная шкатулочка. Это был тот самый сундучок, который стоял в башне Города Маленьких Человечков. Максим поблагодарил, взял сундучок и открыл его. Оттуда посыпались клочки бумаги, разрисованные непонятными тонкими узорами. Максим разложил их на столе, гадая, что бы это могло значить. Он пытался сложить их и так и этак, пока у него не получился наконец правильный четырехугольник. Это была... Впрочем, не буду пока говорить, что это было.

Максим вскочил, хотел было позвать вождей, но передумал. Хитро ухмыльнулся, сложил бумажные клочки обратно, нырнул в постель и уснул.

И приснилось ему, что он снова попал в Пограничный Лес. Лес горел. Деревья трещали и падали наземь, взметывая искры, от которых загорались соседские стволы и кроны. Максим хотел бежать, но из-за толстого дерева вылез лесной дед, схватил его за плечо. Максим не мог даже крикнуть: он задыхался от дыма. И проснулся.

Было утро.

Казалось, сон продолжается. Комната и вправду была наполнена дымом, который валил с улицы в открытое окно. Максим спрыгнул с кровати и выглянул наружу. Верхние этажи зданий поднимались прямо из сизого потока дыма, ползущего по мостовой. Дальний край города пылал.

— Пожар? — удивился Максим.— Отчего пожар?

Он поглядел в сторону Зеленого Холма. Там ветер на миг разогнал дымовую завесу. Одного взгляда было довольно: холм сверкал, будто осыпанный битым стеклом. Это блестели копья невиданного огромного войска Пузырей.

— Эх! — сказал Максим.— А где же мои Летучие Пузыри?

И тут же он увидел Пузырей. Толстяки изменили клятве. Они носились в воздухе над городом. Они сбрасывали вниз пылающие факелы и стеклянные шары, наполненные мертвой водой!

Дверь отворилась. Вошли Еловая Шишка и карлик Бульбуль, а следом за ними — Рыжебородый, перемазанный сажей, усталый и злой. Огнем охватило добрую половину его бороды, и в комнате запахло паленым.

— Спишь? — сказал он хмуро.— А мы, видишь, воюем. Плохи дела!

Оказывается, Летучие Пузыри прилетели еще ночью, когда Максим спал, а город веселился. Пузыри стали бросать свои стеклянные бомбы прямо в праздничную толпу на площади. Началась паника, в которой пострадало не меньше народу, чем от шаров с их смертоносной начинкой. Пришлось погасить все огни, чтобы Пузыри не видели, куда бросать свои бомбы. Тогда они прилетели с факелами.

— С остальными-то легко было бы справиться,— сказал Рыжебородый.— Хуже всего Летучие Пузыри... Видишь, как жгут город? Улицы залиты мертвой водой, до Оружейной мастерской не доберешься. Нечем даже их сбивать.

Тут Максима осенило.

— Скажите, есть у вас громкоговорители?

Рыжебородый удивленно посмотрел на него.

— Зачем тебе? Есть один громкоговоритель. Сейчас придет.

Он отворил дверь, крикнул:

— Позовите громкоговорителя!

Максим пожал плечами, подумал, сел за стол и на клочке бумаги нацарапал несколько фраз печатными буквами, чтоб было разборчивее. В комнату вошел здоровенный краснолицый мужчина.

— Я громкоговоритель,— сказал он.

Задребезжали стекла. Максим схватился за уши.

— Возьмите эту бумажку,— попросил он,— полезайте на крышу и оттуда прочитайте ее так громко, чтобы услыхали на том конце города. Поняли?

Глава тридцать вторая
ГИБЕЛЬ ВРАГОВ

— Они! — ахнул Максим, который, не отрываясь, глядел в окно.— Откуда?

Он высунулся в окно, замахал руками. Рыжебородый увидел, что к дому во всю прыть несется группа Летучих Пузырей.

— Что ты делаешь! — рявкнул он, пытаясь оттащить Максима от окна. Однако тот не поддался, да еще растворил пошире обе створки окна. В комнату стали протискиваться Толстый Папа, Толстая Мама, Розовый Мальчик и еще несколько молодых толстяков. Ни у одного из них не было ни бомбы, ни факела.

Рыжебородый схватился за меч. Толстая Мама завизжала.

— Не бойтесь,— сказал Максим, отодвигая Рыжебородого в угол.— Вас не тронут.

— Мы и так не боимся,— сказал Толстый Папа, с презрением посмотрев на вождя.— Но все же закрой эту странную дверь,— он показал на окно.— За нами гонятся.

Действительно, над ближними крышами показалась толпа Пузырей. Было слышно, как они кричат:

— Ищите изменников! Ловите их! Куда они спрятались? В эту дверь? Или в эту? Шарьте, шарьте! Ищите, ищите! Нет, жгите все подряд! Бросайте стеклянные шары во все двери!

— Нам конец,— сказал, худея, Папа.

— Им конец,— спокойно откликнулся Максим: он услышал, как на крыше громогласно откашливается громкоговоритель.

— Летучие Пузыри! — загремел над городом его изумительный бас, подобный реву десяти тысяч пожарных сирен.— Толстяки, вы обманщики и предатели!

Пузыри над крышами смешались, закричали, завыли жалобно и испуганно. Бомбы блестящими каплями посыпались на крыши, разбиваясь вдребезги без всякого вреда для жителей. Летучая толпа кинулась по небу врассыпную. Но голос никому не дал убежать.

— Вы нарушили клятву Рога, Шипа и Стрелы! Вы пропустили к городу войско Топуса! Погибайте!

И, как стрижи с обгорелыми крыльями, Пузыри начали падать. Они съеживались в разноцветные комочки и валились, валились, валились на мостовую.

Глава тридцать третья
КАРТА ДЯДИ КНОПА

— Я не мог иначе,— сказал Максим.— Нам надо защищаться. И потом ваши братья живы. Их выпустят из плена, когда кончится война.

— Они убили бы нас всех, если бы успели,— сказала Толстая Мама.— Ты спас нас. Мы будем всегда верны тебе.

— Ладно,— сказал Максим.— Вы поможете мне добраться до Подземного Дворца.

Толстяки испуганно переглянулись. Карлик вытаращил глаза. Рыжебородый сказал:

— Что ты затеял? Невозможно пробраться в Подземный Дворец. Там только один вход, и он неприступен.

— Разве? — сказал Максим.— А я знаю еще один.

И он вытряхнул на стол клочки бумаги из крохотного сундучка. Сложил их правильным четырехугольником. Теперь на столе лежала подробная карта Страны Приключений. На ней была обведена тоненькой черной рамкой местность, где находился Подземный Дворец, и видны были два тоненьких крестика. Возле одного стояла надпись, сделанная почти невидимыми буквами: «Главный вход». Надпись возле второго крестика: «Тайный вход».

Вождь, немного подумав, сказал:

— Это карта Кнопа? Что ж, можно попытаться. Кто полетит?

— Я,— сказал Максим.

— И я,— сказал карлик.— Я маленький, но хитрый, и у меня есть чудесные очки дяди Кнопа.

— Я жила в Подземном Дворце,— сказала Еловая Шишка.— Со мной вы там не заблудитесь.

— Правильно,— сказал Максим.— Мы полетим втроем.

Так они и сделали, оставив Рыжебородого в одиночестве и помахав ему на прощание руками.

Попутный ветер помог Толстякам пронестись над вражеским лагерем так быстро, что ни один Пузырь не успел прицелиться из лука. Не прошло и часа, как летучая «упряжка» миновала Пограничный Холм и снизилась в Гиблом Овраге. Там на прежнем месте стоял привязанный к кустам плот.

— Садитесь,— сказал Максим своим спутникам.

Река кружила в быстрых бесшумных водоворотах листья и цветы кувшинок, травинки и ветки, подхваченные где-то на пути. В неспокойной воде дробилось на блестки жаркое полуденное солнце. Еловая Шишка и Бульбуль уселись на плот.

Максим толкнул плот от берега, вскочил на бревна и подал карлику свечу и спички.

— Зажги,— сказал он.

Он помахал Пузырям рукой на прощание. Те снова всхлипнули. Вода понесла плот прямо к черному отверстию второй пещеры. Бревна качнулись. Зеленая вода, пузырьки на ней, цветы и листья — все разом пропало. Поток глухо зашумел в темноте.

— Вот он, тайный вход! — с торжеством сказал Максим.

Вода была черна, как расплавленный асфальт. В ней мерцало отражение огонька коротенькой свечи, поставленной на толстое бревно. Огонек едва позволял разглядеть низкие своды пещеры, под которыми поток тащил на своем хребте плот с тремя молчаливыми пассажирами. Холодные капли падали сверху, заставляя Максима каждый раз вздрагивать, как будто от чьего-то неожиданного прикосновения. Максим хотел было заговорить, но карлик прижал палец к губам и показал на стену пещеры. На стене через равные промежутки повторялся один и тот же рисунок — длинное человеческое ухо. Когда плот проносило мимо, нарисованные уши шевелились на стенах, будто прислушиваясь...

Бульбуль надел очки и вдруг прошептал одними губами:

— Закройте глаза!

— Зачем?

— Будет страшно.

Максим отрицательно мотнул головой. Чего уж теперь бояться?

Впереди чернела глубокая ниша в стене. Плот поравнялся с ней. Максим вздрогнул, Еловая Шишка вскрикнула: из ниши протянулись костлявые, скрюченные руки, бледное запрокинутое лицо ощерило частые зубы. Блеснули при свечке выпуклые мертвые глаза. Плот понесло дальше. Мертвая рука высунулась из воды, но никого не успела схватить. И едва Максим отшатнулся от нового призрака, как впереди встал еще один и еще... Нарисованные уши шевелились все сильнее, уловив, что на подземной реке происходит что-то необычное.

— Они неживые,— еле слышно прошептал карлик.— Это фигуры, фигуры...

Он хотел сказать «статуи». Максим и сам понял это: ведь ни одна рука так и не притронулась к нему. Но все-таки он облегченно вздохнул, когда последний из призраков остался позади, поднимаясь над водой по пояс.

— Потуши свечу,— сказал тут карлик.

— Не надо,— ответил Максим, загородив огонек ладонью.

— Живей, живей,— шипел Бульбуль, вглядываясь куда-то в темноту. Но свеча продолжала гореть. Карлик с досадой потянулся к ней, но Максим оттолкнул его: больше всего он боялся сейчас оказаться в темноте. Хоть немножко света, а там будь что будет!

Видя, что от спутника толку не добьешься, Бульбуль состроил отчаянную гримасу и нырнул под бревна. Максим с Еловой Шишкой остались на плоту. В эту минуту стены пещеры раздвинулись. Плот вошел в небольшое подземное озерко, медленно поплыл на середину. Карлик не показывался. Но на спокойной воде Максим вдруг заметил оранжевый отблеск. Он опасливо огляделся. Поднял глаза вверх и обмер: в середине свода сияло вогнутое металлическое зеркало. Огромный глаз смотрел оттуда. Глаз моргал, шевелились толстые ресницы вокруг него. Глубокий зрачок величиной в чайное блюдце уставился прямо на Максима. Максим погрозил ему кулаком.

Вокруг глаза собрались глубокие борозды-морщины, он весело подмигнул. Позади плота загрохотала медная решетка. Она опустилась сквозь щель в потолке, запирая обратный путь. А поток шумно всосал плот в тесный подземный коридор и понес его дальше. Карлик вынырнул из воды.

— Надо слушаться умных людей,— сказал он сердито.

Максим промолчал.

— Теперь они знают, что мы здесь. Теперь будет трудно обмануть их. Слушайся меня и берегись: впереди еще не одна ловушка!

Глава тридцать четвертая

КАМЕННАЯ ПАСТЬ. ПРОИСШЕСТВИЕ НА ЛЕСТНИЦЕ

— Осторожно! Не качайте плот. Встаньте на ноги. Глядите в оба! — командовал карлик, балансируя на бревне. Впереди темнело что-то похожее на большой валун, который поднимался над водой и делил поток надвое. Плот со страшной быстротой несло прямо на него. «Разобьемся!» — мелькнуло в голове Максима.

— Прыгайте! — раздался спокойный голос карлика.

Максим подхватил Еловую Шишку, спрыгнул, завертелся в водовороте. Локоть его наткнулся на что-то круглое. Это была голова Бульбуля. Карлик зацепился за выступ в стене и удерживал Максима на месте что было сил.

Под сводами пещеры посветлело. Тяжелый валун дрогнул, приподнялся. Обнаружилось, что это голова громадного подводного чудовища. Свирепые глаза на страшной его морде светились красным огнем, поток весь влился в оскаленную зубастую пасть и пропал.

Плот вместе с горящей свечой встал на дыбы, нырнул, загремел в провале. Тяжелые челюсти сомкнулись над ним. В темноте опять зажурчала вода.

— Плыви,— сказал Бульбуль.— Лезь на голову этого зверя.

Вода понесла Максима. Он ощутил под пальцами шершавую мокрую кожу чудовища, но вряд ли смог бы вместе с девочкой вскарабкаться на его голову, если бы карлик, который влез туда первым, не протянул ему руку. Теперь они все трое стояли на покатой скользкой поверхности.

— Зверь тоже неживой,— сказал Бульбуль.— Он каменный, но ест, как мы, только больше. Мы накормили его плотом. Погляди вокруг: видишь что-нибудь?

Красные глаза каменного зверя тускло светили сквозь воду. Когда Максим привык к этому слабому, чуть мерцающему свечению, он разглядел возле себя веревочную лестницу.

Максим карабкался по лестнице первым, за ним Еловая Шишка, а за ней карлик Бульбуль. Лестница раскачивалась вдоль гладкой стены. Внезапно в стене обозначился чуть светлеющий четырехугольник — дверь.

— Там в темноте огоньки,— прошептал Максим.— Кто-то идет сюда.

— Лезьте выше! — сказал карлик.

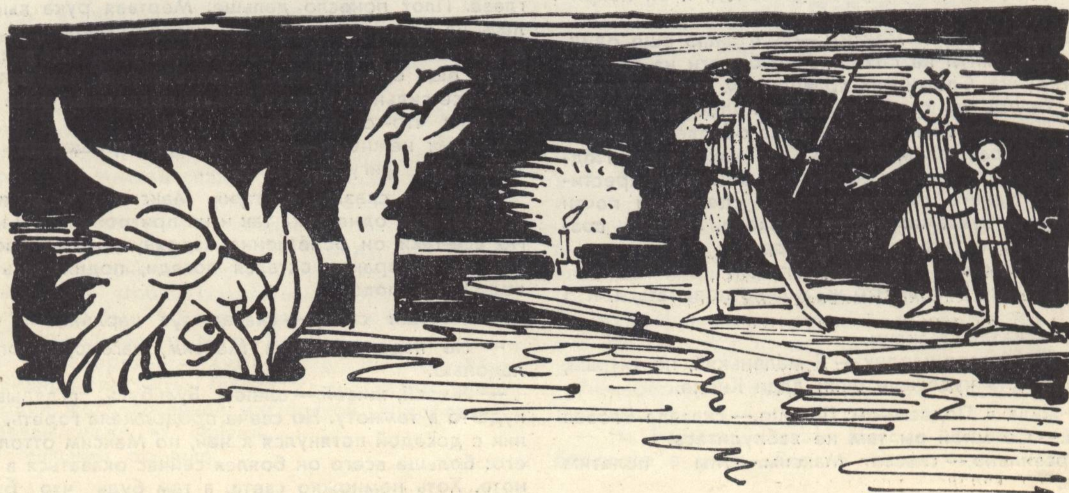
Максим и Еловая Шишка так и сделали. Бульбуль затаился внизу.

— Идут,— прошептал он.— Совсем близко!

Дверь осветилась изнутри красноватым светом фонарей. Лестница закачалась. Четверо Пузырей начали спускаться вниз, держа фонари в зубах.

Внизу скрипнули рычаги, ярко освещенная каменная пасть чудовища широко разинулась.

— Их нет,— донесся снизу удивительно знакомый голос.

— А плот? — спросил другой голос.

— Одни щепки.

— Нас опять перехитрили! — злобно крикнул третий голос, такой же знакомый, как и первые два. Теперь Максим узнал всех четверых Пузырей: это были те самые всадники, которые преследовали его и Еловую Шишку в Пограничном Лесу. Как бы для того, чтобы подтвердить это, четвертый голос выкрикнул:

— Да, опять ушли из самых рук! Они во дворце, клянусь сапогом Топуса! Живо наверх!

Это был голос Тайного Слухача. Карлик откликнулся:

— Не спешите!

Лестница перестала качаться. Четыре свирепых лица одно под другим глядели взерх, освещенные красноватым светом фонарей.

— Ты, карлик?

— Я, — ответил Бульбуль. Своими острыми, как бритва, зубами он перекусил одну из веревок. Лестница дернулась, закрутилась. Снизу закричали:

— Перестань! Брось эти шутки!

— Я не шучу, — ответил карлик. — Вы хотели убить моих друзей. Я оставлю вас в дураках.

Он перекусил вторую веревку. И лестница с четырьмя слугами Топуса, с их тяжелыми мечами, с багровыми огнями фонарей рухнула вниз, в разинутую пасть чудовища.

— А теперь пойдем дальше, — сказал Бульбуль.

Глава тридцать пятая
МЕДНАЯ ДВЕРЬ

Узким коридором, в который они вошли, обитатели дворца пользовались, должно быть, нечасто. На полу лежал слой пыли. При свете редких красноватых и зеленых фонариков Максим видел на полу свежие следы четырех Пузырей, но никаких других следов не было. Наверное, только эти четверо охраняли тайный вход. Возможно даже, что, кроме них, никто не знал ничего о Максиме: они скрыли это от других, чтобы ни с кем не делить награду...

Однако пришлось разочароваться. Когда Максим стал подниматься по лестнице, то на первой же площадке он увидел следы кого-то пятого! Следы пересекали площадку наперекрест: человек, скучая, расхаживал вдоль и поперек, спустился на несколько ступенек вниз, постоял, очевидно, прислушиваясь, и, чем-то испуганный, убежал прочь. Максим сказал об этом карлику и Еловой Шишке. Девочка очень встревожилась.

— Ступай за ним след в след, — сказала она. — Надо торопиться!

Максим пошел быстрее.

Лестница была вырублена в гранитной скале. В стенах по обе стороны были видны покрытые паутиной медные плиты, врезанные в камень. На каждой плите виднелось изображение шестиногой ящерицы, стоящей на хвосте. Еловая Шишка торопливо объяснила:

— Это двери в потайные кладовые. Чего там только нет! Но чтобы они открылись, надо знать заповедное слово, для каждой двери особое... Быстрее, уже близко, только десяток ступеней! Видите ту медную дверь? Она приоткрыта!

Наверху послышался лязг оружия, гул голосов. Максим, как подстегнутый, ринулся к двери, открыл ее, пропустил спутников вперед и вошел сам. Дверь закрылась. Максим прижал ухо к двери.

Шла дворцовая стража. Чей-то очень знакомый голос говорил:

— Они мне так ничего и не сказали. Но так хитро переглядывались и перемигивались, что я сразу смекнул: видно, подвернулось хорошее дело. Я потихоньку за ними... Вышел на лестницу — слышу крик, и все стихло. Ну, думаю...

Это был голос пятого всадника.

Шаги смолкли.

Еловая Шишка что-то прошептала карлику на ухо. Тот стал съеживаться, превратился в Маленького Человечка и выскользнул в приоткрытую дверь. Девочка ушла в глубину пещеры и оттуда позвала Максима:

— Входи!

Это была очень большая пещера, но половину ее занимал огромный колокол, подвешенный к своду, уходящему во мглу. Колокол тускло блестел при свете маленького фонаря. Под фонарем, раскинув руки, спал неподвижный, как статуя, человек гигантского роста. Под голову себе он положил тяжелый медный молот.

— Кто это? — тихо спросил Максим.

— Не знаю, — сказала Еловая Шишка. — Но я слышала о нем. Говорят, что он просыпается всего два раза в сутки — ровно в полдень и ровно в полночь. И когда проснется, ударяет в колокол молотом, снова падает и засыпает. Еще говорят, что когда он ударит полночь в неурочный час, наступит конец царству Топуса.

Она задумалась о чем-то. Кто-то тихонько поскребся в дверь. Максим приоткрыл ее и снова захлопнул: перед дверью маячила чья-то страшная фигура... Голос карлика Бульбуля пропищал:

— Да откройте же!

Это он, оказывается, стоял за дверью, разнаряженный, как чучело, с грудой разноцветного тряпья в руках.

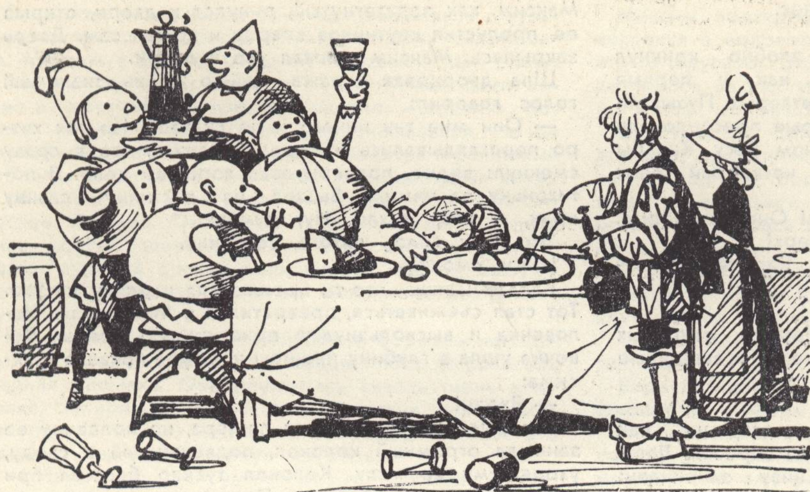
— Ты была права, — сказал он Еловой Шишке, вбегая в пещеру. — Во дворце карнавал! Все радуются, что город погибает, все пьют и ходят в масках. Я дошел до самой костюмерной и достал вон сколько подходящей одежды. Держите!

Он швырнул тряпки на пол. Еловая Шишка наклонилась и выбрала костюм для Максима. Ему пришлось натянуть потертые штаны, на которые были нашиты гирлянды иголок. Иголки тихонько позвякивали. Потом он надел красный суконный жилет с восемью рядами пуговиц, а поверх жилета — короткую куртку из разноцветных лоскутков. Еловая Шишка напялила на него рыжий парик. Карлик подал ей коробочку с гримом. Девочка нарисовала Максиму огромные рыжие брови, красной краской намазала нос и щеки. Отступила на шаг, хлопнула в ладоши, засмеялась.

— Ты стал похож на одного человека, который живет здесь, во дворце. Запомни: ты ученик придворного портного. Тебя зовут Туглутом, но это все равно, потому что ты не можешь запомнить даже собственного имени, так ты глуп. Ты до того бестолков, что ничему не можешь выучиться, и тебя держат здесь для смеха, а нарядили так, чтобы иголки, нитки, пуговицы всегда были у тебя под рукой и чтобы ты на уроках не вертелся, помня, что даже сидишь на иголках.

Она накинула платье кухонной служанки, надела маску. Карлик влез Максиму в карман. Еловая Шишка открыла дверь и сказала:

— Пошли!

Глава тридцать шестая
ВРАЖЕСКИЙ ПИР

Еловая Шишка привела Максима к крутой каменной лестнице, которая уходила вниз. Он остановился на площадке, повел раскрашенным носом: вкусные запахи так и гуляли вокруг. Казалось, их можно пощупать. Он вспомнил, что не успел сегодня даже позавтракать. Это придало ему храбрости. Он вприпрыжку пустился вниз по ступенькам. Наконец перед глазами Максима открылась огромная пещера с закопченным потолком и стенами, выложенными плитками черного дуба. Во всю длину ее тянулся стол, уставленный темными пузатыми бутылками вперемежку с громадными, жарко начищенными блюдами, на которых дымились жареные бычьи туши. Тут же стояли подносы с горами хлеба. Сначала Максим увидел все это, а потом уж — Пузырей, рассевшихся вокруг стола на тяжелых табуретах. Тут Максим вспомнил, кто он теперь. Пошатываясь, побрел через зал прямо к непочатому блюду и вонзил нож в жареный бычий бок. Он сидел, обгладывая громадную кость.

Глава тридцать седьмая
ПРИГЛАШЕНИЕ В ЗАПОВЕДНУЮ ПЕЩЕРУ

Пузыри были уже изрядно навеселе, когда в пещеру вошли Трубач и Глашатай. Трубач затрубил, а потом Глашатай произнес речь:

— Топус, Великий Пузырь, Гроза Вселенной, радуясь удачному походу, зовет вас в Заповедную Пещеру, чтобы вы позабавились!

В дверях началась давка, от которой первыми пострадали Глашатай и Трубач. Но Максим вместе с Еловой Шишкой успел проскочить впереди других. Скоро они очутились в Заповедной Пещере. Там было полным-полно знатных Пузырей, поэтому только три-четыре десятка Пузырей из дворцовой челяди проникли в Заповедную Пещеру, а потом бронзовая дверь, обложенная серебряными пластинами, с музыкальным скрипом захлопнулась перед самым носом остальных.

Толпа придворных приглушенно и почтительно гудела. Все как будто отрезвели. Максиму показалось, что некоторые как-то странно на него поглядывают. Он широко зевал и с самым дурацким видом пялил глаза на стены, обтянутые черным бархатом, на который золотыми гвоздиками были прибиты серебряные подковки. С потолка на золотых цепях свешивалась люстра с миллионом алмазных подвесок, сверкающая, как яркая звездная россыпь. Большой круглый стол стоял посреди Заповедной Пещеры, и около него — единственное в пещере большое мягкое кресло. Здесь никто не смел сидеть, кроме самого правителя. Но Топуса не было.

Бродя по пещере, Максим заметил странную вещь: огромное, в полстены, зеркало находилось почему-то под охраной. Дюжий Пузырь с ножом в рукаве прохаживался возле него, хмуро поглядывая на окружающих. И никто не смел к этому зеркалу подойти. «Тут что-то не так»,— сказал себе Максим. И, тихонько подвывая, зевнул прямо в лицо стражнику.

— Дурачок! — с презрительным сожалением сказал тот.

Максим отвернулся от него, чтобы поглазеть на пузатый резной сундук высотой в человеческий рост. Сундук был заперт на пудовый замок из красной меди.

Огни в люстре стали медленно тускнеть. Пещера погружалась в темноту. Последние отсветы гасли на лицах. И во мгле Максим услышал отдаленное, громкое: «Топ! Топ! Топ!»

Протяжно пропела труба. Голос Глашатая произнес:

— Топус, Правитель Страны Пузырей, Гроза Вселенной!

Загорелась алмазная люстра. Посреди Заповедной Пещеры стоял толстый мальчишка, обутый в огромные красные сапоги.

Топус сел в кресло. Подал знак. Слуга снял со стола покрывало и...

И произошло то, о чем я расскажу в следующей главе.

Глава тридцать восьмая
ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ О МАЛЕНЬКИХ ЧЕЛОВЕЧКАХ

Пробираясь в Подземный Дворец, Максим не знал, как он отыщет Волшебную Искорку и освободит Маленьких Человечков. Ведь, кроме карты дяди Кнопа, у него ничего не было. И никто не знал,

где Топус прячет свои сокровища и держит пленников. Может быть, чудесные очки карлика могли бы помочь, но карлик был вынужден притаиться в кармане и помалкивать. Поэтому пришлось действовать так, как подскажут обстоятельства. Пока что надо было попросту хорошо разыграть роль Туглута.

Но Максим едва удержался, чтобы не выйти из этой роли, когда слуга сдернул со стола покрывало, и перед глазами возник странный мир.

Уже не алмазная люстра сверкала над залом, нет: ясно светило солнце над цветущими зарослями шиповника. В кустах сердито жужжали потревоженные осы, и жужжание их было явственно слышно, потому что в пещере наступила тишина.

И над зарослями поднималась зубчатая стена игрушечного города, точно такого же, какой Максим уже видел в Гиблом Овраге. По углам городской стены высились четыре башенки, обшитые листами меди. Розовели ряды черепичных кровель на домиках с балконами из медной проволоки. Короткие тени зданий лежали на гладкой мостовой, по которой усатые упряжки черных тараканов тащили тяжело нагруженные повозки. Максим глазам своим не поверил: кучерами на повозках были Маленькие Человечки! Полицейский на перекрестке тоже был Маленький Человечек, и еще были Человечки-прохожие, Человечки-пассажиры в лакированных колясках. Маленький Человечек с лестницей на плече вышел из ворот одного дома, приставил лестницу к фасаду, влез, протер блестящую дощечку-вывеску над дверью, потом снял с двери крошечный медный замок и, кланяясь, впустил в помещение группу Человечков-зевак, которые толпились перед домом. Это был Человечек-торговец.

Но Человечков-полицейских в этом городе было куда больше, чем всех остальных жителей. Они слонялись по улицам, бессовестно заглядывая в окна, останавливали и обыскивали чуть не каждого прохожего. Прохожие покорно поднимали руки и, сутулясь, шли в полицейский участок.

Полицейские в три ряда стояли перед самым большим зданием в городе. На крохотных окошках всех шести этажей этого здания можно было разглядеть решетки из толстой проволоки. Вероятно, это была тюрьма.

Придворные восхищенно вздыхали, глядя на таинственный городок.

— Я объясню вам,— сказал Топус,— откуда все это взялось.

Вы помните, как мятежник Кноп хотел со своим невидимым войском напасть на Подземный Дворец. Он был уже совсем близко. Но в это время случилось несчастье с одним зеркальцем... Впрочем, вам не надо об этом знать. Все войско из-за этого попало в Гиблый Овраг. Но Кноп был неглуп. Он не растерялся и, может быть, причинил бы мне большие неприятности. Но верный человек выдал его затею Великой Тетке Орутре и принес ей чудесную палку, которая может превратить любого из вас в Маленького Человечка, если я так захочу!

Топус грозно взглянул на придворных. Он продолжал:

— Когда я узнал об этом, я велел собрать всех разбойников, грабителей и воров, помиловал их и превратил в маленьких полицейских. Я обещал сделать их большими людьми, если они добудут Маленьких Человечков. Однако...

Топус передохнул, помолчал и закончил:

— Придется им навсегда оставаться Маленькими Полицейскими. Я поселил их в этом городке, который построил для собственного удовольствия. Другие Маленькие Жители — это разный подозрительный сброд, задержанный на дороге в Город Удивительных Чудес или схваченный по подозрению. Я поселил их сюда, чтобы Маленькие Полицейские не скучали. Потом посмотрим... А настоящие Маленькие Человечки, злые и опасные враги, там, в тюрьме. Что я хочу с ними сделать, увидите сами.

Топус хлопнул в ладоши.

— Приступить к забаве!

(Окончание в следующем номере.)

Что Нам Читать?

РАССКАЗАННОЕ И НЕРАССКАЗАННОЕ

Жизнь человека измеряется не столько годами, которые он прожил, сколько делами, которые он сделал. И, значит, если мы говорим о писателе, мало знать, что ему, скажем, 70 лет. Важнее, какие книги он написал, потому что книги — главное дело писателя. Ими прежде всего измеряется его жизнь.

Александру Мелентьевичу Волкову исполнилось 70 лет.

Его первую книжку, «Волшебник Изумрудного города» (переработка известной сказки Ф. Баума «Мудрец из страны Оз»), ребята очень полюбили.

Еще бы! Помнишь, сколько пришлось девочке Элли и ее друзьям — Страшиле, Железному Дровосеку и Трусливому Льву — претерпеть, чтобы достичь Изумрудного города и потом Элли вернуться в Канзас, а Железному Дровосеку заполучить сердце, Страшиле — мозги и Трусливому Льву — смелость? Кто только не вставал на их пути! Ужасный Людоед, чудовища Тигромедведи, злая волшебница Бастинда... И всех их победила бесстрашная девочка Элли с друзьями.

— В письмах и по телефону ребята меня часто спрашивают,— рассказывает писатель,— а что было с Элли дальше?.. Недавно я закончил книгу о новых приключениях Элли и ее друзей в волшебной стране. Она будет называться «Урфин Джюс и его деревянные солдаты». Урфин Джюс — жестокий и завистливый столяр. Он случайно находит волшебное средство и с его помощью захватывает власть в Изумрудном городе. В плен к нему попадают Страшила и Железный Дровосек. И вот им на выручку спешит Элли со своим дядей Чарли...

После «Волшебника» А. Волков написал немало книг, и среди них «Земля и небо» — занимательные рассказы по географии и астрономии.

— Сейчас я пишу повесть о Джордано Бруно,— говорит Александр Мелентьевич.

И хотя герой новой книги — ученый-астроном, это уже будет повесть историческая, одна из ряда исторических повестей писателя: «Чудесный шар», «Два брата», «Зодчие», «След за кормой»...

— Почему вы беретесь за такие разные книги? — спрашиваем мы писателя.— Вот у вас то сказка, то рассказ об астрономии, то книжка по математике, а то исторический роман...

— Трудно сказать,— говорит Александр Мелентьевич,— но, наверное, оттого, что, когда я был школьным учителем, я преподавал и арифметику, и физику, и историю... Если увлекательно рассказывать, ребятам все нравится. Вот и тянет меня то к истории, то к астрономии, то сказку захочется написать...

— А за какую книгу вы приметесь после повести о Джордано Бруно?

Александр Мелентьевич молчит, улыбается. Разве вот так скажешь сразу, к чему потянет?

И мы не будем торопить с ответом — подождем еще нерассказанной книги писателя.

Вл. Глоцер

Иллюстрации Н. Радлова к сказке «Волшебник Изумрудного города».

ПОДВИГ ОСТАНЕТСЯ БЕССМЕРТНЫМ

Хотя мы с Генькой были в ссоре, я все же не удержался и позвонил ему.

— Генька,— крикнул я в трубку,— ты знаешь, кого я сейчас встретил?

— Нет.

— Писателя Леонида Волынского.

— Подумаешь! — явно ехидничая, ответил он.— Вот если бы Льва Толстого...

— Да ты не понимаешь: он не только писатель, но еще и художник...

— Он что, тебе свои картины показывал? — перебил меня Генька, и вдруг я почувствовал, как Генька словно замер, и потом услышал его хриплый от волнения голос: — Постой, это тот самый, о котором твой отец сказал: «Подвиг Волынского и его товарищей люди будут помнить вечно»?

— Тот самый!

...Это было шестнадцать лет тому назад, в мае 1945 года. Наша армия только что вступила в немецкий город Дрезден, известный всему миру своей знаменитой Дрезденской галереей. Там были собраны редчайшие картины. Среди них одна, как мне кажется, лучшая картина из всех, какие только есть. Это «Сикстинская мадонна» Рафаэля.

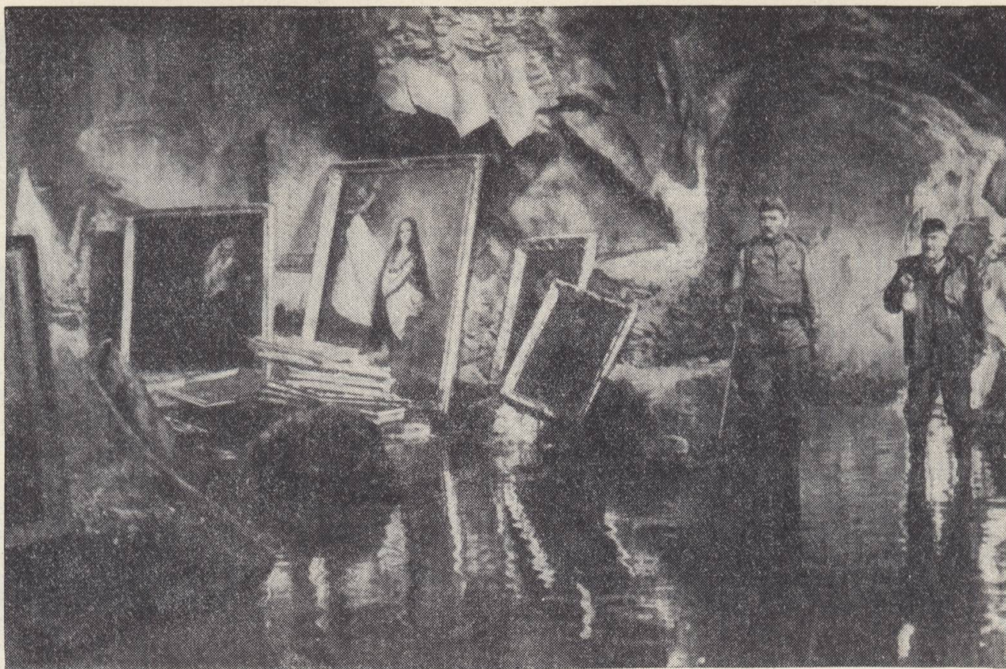
Так вот, взяли наши Дрезден, и первая мысль: где картины? Бросились к галерее — нет галереи: ее разбомбили американцы. Ищут в развалинах — нет картин в развалинах. Только позднее наши узнали, что эсэсовцы в страшной тайне куда-то увезли картины и спрятали их. Куда увезли, где спрятали? А может, картин уже и вовсе нет?!.

И наше командование решило: во что бы то ни стало найти картины. Не дать фашистам унести в могилу тайну спрятанных сокровищ.

Задание было поручено офицеру Леониду Волынскому, который до войны был художником, и нескольким его бойцам. «Помните,— сказали им на прощание в штабе,— если что случится, человечество вам не простит».

В опустошенном, разбитом городе удалось найти людей, готовых помочь нашим бойцам. Нашли наконец и шифрованную карту с условными обозначениями. И тут началось самое трудное. Дело в том, что некоторые тайники оказались заминированными. И наши саперы в последние дни войны

Кадр из фильма о том, как наши бойцы спасали сокровища Дрезденской галереи.

(когда еще немножко — и по домам) распутывали и перерезали тонкие нити проводов, которые тянулись к ящикам взрывчатки. Неверное движение — и взлетишь на воздух...

Обо всем этом **Леонид Наумович Волынский** рассказал в своей книге **«Семь дней».**

Я очень полюбил эту книгу. Ее можно читать с любой страницы, потому что Волынский пишет не только о подвиге наших солдат. Он рассказывает историю создания чуть ли не каждой картины, описывает жизнь многих художников. И когда я вдруг увидел Волынского на улице Горького, мне захотелось сказать ему, что я знаю его книгу и завидую, что вот он совершил такое: нашел и спас картины... Только я постеснялся.

Арсений Книгочеев

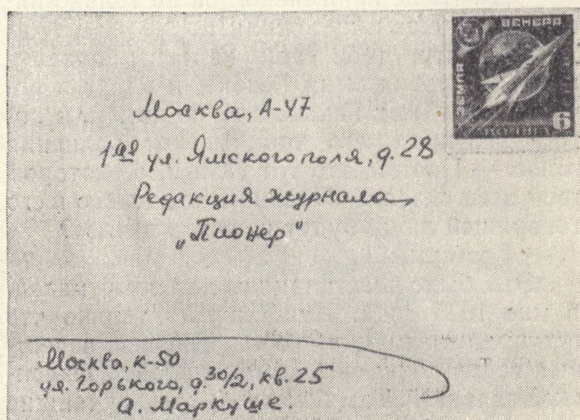

Письма пишут разные...

Письмо в редакцию журнала «Пионер»

Дорогие товарищи! Вы просите рассказать о моей переписке с ребятами. Вас интересует, много ли я получаю писем от читателей, каков их характер, что интересного удается почерпнуть из дружеской почты, приходящей в мой адрес, на все ли письма я отвечаю... Словом, вы предложили мне целую кучу вопросов. Постараюсь ответить.

Почти каждый день почтальон приносит мне две — три, иногда пять весточек от ребят. Большинство писем так или иначе связано с моей книгой «Вам — взлет!». Пишут главным образом будущие «реактивщики», в последнее время к «реактивщикам» прибавились еще и «космонавты».

Ребята задают множество самых разнообразных, иногда весьма неожиданных вопро-

сов, рассказывают о своих делах, часто просят совета. Всю почту я делю на три группы. К первой группе отношу письма, указывающие на недостатки моей книги.

Вероятно, мне не пришлось бы написать сто пятьдесят писем, разъясняющих, кого и с какого возраста принимают в аэроклуб, если бы я догадался сказать об этом в своей книге.

Судя по тому, сколько корреспондентов просили объяснить им разницу между турбовинтовым и турбореактивным двигателем, я прихожу к огорчительному для меня выводу, что глава «Новое сердце» удалась мне далеко не на «пятерку»...

Словом, к первой группе писем я отношу те, которые содержат в себе критические замечания читателей. Это самые дорогие, самые важные письма.

В письмах второй группы ребята задают вопросы, с книгой прямо не связанные, но сами по себе волнующие их. Приведу несколько примеров.

Коля С. из Костромы спрашивает: «Я очень рассеянный, как быть? Посоветуйте, дядя Толя, что мне с собой делать, а то меня не возьмут в летчики».

Виктор Ф. из уральского села пишет: «У меня один глаз видит совсем хорошо, а другой — немного хуже, какие вы можете дать рекомендации?..»

Леня Д. с Крайнего Севера просит: «Срочно сообщите, что можно ли влюбиться в шестом классе или нельзя?..»

Эти письма я тоже считаю очень важными. Ведь они свидетельствуют о доверии читателя к писателю, и отвечать на них я стараюсь со всей полнотой и обстоятельно, хотя порой это бывает очень трудно.

Действительно, как ответить на вопрос человека, страдающего дефектом зрения? Я же не врач. Но и не ответить нельзя. Приходится звонить друзьям-медикам, а пока рекомендовать не читать лежа, следить за правильным освещением стола, есть сырую морковку.

Как бороться с рассеянностью? На этот вопрос ответить проще. Опираясь на опыт летчика-инструктора, советую ребятам ставить перед собой «контрольные вопросы» и отвечать на них. Скажем так: пройди по главной улице города или поселка, в котором ты живешь, внимательно присматриваясь к домам, а потом попробуй начертить схему своего маршрута. Укажи, в каких зданиях расположены магазины, какие на них вывески, что на витринах и т. д.

Тем, у кого рассеянность проявляется больше всего при письме, кто вместо «порядок» пишет «прядок», а вместо «лесная дорога» — «левая драга», я рекомендую ежедневно (как физзарядку) переписывать из книги страничку-другую, тщательно проверяя себя по тексту. Как сообщают ребята из разных концов страны, такая тренировка зря не пропадает...

И, наконец, третья группа писем.

Вася Т. из Винницы просит: «Напишите мне биографии лучших летчиков страны и историю развития авиации». А Вася Л. из Могилева требует, чтобы я сообщил ему ни мало ни много «основные сведения из метеорологии, главные вопросы штурманской подготовки, а также перечислил все рекорды, зарегистрированные в ФАИ»...

Вот тут уж приходится разводить руками! Человек прожил на свете лет двенадцать, а то и все четырнадцать и хочет, чтобы я рассказал в письме всего лишь историю авиации, или изложил содержание целой науки, или переписал толстую книгу официальных рекордов... И невольно хочется спросить у такого корреспондента: «Дорогой мой друг, а ты подумал, прежде чем задавать свои вопросы?»

Скажу откровенно: такие письма меня возмущают. Возмущают не только своей несерьезностью, но еще и тем, что за ними кроется пушистая, мурлыкающая, махровая лень. Ведь за последние пятьдесят с лишним лет создана целая литература об авиации, изданы сотни томов справочных книг, выходили и выходят специальные журналы. Так пойди в библиотеку и, прежде чем посылать письмо, поройся в книгах, подумай... А то один корреспондент умудрился написать буквально следующее: «Сообщите, в какое учреждение об-

ратиться, чтобы мне ответили на вопросы, заданные в конце вашей книги «Вам — взлет!». Пишите как можно скорее». Не знаю, как вам, а мне это требование очень не понравилось. Человек, по сути дела, хочет, чтобы за него думало учреждение!

Вы спрашиваете меня, на все ли письма я отвечаю. Почти на все. Почему почти? Сейчас объясню. Как прикажете ответить на письмо, если в обратном адресе значится: «Узбекская ССР ул. Карла Маркса 4, Виктору», а дальше следует такая закорючка, что разобрать ее невозможно даже с помощью лупы?

Или куда посылать ответ, когда читатель вместо обратного адреса написал на конверте: «Жду ответа, как соловей лета...»

Увы, подобные письма совсем не редкость.

Однажды был такой случай. Получив интересное, толковое письмо от паренька из Сибири с указанием адреса, но без упоминания имени и фамилии автора, я все же решил ответить своему корреспонденту. На конверте пришлось написать: «Самому рассеянному человеку, интересующемуся авиацией...» Письмо дошло, об этом я узнал из Володиного ответа. Кстати, ответ этот был очень сердитый. Володя на меня обиделся. За что же? Во-первых, за то, что я долго не отвечал (шесть дней), во-вторых, за то, что написал я ему мало (а чего ж было писать много, когда я не знал, найдет ли письмо «самого рассеянного человека» или не найдет?), в-третьих, за то, что мой ответ был напечатан на пишущей машинке (Володя посчитал это за проявление бюрократизма)... Потом мы, правда, «помирились» и вот уже два года обмениваемся дружескими письмами.

Обиделся на меня и другой читатель — Роман Л. из Киева. Он прислал письмо длиной в 34 строчки, тем не менее в нем содержалось: грубых орфографических ошибок — 19, мелких описок — 27; к этому следует еще прибавить 4 кляксы и 6 отпечатков жирных пальцев...

Я отправил Роману его письмо обратно, подчеркнул все огрехи и написал прямо, что ученику 8-го (!) класса посылать такие письма стыдно, что летчик из него никогда не выйдет, так как неряха, несобранный человек, а проще сказать, разгильдяй никогда не сможет освоить сложную авиационную технику. К тому же я заметил и написал об этом, что Роман еще и хвастун. Почему? Потому что, помимо всего прочего, он сообщал: «Учусь я по всем АснАвным прИдметам на хАрАшо и отлично...»

Ответа на свое письмо я не получил. И, если говорить по совести, не очень жалею об этом...

Вообще же о пользе переписки я думаю так: обмен письмами только тогда имеет смысл и только тогда приносит пользу, когда корреспонденты обогащают друг друга наблюдениями, мыслями, впечатлениями, а всякая иная почта — пустая трата времени.

Большинство писем, которые приходят от ребят, потому мне и дороги, потому и приносят огромную радость, что с их помощью я узнаю бездну интересных вещей, проникаю в мир чувств своих читателей, возвращаюсь в ребячий коллектив, из которого я, к сожалению, выбыл по возрасту вот уже добрых двадцать пять лет назад...

Действительно, из маленького городка Бор мальчишка пишет мне о своей великой, огромной, самой большой в жизни радости. Что же случилось? Сережка Ляпин прокатился на самолете «АН-2»! Еще бы, это радость, да какая! Человек попал на седьмое небо! Вы думаете, он купил билет и полетел пассажиром? Ничего подобного! Сережа целый месяц помогал бортмеханику на полевой площадке сельскохозяйственной авиации и полет получил в премию!

Получишь такое письмо и радуешься целую неделю. Ну как не радоваться за хорошего человека!

Или другой факт.

Винницкие ребята сами построили планер. Не модель, а настоящий учебный планер. Присылают письмо, просят помочь им достать инструкцию по технике пилотирования.

Честное слово, для таких ребят не жалко бросить все дела и, высунув язык, пробегать с утра до вечера по городу в поисках нужной книжки...

Дорогие ребята! Еще раз спасибо вам всем за замечания, пожелания и предложения, которые вы высказываете в своих письмах.

В новых работах, при переиздании старых книг я непременно учту вашу дружескую критику. Не обижайтесь и вы на мои замечания. Все, что здесь написано,— от чистого сердца.

Ваш Анатолий Маркуша

ЗАГАДОЧНЫЙ КРУГ!

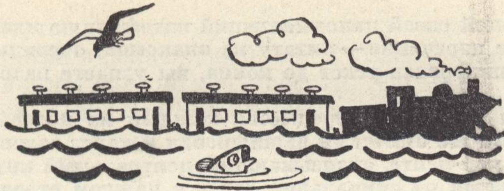
Этот загадочный круг, формой своей напоминающий патефонную пластинку, содержит в себе мудрое изречение — цитату из знакомой, очевидно, вам басни И. А. Крылова. Расшифровав текст до конца, вы узнаете название басни, откуда он взят.

Внутри круга изображены различные предметы, каждый из которых помечен особым значком. Этими же значками зашифрован и текст головоломки, записанный на спиральной ленте, опоясывающей центральный круг. Само собой разумеется, что значок на спиральной ленте в каждом отдельном случает обозначает только одну какую-либо букву из того слова, на которое дает указание рисунок. Надо учитывать при этом, что сколько бы букв ни входило в состав того или иного слова, обозначенного рисунком, всем этим буквам должно быть найдено место в тексте, зашифрованном на спиральной ленте. Так, например, под № 16 дан рисунок, обозначающий слово «док». В этом слове всего три буквы — и на спиральной ленте вы найдете только в трех клетках значок, относящийся к этому слову: в одном случае им обозначается буква «д», в другом — «о», в третьем — «к». Остается лишь догадаться, когда какой букве отдать предпочтение, потому что не всегда нужно брать их в порядке очередности.

Под № 18 вместо рисунка дан набор букв, помеченный наполовину закрашенным кружком. Встречаясь с таким значком на спиральной ленте, нужно выбирать ту букву из пяти, которая больше подходит по смыслу.

Составил Г. Зотов.

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ... НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ВАГОНА

Мне довелось совершить путешествие из Харькова, где я живу, в город... Но вы и сами догадаетесь, что это за город, если я скажу, что название его состоит из пяти букв, и три из них одинаковые. Интересно, что по пути в этот город я, не выходя из железнодорожного вагона, плыла по двум морям.

Мне кое-кто не верит. Говорят, что это я, наверно, во сне видела. А как вы, ребята, думаете?

Оля Чернякова

ОТВЕТЫ *на задачи,* ПОМЕЩЕННЫЕ В № 7

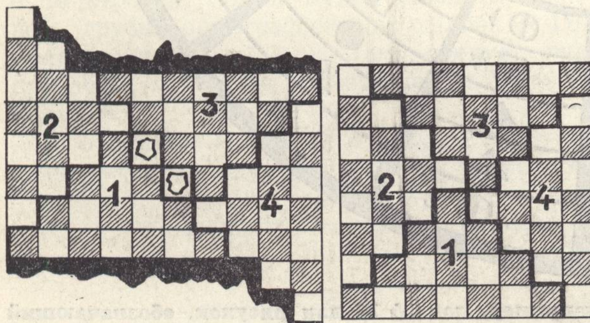
РАССЫПАННЫЙ РЕБУС

Головоломка решается при помощи специальной накладной «решетки», образец которой помещен в правой нижней клетке ребуса. Перерисуйте «решетку», увеличив клетки в ней до размеров клеток ребуса. На местах белых клеток прорежьте окошки. Наложите «решетку» на ребус так, чтобы цифра 1 была наверху, и расшифруйте, начиная с верхнего ряда, те части ребуса, которые будут видны через прорезанные окошки. Затем поверните «решетку» другой (2) стороной кверху и расшифруйте следующие четыре рисунка, оказавшиеся в окошках, и т. д. В результате четырехкратного наложения «решетки» вам удастся расшифровать в нужной последовательности все составные части ребуса.

Текст загадки-шутки: Горели семь свечей, из них четыре потушили. Сколько осталось? Ответ: Осталось четыре свечи, так как остальные, очевидно, сгорели.

ДОГАДЛИВЫЙ СТОЛЯР

Так была распилена и заново склеена доска.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00300. Подписано к печати 1/VIII 1961 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 1616. Заказ 1736. Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Марки для коллекций

1. Пакет 474 — 90 лет со дня рождения В. И. Ленина. 6 гашеных марок — цена 08 коп.
2. » 475 — Выработка ткани. Вертолет. Стандартный выпуск 10 гашеных марок — цена 13 коп.
3. » 476 — Обратная сторона Луны. 40 лет Азербайджанской ССР. Центральный музей связи. День коллекционера. Космический корабль. Прибалтийские советские республики. 9 гашеных марок — цена 12 коп.
4. » 480 — Столицы автономных республик. 40 лет Казахской ССР. 40 лет Армянской ССР. 12 гашеных марок — цена 12 коп.
5. » 481 — Лес. Рыбы. Речной флот. Левитан и др. 10 гашеных марок — цена 14 коп.
6. » 482 — Автомобили. Писатели: Лев Толстой, Марк Твен, Гогобашвили. 9 гашеных марок — цена 13 коп.
7. » 472—Фауна СССР. 8 гашеных марок—цена 12 коп.

Тематические коллекции в тетрадях «Социалистический транспорт» — 50 марок—цена 1 р. 32 к.

«Москва — столица СССР» — 62 марки — цена 1 р. 65 к.

Каталог почтовых марок СССР за 1960 г.— цена 02 коп. и др. филателистические материалы.

Марки высылаются наложенным платежом. Оплата на месте при получении.

Адрес магазина: Москва Ж-4, Б. Факельный пер, дом 2/22. Магазин № 111 Москниги.

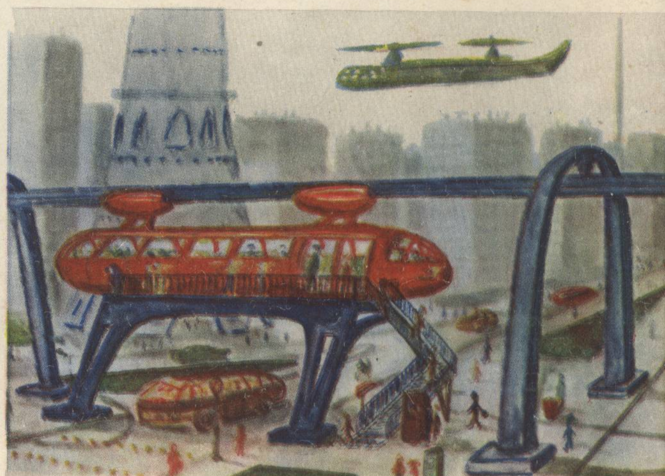

Цена 25 коп.

НА ЛУНЕ.
Борис Сопин, 13 лет.

Эти рисунки сделаны художниками изостудии Московского городского Дома пионеров в юбилейном году: исполнилось 25 лет с тех пор, как дворец в переулке Стопани был передан московским пионерам. Ничего удивительного, что рисунки носят космический характер. Такой уж нынешний, 1961 год, год первого полета человека в космос. И кто знает, может, не так уж далеко то время, когда студийцы Дома пионеров будут делать рисунки для новой выставки, не фантазируя, а с натуры, на Марсе или на Венере!

ТРАНСПОРТ БУДУЩЕГО.
Александр Солдатов, 14 лет.